Молодая гвардия

11 • 1986

Михаил Васильевич Ломоносов
К 275-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Галина СЕРЕНКО. **Отголоски.** Стихи — 3

● ПОЭЗИЯ

Евгений АНТОШКИН. **Тяжелые версты.** Стихи — 9

● ПРОЗА

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ. **Заблудившийся крик.** Роман. Предисловие Олжаса Сулейменова — 20

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» — 129

● ПОЭЗИЯ

Георгий ЗАЙЦЕВ. **Личное дело.** Поэма — 181

Владимир КОСТРОВ. **Песня, женщина и река.** Стихи — 196

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Бойцы ленинской гвардии

Г. ПОДОПРИГОРА. **«Там, где тяжелее...»** 199

«Молодая гвардия» на шефской вахте

Валерий МИТРОХИН. **Судьба Азова** 221

Стратегия ускорения: поиск, качество, человеческий фактор

Иван СИНИЦЫН. **Инициатива** 227

● ИСКУССТВО

А. АЛЕХИН. **Нужна ли грамота творцу? Записки художника-педагога** 241

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор БУГАНОВ, доктор исторических наук. **«Он все испытал и все проник».** К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова 256

Николай ЯНОВСКИЙ. **Во имя труда** 262

● НАШ КАЛЕНДАРЬ

В. ШОШИН. **Школа поэта** 273

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Анатолий ЕРМАКОВ. **Воспитание честью.** Раиса РОМАНОВА. **Острота памяти.** Ю. ЛУБЧЕНКОВ. **Механизм лжи.** Николай ДОРИЗО. **В начале пути** 276

Первая страница обложки журнала: Памятник В. И. Ленину в Москве на Октябрьской площади. Фото В. Коломийца.

«Молодая гвардия», 1986, № 11, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Галина СЕРЕНКО

Автору этих стихов 17 лет. Галина Серенко — ученица десятого класса средней школы города Георгиу-Деж Воронежской области, комсомолка. Она делает свои первые шаги в литературе — публиковалась в областной газете «Молодой коммунар», в журнале «Подъем». Но уже сейчас можно сказать, что она человек не без дарования, у нее есть чувство поэзии, есть своя тема, своя тональность. Стихи ее лиричны, естественны, прозрачны.

Пожелаем Галине Серенко новых поисков, неудовлетворенности, новых творческих успехов.

ОТГОЛОСКИ

* * *

Где-то в глубине моей души —
Отголоски лета. Отголоски...
Ласковые русые березки
В солнечной бесхитростной тиши.

Почку, что глухой зимой жила,
Не надеясь на судьбу лихую,
Я с озябшей ветки сорвала —
Маленькую, жесткую, сухую.

Видишь, в ней не выжгли холода
Слабую зеленую живинку.
Нет, весна не сгинет никогда,
В этом беспощадном поединке.

Из-под снега выбьется трава,
Лист тугой спиралью развернется,
Загудит веселая молва —
Голос леса, и воды, и солнца!

А пока... Пока трещит мороз,
Сладко дремлют в забытьи листочки,
Каменея на ветвях берез,
Кажутся безжизненными почки.

ВРЕМЕНА

Быть может, где-то в синих чащах,
В тысячелетней старине
Мой незнакомый дальний пращур
Когда-то думал обо мне.

Ему мерещилось сквозь пламя,
Что он зажег в кромешной мгле:
С его зелеными глазами
Девчонка бродит по земле.

Она, конечно, будет тоже,
Как он, любить родную речь,
Как он, зеницы ока строже
В ночных кострах огонь беречь.

И будут степи так же дики.
И будет так же ночь густа.
Ковром сплетется земляника
У придорожного креста.

ВОСПОМИНАНИЕ

...А в детстве ивовая ветка,
Очищенная от коры,
Была сладка, как сахар крепкий, —
Я это помню с той поры,

Как мы однажды у беседки
Нашли зеленого жука —
Над ним слегка качались ветки
От ласкового ветерка...

Здесь ссорились мы и мирились,
У ив плакучих полосы.
Лучи у солнца шевелились,
Как будто рыжие усы.

Давно забыта и беседка,
И жук, и солнца рыжий ус...
Сегодня я лизнула ветку,
Она была горька на вкус.

* * *

Любовь моя — родимая земля,
Печаль моя — березовая нежность.
Бывают так плакучи тополя,
Бывает так жестока неизбежность.

И все заметней осени следы,
А осень, как всегда, — пора прощанья.
И тихо осыпаются сады,
И зябнут астры в утреннем тумане.

И жухнет с каждым днем трава-спорыш,
Ее коснулась осень желтой кистью.
В пустых полях, за рядом мокрых крыш,
Дрожат берез седеющие листья...

* * *

Нежность мать-и-мачехи в ладонях,
Тонкая живая желтизна.
Сонный мир от наслажденья стонет:
Ах, какая теплая весна!

Царственная майская прохлада
Заступает на зеленый трон.
Древняя планета солнцу рада,
Как бывала рада испокон.

Хрупкий первоцвет щекочет пальцы,
Жарким медом пахнут лепестки.
Сквозь тупой тяжелый слой асфальта
Вдруг пробились бледные ростки...

Май опять творит земное чудо.
Жизнь опять во власти красоты.
И прекрасны от улыбок люди,
И глаза от синих луж чисты.

* * *

Жду звонка на междугородней.
В будке странная тишь.
«Ты должна позвонить сегодня,
Почему ж ты молчишь?»

Мамин голос, слегка приглушенный,
Милый голос, родной,
Будет в трубке дрожать телефонной,
Словно здесь, за стеной...

Расскажи мне, когда ты вернешься?
Мне так больно одной.
Ты измучилась... Ты днем и ночью
В мыслях рядом со мной.

Миновало всего две недели!
Две недели и —век.
Мое сердце уже на пределе —
Сердцем жив человек.

РОДНЫЕ СТЕНЫ

Небо в лужах, зов проталин дальних,
Все мои заботы — трын-трава.
«Я хочу домой!» — как заклинанье
Для меня обычные слова.

Даже стены мне помогут дома.
Эти стены, чтоб тепло сберечь,
Мажут летом глиною с соломой,
Белят мелом потолки и печь...

Помню, как мы мазали времянку,
Как в косынке и с ведром в руках
Встала я на шаткую стремянку
С глиной на лице и в волосах.

...Да, родные стены мне помогут,
Вдруг дохнув прохладой нежилой.
Я войду и стану у порога.
И пойму: приехала домой.

ФОТОГРАФИЯ

Сережка, братишка, ты здесь как живой.
Твоя фотография передо мной.
Я помню, ты был вот таким же и летом:
Вихрастым, смешным карапузом трехлетним.

Подрос хоть немного? Пожалуй, подрос.
И, кажется, носик не так уж курнос.
И, кажется, даже чуть-чуть похудел.
А в общем, такой же, как прежде, пострел!

Нахмурены светлые бровки немножко,
Как будто обижен упрямый Сережка.
Не хмурься, малыш. Не смотри исподлобья,
Ты лучше чуть-чуть улыбнуться попробуй.

Я знаю — ты плакать прекрасно умеешь,
Но бровки расправь, улыбнись поскорее —
Тогда оживет фотография сразу...
Но смотрит серьезно малыш кареглазый.

Суров до смешного на фото братишка,
Кудрявый мальчишка в коротких штанишках.
Блестит фотография цветом и глянцем,
И я начинаю сама улыбаться.

* * *

В свои права вступает лето,
Июнь восходит, как заря,
Забылись мрачные приметы
Пугающего января.

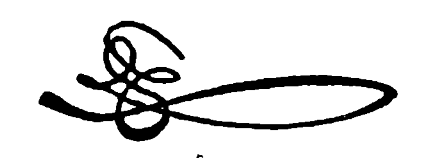
Забылись скучные сонеты,
Безличный холод фонарей...

В свои права вступает лето,
И лета не было добрей.

Не все на свете безмятежно.
Могилы есть, и есть кресты.
И к монументам без надежды
Приносят матери цветы.

А где-то монументов нету,
И бомбы рвут уют жилья,
Да, на другом конце планеты
Сегодня гибнут сыновья.

А матери еще не знают,
Украдкой плачут — о живых,
И ждут, и верят, и мечтают
Увидеть сына хоть на миг...

ПОЭЗИЯ

Евгений АНТОШКИН

ТЯЖЕЛЫЕ ВЕРСТЫ

* * *

Видел я в одном большом музее
Все, чего ты,
Человек,
Достиг, —
Всех времен военные трофеи...
Не случайно здесь собрали их.

Пулемет
И каска с дыркой рваной,
Медальон,
Две пули разрывных...

...И войны последней ветераны
Медленно рассматривали их.

Словно все
С судьбой своей сверяли...
Павших вспоминали,
Как живых, —
Мир они надежно отстояли
В страшных тех годах
Сороковых.

Как же так, —
Что с радостями вровень,
Словно порознь жить
И не могли,
Тысячи смертей
И реки крови
По земле все время
Рядом шли?..

О чужой беде
Не вспоминают, —
Не коснулась лично вас пока.
Только одинаково рыдают
Матери на всех материках.

Может быть,
Забывчив слишком кто-то.
Мертвые, известно,
Не встают.

Кто же
И кому тогда в угоду
Гонит на убой
Безвинный люд?

...Каменные стрелы,
Шлемы,
Латы —
От дубин
До ядерного зла...

При наличье этих «экспонатов»
Всей Земли история прошла.

Каждый век
Своею метой мечен:
Черепок,
Огрызок туеска...

Но стрелы тяжелый наконечник
Даже чаще можно отыскать.

Словно все
От бед людских ослепло,
Утонуло в темных днях веков...

...И не сединой покрыты —
Пеплом
Волосы былых фронтовиков.

О СТАРОЙ МАРЬЕ

Похожа доля горькая твоя
На судьбы многих
В дорогой сторонке...
Ушли из дома
Муж и сыновья, —
Обратно возвратились
Похоронки.

Но приходили в сны
Не раз они
И улыбались молча
Через годы...
Растаяли вдали
Былые дни.
И новые узнала ты
Заботы.

Ты помнишь
И бесхлебные поля.
Недоедала
И недосыпала.
Избитая воронками земля
На жилистых плечах твоих
Вставала.

В привычной спешке,
Время торопя,
Ты столько верст тяжелых
Отмахала.
Спешила и за них,
И за себя
И землю эту трудную
Пахала.

Хоть знала —
Нет чудес,

Но все ждала.
И вот
Ты поняла,
Что умираешь.
Всех близких к изголовью
Позвала.
Глядишь на них,
А что сказать —
Не знаешь...

И думы все
В словах таких простых:
«Живите
И годин лихих
Не знайте, —
С улыбкой оглядела
Молодых, —
Живите,
Бабку Марью
Вспоминайте!..»

ЛЕТНИЙ ЛЕС

Со сменными картинами
Лесной привычный вид.
Вчера был —
Подосиновик.
Сегодня —
Боровик.

С какой идешь ты
Весточкой?
Шагнешь —
И все на слом.
Ведь здесь,
Под каждой веточкой,
И жизнь своя,
И дом.

Брусника
С голубикою,
Малина,
Иван-чай.

И скрипочки
Пиликают —
Иди
И не скучай.

Колечко обручальное
На пне
Увидел я.
Не тронь его
Нечаянно,
Ведь это спит
Змея.

Рад поделиться тайною,
Раз вперекор другим
Пришел ты
Не хозяином,
А гостем дорогим.

Все в свой черед
Расскажется,
Секретов
Не тая...
Хоть лес
И хмурым кажется,
Всем хватит в нем
Жилья.

* * *

— Прохожий, пей,
Сладка вода.
Испей,
Проезжий!..
Вяжи тугие невода,
Сучи мережи.

Скользит река
У деревень
Тропой покатой.
И с нею сиверко
Весь день
Запанибрата.

А волны —
Вдаль.
А волны —
Вширь.
Сошлись —
Где тучи.

А он свое:
«Все Свирь
Да Свирь», —
Под стон
Уключин.
От вязкой ряски
И шуги
Река
В заплатах.
Шуруют щуки
И сиги
На перекатах.

Ты не спеши
Передохнуть —
Пусть ветры
Рвутся,
Пока река
И Млечный Путь
В одно
Сольются.

А вечер
Всполохом зари
Как гостя
Встретит.
Тебя, как будто
Изнутри,
Он вдруг
Осветит.

В зеленых блестках
Невода
В затоны
Спрячет.
Пусть щукой
Прядает вода
И уткой крячет.

* * *

Кружись, мой снег, —
Пятидесятый!..
Все четче твой
Глубокий след.
Уже и к нам
Крадутся даты —
К мальчишкам
Предвоенных лет.

И время точит,
Точит косы,
Своих расчетов
Не таит.
И больше все
Седоволосых
Друзей-ровесников
Стоит.

Нас
Дни военной доли
Гнули.
И не считая
За детей, —
И под осколки,
И под пули,
И в длинный строй
Очередей.

А чтобы ты
Не знал покоя,
Он, как в кино, —
Сто раз подряд, —
Как будто что-то
Внеземное,
В упор летящий тот
Снаряд.

И ты все ждешь —
Вот он
Взорвется.
И холод чувствуешь
В плечах.

А он летит —
И остается
Навечно в памяти
Звучать.

А следом —
Нате! —
«Гость» явился.
Вошел в избу,
От шнапса пьян.
И сам,
Без спросу,
Поселился.
Нас с бабкой выбросил
В чулан.

Тайком бабуля шепчет:
— Ирод, —
Когда он
Что-то там поет.
Когда
Душистый ломтик сыра,
Поддев на нож,
Мне подает.

Ему хозяином быть
Мало.
И он
Ведет свою игру.
И, привкус чувствуя металла,
Губами ломтик тот
Беру.

Я не пойму,
Чего он хочет?
А на губах
Сочится кровь.
Он то лютует,
То хохочет
И ножик с сыром
Тычет вновь...

Мы будем живы,
Будем живы,

В солдатском том
Ночном броске.
Густую темь
Кромсают взрывы, —
И жизнь твоя
На волоске.

Вокруг снега,
Вокруг морозы,
А мы раздетые
Стоим.
И душат радостные
Слезы:

— Свои,
свои,
свои,
свои!..

И как за все теперь
В расплату,
Представить время
Счет спешит.
И этот снег —
Пятидесятый —
На волосах не зря
Лежит.

ДРУЖБА

Зря ропщешь ты,
Что разочарованья
Привычно ходят рядом
С добротой.
И всем поступкам ищешь оправданья.
Тот поиск, как мне кажется, —
Пустой.

И все же душу
Радостью осветит
За встречи все,
Что были впереди.
Пусть и за те,
Когда в дороге встретит

Случайный друг
Уже на полпути.

И может, то
Не случая заслуга,
А обстоятельств разных городьба.
Когда твой друг
Искал в тебе
Не друга,
А верного, послушного раба.

Напрасно убиваешься, и плачешь,
И ищешь второпях
Во всем обман.
Ведь дружба,
Словно добрая удача,
Она приходит к людям,
Как талант.

* * *

Как работал я
Прилежно.
Все мне было
Нипочем:
То отверткой,
То ключом.
То зубилом,
То плечом.
У меня
К работе
Зло.
Я сверлил,
Как будто
Резал.

И летало вновь
На слом
Тугоплавкое
Железо
С победитовым
Сверлом.

Понапрасну
Слов не тратя,
Мастер был
В делах суров:
— Ты показывай
Характер,
Только, знаешь,
Не тово!.. —

Разговор
Без сантиментов.
И с упреком
Гневный взгляд.
И на порчу
Инструмента
Мне выписывал
Наряд.
Не показывал он
Власти...

Через годы
Потому
За науку,
За участье
Низко кланяюсь
Ему.

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КРИК

Роман

В середине семидесятых годов вошел в казахскую литературу писатель Роллан Сейсенбаев, привлекший внимание читателей молодым, задорным голосом, чистотой и ясностью мироощущения. Его герои — простые люди, одержимые высокими идеалами, стремящиеся к справедливости, — открылись во всей своей душевной красоте.

Своим творчеством он как бы снова подтвердил истину: ценность писательского труда определяется не только талантом, но и его направленностью. Творчество Р. Сейсенбаева во многом полемично, что объясняется его активными поисками в нравственной и эстетической сферах.

Новый роман Сейсенбаева «Заблудившийся крик» многоплановое. Это произведение, соединяющее в себе достоверность и вымысел, трагическое и комическое, драму и лирику, — как это и бывает в жизни. Роман не только современен, но и, думаю, своевременен по поставленным в нем проблемам. В основе сюжета непростая история семейства Ескендира.

Герои романа — люди сильной воли, люди действия; они проявляют себя прежде всего в поступках, и это придает роману особую динамичность. Такой роман мог написать мужественный человек, горячо любящий свой народ. Писатель-коммунист и истинный гражданин воспринял проблемы, волнующие его героев — наших современников, как проблемы своей личной судьбы, выступая против беспечности, аполитичности, самоуспокоенности в жизни и в искусстве.

Если писатель пытается смотреть на жизнь глазами стороннего наблюдателя, то его книга никого не затронет, она умрет на письменном столе. Только исследуя жизнь изнутри, можно понять движение народной души, ее стремления. В этом и состоит задача писателя.

Гуманизм Роллана Сейсенбаева активен, исполнен веры в человека, и в этом его жизнеутверждающая сила.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

У сердца есть свой разум,
которого разум не знает.

Блез Паскаль

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Праздные обитатели городского пляжа стали к вечеру торопливо расходиться, и голоса мальчишек, гонявших на поляне футбольный мяч, слышались теперь ясно и отчетливо.

Но что было до этих детей им, влюбленным, укрывшимся от чужих глаз в тихой бухточке, обросшей густым кустарником? Это было их место, ими открытое и облюбованное: только случайный прохожий мог обнаружить их здесь, на чистой песчаной отмели, омываемой прохладными водами древнего Иртыша.

Сауле протянула руку, и нежная ладонь коснулась Абылая. Он пошевелил длинными ресницами, мягко по-

жал в ответ влажные пальцы девушки. Разомлевшие, согретые лучами солнца, клонившегося к горизонту, они блаженствовали, наслаждаясь уединением, свободой, покоем.

Она открыла глаза — пронзительное синее небо уходило в бесконечность, и девушка, как бы испугавшись этой бездонной синевы, повернулась к Абылаю, прижалась теснее...

— Я соскучилась по тебе, Абылай. Очень соскучилась...

Абылай коснулся ее ладонью, искоса взглянул на Сауле, она поспешно, но мягко отстранила руку парня.

«Бесконечно могла бы так лежать, — подумала она, — так бы и лежала, просто лежала... лежала... лежала... Прижавшись... Так... Видела бы сейчас меня мама... О боже...»

Она усмехнулась и снова закрыла глаза.

— Ты чего? — спросил Абылай. — Чего смеешься?

— Так... Просто... — ответила Сауле.

— Скажи...

— Не все можно говорить...

— А ведь обещала, что никогда ничего не станешь от меня скрывать...

Сауле вздрогнула, привстала, но Абылай спокойно лежал с закрытыми глазами, и она вновь опустилась на песок, досадуя, что чуть было не выдала себя.

— Так, просто, — повторила она. — Представляю, что бы сделала мама, если бы увидела, как мы тут... с тобой...

— Ничего бы не сделала. Думаю, обрадовалась бы...

— Как бы у нее сердце от такой радости не лопнуло.

«Обещала... Никогда... Ничего... — звучал в ее ушах голос Абылая. — Но как сказать это? Какими словами? Оправдываться? Нет, нет... Лучше уйти... умереть...»

Ей хотелось заплакать, но она усилием воли сумела удержаться от слез.

«После... потом...» — утешала она себя, твердо решив, что завтра же во всем сознается Абылаю. И одновременно тоскливо понимала, что первый ее враг — она сама, что она САМА погубит себя, погубит своей честностью, жаждой справедливости, тем, что не может утаить это злое... мерзкое...

...Обхватив руками колени, они молча смотрели на реку, на другой ее берег. По реке шли быстрые лодки. Тя-

желые и сильные волны стремительно набегали друг на друга, шумно ударялись о берег и тихо гасли, умирая в песке. Слышался надсадный гул самолетов, взлетающих с бетонной полосы аэродрома, расположенного неподалеку. Казалось, что огромные стальные птицы, расправив крылья, парят над Иртышом, но мгновение — и они, устремившись в небо, тут же исчезали за горизонтом, и лишь только этот гул, этот медленный рокот еще долго держался в опустевшем небе. А вот взлетел маленький, верткий Ан-2, букашка с двойными крыльями, и Абылай вспомнил Омара, его веселое лицо, улыбающиеся карие глаза, густые брови, всю его крепкую, ладную фигуру.

И так всегда. Стоит Абылаю увидеть Ан-2, как тут же в его сознании возникает Омар, дорогой человек, навеки утраченный... Веселое лицо, улыбающиеся карие глаза... Самый дорогой, самый близкий... Каждый раз при виде самолета Абылай как бы заново переживает всю горечь утраты. Честность, ум, доброта — как редко эти качества сочетаются в одном человеке! С тех пор как погиб Омар, а его жена Баян, сестра Абылая, возвратилась из Целинограда домой, в Семипалатинск, Абылай делил с ней горе, пытался хоть чем-нибудь помочь, облегчить ее тяжелую, сумрачную вдовью печаль.

На противоположном берегу появилась ватага ребятишек, они с визгом попрыгали в воду.

— Давай искупаемся, — предложил Абылай.

— Давай, — согласилась Сауле.

Абылай нырнул и выплыл уже далеко от берега.

— Не бойся! — крикнул он Сауле, осторожно ступающей в воду.

Сауле доплыла до Абылая и перевернулась на спину.

— Устала, — сказала Сауле. — Вода — прелесть. Как парное молоко.

— Я целых два месяца не видел Иртыша. Вы-то, наверное, каждый день купались? Ты часто сюда приходила?

Сауле сделала вид, что не слышит. «Как сказать? Что сказать?..» Ей показалось, что не только лицо, что все ее тело горит, и она глубоко погрузилась в воду.

А когда вынырнула, увидела, что течение далеко отнесло ее от Абылая, который, раскинув руки, все еще безмятежно покачивался на поверхности под этим синим-синим, чистым, без единого облачка небом.

Сколько было таких же, как это небо, безоблачных сча-

стливых дней? Сколько было и сколько еще могло быть! Но все это сгинуло в один вечер, и теперь Сауле суждено вечно всего бояться, вечно быть в тревоге...

...В ту ночь все они, только что закончившие школу, пришли сюда, на берег Иртыша. Пришли в последний раз — ведь выпускные экзамены были позади, и теперь для них начиналась новая, неведомая жизнь. Вчерашние школьники, они играли, дурачились, жгли костры, пели песни, читали стихи.

Абылаю и Сауле вдруг наскучила веселая компания, и они, отстав, ушли в сторону, туда, в ночную тишину отмели, где их тени колебались в лунном свете и загадочно мерцала иртышская вода.

«Искупаемся?»

«Вода холодная...»

«Ночью вода всегда теплая...»

Абылай, скинув рубашку и брюки, бросился в реку. Выплыв на середину, он оглянулся. Сауле, вся облитая лунным сиянием, осторожно вступала в воду. Заметив, что Абылай смотрит на нее, она присела на корточки и поплыла. Вскоре они плыли рядом...

Он вынес ее на берег, руки ее доверчиво обвивали его крепкую шею. Затем Сауле вырвалась и побежала. Абылай, радостно смеясь, пустился за ней вдогонку, шлепая босыми ногами по мокрому песку. Он настиг ее, она вырвалась, поймал за руку, снова вырвалась, и они упали в мягкий, еще не остывший песок.

Из леса как будто дохнуло теплом, и Абылай склонился над девушкой. Поцелуй...

«Нет, нет, Абылай...»

«Сауле!»

«Не надо! Абылай, не надо!..» — Сауле оттолкнула парня, и тот в смущении и печали остался стоять перед ней на коленях.

«Сауле!»

«После... Потом... — отозвалась Сауле дрожащим голосом. — Я сама к тебе приду... в белом платье и фате...» — Она порывисто обняла Абылая. Он смотрел на нее во все глаза, и его колотил озноб.

«Прости меня», — наконец сказал он.

«Глупенький мой, это ты меня прости», — сказала Сауле.

— Сауле, нам домой пора! — крикнул Абылай.

— Хорошо, — отозвалась Сауле, и они наперегонки поплыли к берегу.

— Ты такой черный, разве можно на солнце работать без рубашки? — сказала Сауле, одеваясь.

— Можно и нужно.

— Нужно? Извини, ты какую отметку получил по технике безопасности?..

— Тройку. А точнее — тройку с минусом...

— Тогда все понятно, — засмеялась Сауле, и Абылай слегка обиделся.

— Поставить бы того, кто придумал эти правила, в сорокаградусную жару, без навеса глину месить... Я бы посмотрел на него! Он бы не только рубашку, он бы и все остальное скинул...

— Абылай! — Сауле укоризненно покачала головой.

— Прости, — смутился Абылай.

Он завел мотоцикл, и Сауле, прижавшись к нему, уткнулась в его горячую, прокаленную солнцем спину. Не сбавляя скорости, он въехал во двор и резко затормозил у первого подъезда.

— Абылай! Абылай приехал! — восторженно загалдели мальчишки, спеша со всех сторон к мотоциклу.

На балконе появилась мать Сауле.

— Ох, не доведет тебя до добра этот мотоцикл, Абылай! Почему б тебе не ездить потише? Ведь двор полон детей! — ворчливо сказала она вместо приветствия.

— Ну, теперь тебе влетит! — сокрушенно сказал Абылай.

— Ничего, поворчит и перестанет. Мама долго не сердится, — подмигнула Сауле.

Она скрылась в подъезде, и Абылай услышал торопливый цокот ее каблучков. Кто-то тронул его за плечо.

— Эй, Абылай, привет!

Он оглянулся. Это был Салим — парень с четвертого курса.

— Привет! — Абылай протянул ему руку.

— Когда приехал? — спросил Салим, поправив галстук и смахнув с рукава своего отутюженного пиджака невидимую пылинку.

— Вчера ночью.

— Весь отряд вернулся?

— Нет, отряд остался, а я дезертировал, — невинно глядя на него, сообщил Абылай.

— Ладно, кончай чепуху молоть, — обиделся Салим и опять занялся своим костюмом. Этот аккуратный до педантизма парень не нравился Абылаю.

— А ты что, беглецом меня считаешь?

— Я потому спросил, что комитет комсомола еще не знает о вашем возвращении, — начал оправдываться Салим.

— Достаточно и того, что областной штаб стройотрядов в курсе...

— Ты не прав. Вы и нас должны были поставить в известность, — заупрямился Салим.

— Ладно, поставим... — ответил Абылай. — Ты лучше скажи, чем сам-то все лето занимался. Какие у тебя достижения?

— Да так, все текучка, текучка... — Салим вздохнул. — Обыкновенная комсомольская работа. Ты ведь знаешь, какой в этом году конкурс был? Четырнадцать человек на одно место...

— Значит, успел с какой-нибудь новенькой познакомиться, а? — Абылай подмигнул Салиму.

— Скажешь тоже! — покраснел Салим. — Говорю тебе, работы было невпроворот. Вот сейчас первый курс отправляем на сельхозработы...

На балкон вышла Сауле.

— Абылай, до вечера! — помахала она рукой, и Абылай, не простившись с Салимом, резко взял с места и уехал.

— Привет, Сауле! — сказал Салим, заслонившись рукой от солнца.

— Привет, Салим, — отозвалась Сауле.

— Хочешь в теннис поиграть? Спускайся!

— Мне некогда. Спасибо...

Сауле ушла, оставив балконную дверь открытой, и Салим долго глядел, как колеблется от легкого ветра штора.

2

Выходя из ванной, Абылай нос к носу столкнулся с отцом.

— Вы, оказывается, дома, папа? — удивился он.

— Дома, как видишь, — сказал Ескендир.

— А я и не заметил...

— Все носишься сломя голову, — улыбнулся отец и,

присмотревшись к нему, добавил: — Ты за это лето здорово подрос.

— Кажется, вас наконец-то догнал...

— Ну-ка, ну-ка... — Он подошел к сыну и провел ладонью по его голове. — Да ты никак выше меня...

— Помните, как бабушка говорила: «Молодые вырастут, бедняки разбогатеют...»

— Да, бабушка знала меткое словцо, — вздохнул Ескендир и предложил: — Ну, стройотряд, давай чай пить...

— Я не могу, пап, мы идем в ресторан.

— В ресторан... — огорчился Ескендир.

— На банкет по случаю окончания трудового семестра. Короче, весь наш отряд собирается...

— Понятно, — задумавшись, отозвался Ескендир.

Он закурил и посмотрел во двор. Большой круглый стол под яблоней, пять разноцветных скамеек. И этот стол, и эти скамейки Ескендир сделал своими руками — он любил постолярничать на досуге. Красная скамейка... Лучи уже почти закатившегося солнца ярко высвечивали ее, и она рельефно выделялась среди зеленой травы. Красная скамейка, красная скамейка... На ней любила сидеть Макпал, мать Ескендира, бабушка Абылая и Баян... Накормив всю семью, она выходила во двор, садилась на скамейку и молчала в одиночестве, сложив на коленях руки, уставшие от повседневной работы, старые, морщинистые руки, и Ескендир до сих пор не знал, о чем она часами думала, сидя на этой красной скамейке и вглядываясь в темнеющее небо.

Да, он многого не знал. Но в одном был уверен — лишь заботливое сердце матери было вечной опорой его беспокойной жизни, лишь когда она была жива, он не боялся никаких трудностей. С детьми, например, или с женой... Ведь Айша... Айша — несчастный, больной человек, и мать опекала ее, старалась связать рвущиеся нити, сохранить дом, семейный очаг, не дать случайным обстоятельствам в один миг разрушить все то, что создавалось годами. Вот и мать умерла прошлой осенью, и опустела скамейка, и в доме стало тревожно. В этом году, когда Абылай, работая во дворе, подновлял грядки, белил известью крепкие стволы груш и яблонь, он заново выкрасил краской и скамейку бабушки Макпал.

«Пусть все будет, как было при бабушке», — сказал он.

Растроганный Ескендир обнял тогда сына и поцеловал его.

«Молодец! Ваша бабушка была особенным человеком. Как бы я вас без нее вырастил?»

Теперь Ескендиру стало казаться, что он мало делал для матери, пока она была жива... То есть делал, конечно, но... Суета. Дела. Быт... Некогда задуматься, некогда подойти к матери, сесть у ее ног, обнять ее колени и спросить. О чем угодно спросить...

...Красная скамейка... Усталая тихая мать, зорко глядящая в сгущающуюся вечернюю мглу...

— Папа, я пошел... — Абылай стоял перед ним.

— До свидания, сынок. Постарайся не задерживаться.

— Я думаю, в одиннадцать-двенадцать буду дома...

— Договорились... — Ескендир поправил сыну воротник рубашки, сказал укоризненно: — Почему галстук не надел?

— Не люблю я эти галстуки...

— Так нельзя. Надень, ты ведь на вечер идешь и наверняка с девушкой, да?

— Да.

— Тогда тем более... — Ескендир ласково подтолкнул сына. — Я что-то устал в последнее время, — пожаловался он Абылаю, который стоял перед зеркалом, пытаясь завязать модный узел. — Может, съездим на недельку к леснику Ораз-аксакалу? Порыбачим, грибов наберем, ягод, а?

— Отлично! — обрадовался Абылай, который наконец-то справился с непослушным галстуком. — Можно Сауле пригласить?

— Если ее мама разрешит, я не против. Но будь с ее мамой поделикатнее, она может обидеться...

— Конечно... Ну, я бегу, папа, а то Сауле меня, наверное, заждалась...

— Пригласи ее завтра к нам, я вас чаем хорошим напою... С травками... Мне Ораз лесных травок прислал! — крикнул Ескендир сыну вдогонку.

— Хорошо, папа. Обязательно!

Ескендиру не хотелось ужинать в одиночестве, и он набрал номер Баян, работавшей в областной газете.

— Да, папа...

— Доченька, ты скоро дома будешь?

— Не знаю. Я сегодня дежурю. Я вам утром говорила?..

— Помню, говорила, — засмеялся Ескендир. — Но когда ты все-таки закончишь дежурство?

— Я жду четвертую полосу. А что, Абылая нет дома?

— Нету, — вздохнул Ескендир. — Он на встречу со своим отрядом пошел...

— И вы скучаете, да? — засмеялась Баян.

— Есть маленько, — признался Ескендир. — Что-то голова у меня сегодня разболелась. Ну, хорошо...

Он положил трубку и прилег на диван, но спать не хотелось и головная боль никак не отпускала. Он взял с полки недочитанный том Хемингуэя и раскрыл его.

«...Человек, — сказал Гарри Морган, глядя на них обоих. — Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. — Он остановился. — Все равно человек один не может ни черта.

Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и требовалась вся его жизнь, чтобы он понял это...»

«Хорошо сказано, — подумал Ескендир. — Сколько мужества, знаний о жизни, природного ума было у писателя. Почему я раньше этого не замечал? Как мог оставить недочитанным такой роман?.. Суета, текучка, работа... Да, работа, работа...»

3

Баян отправила четвертую полосу в типографию и стала собираться домой. Она сняла трубку, чтобы позвонить отцу, но тут же передумала и, помедлив, достала из сумочки какое-то письмо. Дважды перечитала его, разорвала на мелкие клочки, бросила в корзину для бумаг.

Поправив перед зеркалом прическу, погасила свет, закрыла дверь на замок, вышла на улицу.

Шла не спеша. Молодая, красивая женщина... Волнистые темные длинные волосы подчеркивали белизну свежего лица, пухлые губы слегка тронуты неяркой помадой...

«А ведь думала, что все кончено. Кон-че-но... Кончено все. ВСЕ. Неужели это маленькое письмецо растревожило?.. Нет... Нет... Прошлое не возвращается...»

Молодая красивая женщина. Одна в этот поздний час. Одна. Навсегда теперь одна...

«Врешь, Баян, опять врешь. Ты сомневаешься, ты потеряла веру, но чувства твои живы. Ты не забыла Кайрата и никогда не сможешь его забыть...»

«А Омара? Как ты поступила с Омаром?»

«Я не могу ничего забыть. Все кончено, но я ничего не смогу забыть. Я не забуду Омара, но его нет больше на земле. И я не смогу забыть Кайрата... Кайрата... Кайрата, сколько бы горя ни принес он мне...»

...Репортаж об открытии Центрального парка культуры и отдыха ответственный секретарь поручил написать практиканткам-дипломницам, двум подружкам — Майре и Баян.

На следующий день утром они, прихватив с собой бадминтонные ракетки, отправились в парк.

— Возьмем что-нибудь перекусить? — предложила Майра.

— Там поедим, — сказала Баян, доставая блокнот.

— Вот уж отдохнем сегодня на славу... — обрадовалась Майра.

— А материал кто будет делать?

— Сделаем, не волнуйся, шире шагай, — засмеялась Майра.

Они вволю нагулялись в парке, покатались на карусели, съели по три порции мороженого и зашли в летнее кафе.

— Ну, на сегодня наша работа закончена, — сказала Майра, ковыряя вилкой шницель.

— Да, осталось заглянуть в зоопарк, — ответила Баян.

— Ты хочешь, чтоб я на свидание опоздала? — Майра мельком глянула на часы.

— Но ведь у тебя свидание вечером?

— Милая моя, — снисходительно начала Майра. — К вечернему свиданию надо готовиться днем. Ты у нас не признаешь всех этих ухаживаний, не оставаться же и мне с носом. Раз я приехала сюда учиться, так вместе с дипломом и мужа должна прихватить... — Майра засмеялась. Такой уж у нее был характер, но Баян за то и любила подругу, что та не умела ни унывать, ни сердиться и всегда оставалась сама собой. — Мой Оскен не любит, когда я опаздываю. Стоит на минутку задержаться, он обижается, — продолжала Майра.

— Уж больно он вспыльчивый. Ты с ним поосторожнее, — сказала Баян.

— Вспыльчивый не вспыльчивый, куда он денет-

ся?.. — опять засмеялась Майра. — А вообще-то хорошо, когда муж строгий...

— Все-то ты на свете знаешь, — не удержалась Баян.

— Пошли, пошли... — Майра встала. — И не хвали меня, а то сглазишь...

В конце парка, у большого пруда, стояла длинная очередь.

— Не успеем на лодке покататься, — сказала Майра.

— Жалко. Может, все-таки постоим, а?

— Нет, я опоздаю... Идем лучше к твоим зверям.

Народу в зоопарке было много. Дети восторженно толпились близ тех вольер, где гордо расхаживал роскошный тигр и хмуро поглядывал на зевак огромный бурый медведь.

— Как все то, что мы сегодня видели, уместить в сто строк? — загрустила Майра. — Смотри-ка! — Она обратила внимание на художника, расположившегося под высоким деревом. — Поглядим, что он рисует?

Голубое озеро... Синее небо... Лодки. Вот что они увидели на холсте. Вездесущие дети окружили художника, рослого парня с вьющимися волосами и густыми бровями. Девушки стояли у него за спиной, но он ничего не замечал, по-видимому привыкнув к тому, что вокруг него всегда толкутся любопытные.

— Хорошо рисует, — сказала Баян шепотом.

— Давай познакомимся с ним. Красивый парень, — тоже шепотом ответила Майра.

— Перестань... — Баян не успела остановить Майру, потому что та уже обратилась к художнику:

— Простите, мы из республиканской молодежной газеты. Готовим репортаж об открытии Центрального парка. Назовите свою фамилию, имя, мы хотим написать и о вас.

Майра с деловым видом раскрыла блокнот. Парень удивленно посмотрел на нее.

— Моя фамилия — Маусымбаев. Зовут меня — Кайрат. Я член молодежной секции Союза художников, — сказал он.

— Майра, с факультета журналистики, — она протянула руку. — Учусь на четвертом курсе. А это моя подруга и коллега. Баян, иди сюда...

Парень улыбнулся подошедшей Баян.

— Кайрат Маусымбаев, — повторил он.

— Баян, — сказала она и замолчала, не зная, как вести себя дальше.

Кайрат тоже смешался. И даже бойкая Майра не находила нужных слов. Возникла та неловкая пауза, которая бывает иногда после скорого и ни к чему не обязывающего знакомства.

— До свидания, как-нибудь еще встретимся, — нашлась наконец Майра.

Но художник, не сводя глаз с Баян, вдруг сказал:

— Если располагаете временем, можем посидеть в кафе. Я на сегодня свою работу закончил. А вы?

— Спасибо, но нас ждут, — ответила Майра.

— В таком случае, может быть, вы позвоните мне, когда выйдет статья?

— Не статья, а репортаж. И потом — вдруг его не напечатают?

— Ну, это не велика беда. Мы все равно можем встретиться.

— А у вас есть телефон?

— Да. Вот мой номер. — Кайрат оторвал кусок толстого картона и взял фломастер. — Но звоните во второй половине дня. До обеда меня не бывает в мастерской.

— Значит, вы соня? — лукаво поддела его Майра.

— У каждого есть свои маленькие слабости, — отшутился художник.

Когда они вышли из парка, Майра прыснула:

— Смотри, какой прыткий!.. Сразу же телефон и все такое... Но, по-моему, ты ему понравилась, он явно на тебя глаз положил...

— Перестань, Майра! — рассердилась Баян, и щеки ее вспыхнули.

Репортаж вполне удовлетворил ответственного секретаря, и он поставил его в номер, но вычеркнул те два абзаца, где было написано о молодом художнике Кайрате Маусымбаеве и его картине.

— Мы ведь обещали человеку, — пыталась настоять на своем Майра, но ответственный секретарь был непреклонен.

— Такие обещания противоречат этике журналиста, — изрек он, попыхивая трубкой.

— А не выполнять свои обещания соответствует этике журналиста? — дерзко возразила Майра, но секретарь так посмотрел на нее, что девушка тут же покинула его кабинет.

— Ну что, твой успех нужно отметить, — сказал Оскен Майре, дважды прочитав репортаж.

— Это наша общая с Баян работа, почему мой успех? — Майра насупила брови.

— Я уважаю Баян, но мой ангел — ты, а не она, — сказал Оскен и, подмигнув Баян, обнял Майру.

— Проси у нее прощения, — капризно сказала Майра.

— Я не обиделась, — Баян улыбнулась Оскену.

— Баян, в самом деле, простите, если что не так сказал, — смутился Оскен.

— Все верно, Оскен. Вы все верно сказали — и насчет ангела, и насчет успеха, — ответила Баян.

Они сидели в кафе у большого окна, за которым виднелись снежные вершины далеких гор.

— Как славно! — сказала Баян.

— Лучшее место в этом кафе, — похвастался Оскен.

— Давай здесь нашу свадьбу сыграем, — сказала Майра.

— Нет, свадьба будет в ауле. Что за свадьба без скачек, без борьбы казахша-курес, а? — возразил Оскен.

— А я вот возьму да не выйду за тебя, раз ты со мной споришь...

— Выйдешь, куда теперь денешься, — ласково сказал Оскен.

Майра покраснела и робко глянула на Баян.

— Вот он какой. Сразу все выложит, — как бы извиняясь, пробормотала она, но тут же лихо тряхнула головой. — Такие у нас дела, Баян. Сама видишь, теперь всю жизнь придется пройти рука об руку с этим верзилой.

— Ладно, хватит препираться, — улыбаясь, сказал Оскен. — Поздравляю вас с выходом вашего репортажа. — И, не удержавшись, добавил: — Пусть недостаток ума возместится избытком гонорара...

— Что? Уж не за дурочку ли ты меня принимаешь? — возмутилась Майра.

— Для женщины ум — тяжкая, непосильная ноша, — продолжал острить Оскен.

Майре внезапно стало стыдно за него, и она робко посмотрела на Баян.

А та вдруг почувствовала на себе еще чей-то пристальный взгляд. Она повернулась к окну и сразу узнала: тот

самый художник с вьющимися волосами, которого они встретили в парке.

Сердце ее забилось часто-часто. Удивление, испуг, радость — все это разом вспыхнуло и засветилось в ней. Майра замахала художнику рукой.

— Это кто еще такой? — насторожился Оскен.

— Человек, — сказала Майра. — Кажется, хороший человек.

— Увидим, — пробурчал Оскен.

— Увидишь, — подтвердила Майра. — Что тебе толку от того, какой он человек? Главное, чтобы он Баян понравился.

— Майра, перестань, — остановила ее зардевшаяся Баян.

Но Кайрат уже шел к их столу.

— Простите, я не помешаю вашей компании? — спросил он.

— Нет, что вы, присаживайтесь... — Оскен указал парню свободный стул и подозвал официантку.

— Не думайте, что мы обманули вас. Мы о вас написали, но наш шеф вычеркнул, — сказала Майра.

— Мне не привыкать. Видно, судьба такая... — отозвался Кайрат.

— Ну, тогда сделаем все, чтоб она не была такой, — сказала Майра.

— Судьбы человеческие решаются на небесах, значит, и моя тоже, — улыбнулся художник и посмотрел на часы.

— Вы спешите? Тогда мы не станем вас задерживать, — впервые за все время заговорила Баян.

— Я должен пойти в театр. Приглашен на премьеру.

— Артистка пригласила? — спросил Оскен.

— Друг пригласил. Художник этого спектакля. Хотите со мной? — Кайрат, улыбаясь, глядел на Баян, но голос его, когда он задал этот вопрос, чуть-чуть дрогнул. — Я вас всех приглашаю, — поправился он, обращаясь к Майре и Оскену.

— Может, сходим? — Майра посмотрела на Оскена.

— Давай, — кивнул Оскен.

— А ваш друг давно работает в театре? — спросила Баян.

— Нет, это его первая постановка в Алма-Ате.

— Где он учится? — заинтересовался Оскен.

— Мы с ним вместе закончили в прошлом году инсти-

тут в Москве. Вообще-то оформление спектаклей не совсем его стихия, но Даулета товарищ попросил. Режиссер...

— Вы алмаатинец? — спросила Майра.

— Нет, я из Омска.

— Вот и омского казаха увидели, — заулыбался Оскен. — И что, в Омске много казахов?

— Есть...

Из кафе они пешком направились к театру. А кругом цвела весна, и Алма-Ата была прекрасна. Пышность деревьев вдоль прямых и широких улиц, блеск и шелест фонтанов, яркие пятна ранних цветов... Пройдет много лет, но Баян всегда будет помнить Алма-Ату такой — весенней, расцветающей...

Публики перед театром было на удивление мало. Парень в джинсах, направившийся к ним, поздоровался с Кайратом за руку, а остальным бегло кивнул.

— Спасибо, что пришел, старик, — сказал он Кайрату.

— Знакомься, Даулет, — сказал Кайрат. — Это мои новые друзья. Знакомься...

...Занавес закрылся. Зрители, вяло поаплодировав, дружно устремилсь к выходу, но это не смутило актеров. «Автора!.. Режиссера!.. Художника!» — скандировали они.

Автор поднялся на сцену и лениво раскланялся, равнодушно глядя на спины уходящих людей. Лицо его как бы говорило: «Хлопаете вы или уходите, мне все равно. Я-то знаю себе цену, и мои друзья, люди настоящего искусства, знают...»

Даулет ждал их в фойе.

— Ну, пошли, — сказал он Кайрату. — Хоть спектакль и провалился, но премьеру полагается отметить.

— Я с друзьями, — напомнил Кайрат.

— Бери и своих друзей...

— Спасибо, но у Оскена завтра зачет, — сказала Майра.

Кайрат вопросительно посмотрел на Баян. Она молчала.

— Мы тоже были студентами. Не обижайте нас, — сказал Даулет.

— Нам неудобно, у вас своя компания, мы можем там

оказаться лишними, — вдруг проявил деликатность обычно грубоватый Оскен.

— Неудобно будет, если вы не примете моего приглашения, — ответил Даулет.

— Тогда пошли, — сказала Майра и подмигнула Баян...

«Да, так именно и было тогда, в самом начале нашего знакомства»... — думала Баян, подходя к дому. По дороге она зашла в дежурный гастроном, купила молока, масла, хлеба. Потом в какой-то нерешительности стояла на автобусной остановке.

«Ехать или нет?... Встретиться еще раз с Кайратом или эта встреча закончится, как все другие?»

Она вошла в телефонную будку и долго стояла, постукивая двухкопеечной монетой по стеклу.

«Как поступить?»

Она набрала номер. Трубку долго не поднимали.

— Да... — послышался наконец мягкий голос редактора.

— Владимир Николаевич, простите, вас беспокоит Баян. У меня к вам просьба. Мне нужно отлучиться на два дня...

— Что произошло, Баян Ескендировна?

— Возникло одно неотложное дело...

— Хорошо, — помедлив, сказал редактор. — Я вас отпускаю. Предупредите ответсекретаря и в пятницу будьте на работе...

— Спасибо, Владимир Николаевич. До свидания.

— Одну минутку, Баян... Я хотел сказать вам, что мне понравился ваш очерк в номере. Глубокий, точный, серьезный! От души поздравляю вас! Так держать, как говорится!..

— Спасибо...

Она позвонила ответственному секретарю, затем узнала расписание самолетов и, зайдя на почту, послала телеграмму Кайрату.

4

Абылай дважды позвонил, и дверь ему открыла мать Сауле.

— Проходи, Абылай...

— Спасибо...

— Чайку садись попей...

— Спасибо, но я только что из-за стола.

— Отведай и нашего хлеба-соли... — Она провела его в гостиную и усадила за стол. В комнату вошла Сауле. Она протянула Абылаю громадное красное яблоко и тихонько шепнула:

— Не сопротивляйся, мама так просто нас не отпустит.

— Но ведь мы опаздываем!

Сауле пожала плечами, а ее мать уже протягивала Абылаю пиалу.

— Похудел-то как! — приговаривала она.

— Работа, — односложно ответил Абылай, от нетерпения ерзая на стуле.

— Как здоровье твоего папы?

— В общем, ничего... Прихварывает, правда, иной раз...

— Возраст уже, возраст.. — сочувственно покачала головой женщина. — А сестра твоя, Баян, насовсем к вам возвратилась?

И тут зазвонил телефон. Мать Сауле взяла трубку.

— ...Это ты, Биби? Хорошо... Да... Неужели?... — вдруг чему-то удивилась она. — Нет, ты сама ко мне приходи. Да, я одна. Дочка? Дочка гулять идет... Приходи, поговорим... — Она положила трубку и вернулась к столу. — Мать Салима звонила, — сказала она Сауле. — Ты уж не задерживайся, ладно?

— Хорошо, мама, — ответила Сауле, украдкой глянув на часы.

— А ты постой, — сказала мать Абылаю, который поднялся вслед за Сауле. — Мне надо с тобой поговорить. Выйди-ка на минутку, — обратилась она к дочери.

— Зачем? — удивилась Сауле.

— Я сказала — выйди.

— Какие у вас могут быть от меня тайны?!

— Хорошо, тогда я буду говорить при тебе, — спокойно ответила мать и повернулась к Абылаю: — Абылай, как ты знаешь, у меня, кроме Сауле, нет никого на свете...

— Мама! — вспыхнувшая Сауле пулей вылетела в другую комнату.

— Так что одна у меня к тебе просьба. Береги Сауле, как я ее всю жизнь берегла...

— Конечно, — пробормотал Абылай, испытывая почему-то неловкость от этих слов.

— Отец сильно любил ее. Она, наша Сауле, бывало, встанет рано-рано, заберется к нему в постель, обнимет его за шею, смеется. И что бы я для нее ни делала, она отца все равно любила больше, чем меня. А ему, бедняге, так и не суждено было увидеть свою дочь взрослой.

Мать Сауле достала платок и вытерла им повлажневшие глаза.

Сауле стояла за дверью.

«О чем говорит... Зачем именно сейчас?..» — Она медленно спустилась по лестнице. Во дворе ей встретился Салим, который уже успел переодеться и выглядел теперь еще солиднее, чем несколько часов назад.

— Сауле, хочешь со мной в парк? — осторожно, как бы примериваясь, спросил он.

— Нет, — кратко ответила Сауле.

— А то пошли. Прогуляемся, потанцуем.

— Я не люблю танцевать...

— Со мной или вообще? — игриво осведомился Салим.

— Сам ответь на свой вопрос, — так же резко сказала Сауле.

Салим вдруг посерьезнел.

— Я хочу, чтобы ты знала. Я рекомендовал тебя в бюро курса.

— С чего это вдруг? — удивилась Сауле.

— Активность нужно проявлять. В следующем году станешь секретарем комсомольской организации. — Салим испытующе глядел на нее. — Большим человеком будешь, понятно?

— А ты любишь «больших людей», да, Салим? — спросила Сауле.

— Порядочный человек должен быть большим человеком, — начал было он, но Сауле перебила его:

— А кто тебе сказал, что ты порядочный человек, а, Салим? По-моему, ты просто выскочка. Выскочка!

— Что? Да как ты смеешь так говорить? — рассердился Салим, но тут на улицу вышла его мать, Биби.

— Сауле... Здравствуй, милая, — ласково щурясь, заговорила она. — Погуляли бы вместе. Как-никак с детства друг друга знаете. Что ж ты не предложишь, Салим? Ты слышала, Сауле, наш Салим на следующий год поступает в аспирантуру. Аспирантом будешь, а все такой же тихоня! — шутливо упрекнула она сына.

Сауле молчала.

— Ну... я пошла, не буду вам мешать, — вдруг заторопилась Биби, внимательно посмотрев на них. — А ты, сынок, когда дома будешь? — обратилась она к Салиму.

— Думаю, часов в десять, — важно ответил он, отогнув манжету белой рубашки и неторопливо глянув на часы.

— Хорошо, сынок, хорошо...

И она скрылась в подъезде, направляясь к матери Сауле, продолжавшей разговор с Абылаем.

— Отец наш рос сиротой. Не было у него ни отца, ни матери. И у меня, кроме сестры в ауле, никого не осталось. Так что ты уж смотри не обижай мою доченьку...

— Как вы можете такое подумать? — вспыхнул Абылай. — Я никогда ее не обижу!

— Верю, верю тебе, ты мальчик хороший, — улыбнулась мать Сауле сквозь слезы. И тут же напала на Абылая: — Ты чего так оброс? Разве такая шевелюра красит парня? Посмотри на Салима, какой он аккуратный. Немедленно остриги свои кудри...

— Хорошо, — сдерживая улыбку, ответил Абылай. — Завтра подстригусь, сегодня уже парикмахерская закрыта.

Он кубарем скатился с лестницы, едва успев поздороваться с матерью Салима, которая, поджав губы, обдала его неприязненным взглядом.

...Выходя из подъезда, Абылай услышал обрывок беседы между Сауле и Салимом. Салим, несмотря на резкий отпор Сауле, все же не желал сдаваться.

— Зимой, во время каникул, будет экскурсия в Москву. Поедешь? — спрашивал он.

— Поживем — увидим...

— Со своим Абылаем будешь советоваться? — не удержавшись, поддел он ее.

— Конечно, будет. Правда, Сауле? — вмешался Абылай, подходя к ним. — Пошли, а? А то совсем опоздаем...

— Идем, — сказала Сауле, взяв его под руку.

Ескендир по-прежнему лежал на диване с книгой в руках. Увидев Баян, он радостно приподнялся.

— Ну, наконец-то. А я тебя заждался...

— Вы так и не поужинали? — с укором спросила Баян.

— Одному не хочется. И голова что-то сегодня разболелась, сил нет, — оправдывался Ескендир.

— Простудились, наверное...

— Все может быть.

— Я вас сейчас напою горячим молоком с медом...

— А может, мне лучше какое-нибудь лекарство принять? — засомневался Ескендир.

— Лекарство — потом, сначала молоко... — Баян переоделась и вышла на кухню. — Папа, я утром еду в командировку, — сказала она оттуда, открывая холодильник, и голос ее чуть дрогнул.

Ескендир, держа под мышкой книгу, тоже пришел на кухню.

— В командировку? А когда вернешься? К субботе вернешься?

— Вернусь. Я в пятницу должна быть на работе. А почему вы спросили про субботу?

— Мы с Абылаем хотели на недельку съездить порыбачить. Не хочешь с нами вместе отдохнуть?

— Боюсь, что не получится. Работы много. А вы обязательно поезжайте... Абылаю это нужно. По-моему, он здорово вымотался. Да и вам пора развеяться. Конечно, поезжайте. А сейчас ложитесь, я вам молока принесу...

— Действительно, я в последнее время что-то неважно себя чувствую, — пробормотал Ескендир, возвратившись в комнату.

— Вам нельзя болеть, папа! — весело крикнула ему из кухни Баян, довольная тем, что разговор о ее «командировке» вроде бы закончился.

— Болеть мне можно, я уже стар, а кому хворать, как не нам, старикам? Ты скажи — умирать нельзя. Умру, на кого вас оставлю? — тихо ответил он, и Баян, стоявшая на пороге с пиалой в руках, замерла, как бы впервые разглядев его седые редкие волосы, резко обозначившиеся морщины, мешки под глазами.

— Ну, папа, вы еще молодой, рано себя хороните, — пыталась она успокоить отца, хотя сердце у нее больно сжалось.

— Я был молод, пока ваша бабушка была жива. Пока у меня была мать, я был сыном. А теперь я стал стариком и дальше стареть буду, — вздохнул он, принимая пиалу из рук дочери. Ескендир несколько раз жадно глотнул молока и спросил: — Ты завтра во сколько уезжаешь?

— В шесть утра. Мне в шесть нужно выйти из дому.
— Машина за тобой придет?
— Нет. Мы встречаемся у редакции, — сказала Баян, избегая глядеть на него.
— Понятно, — Ескендир вернул ей пиалу. — Спасибо, полезная штука, — сказал он.
— Еще хотите? — спросила она.
— Хорошенького помаленьку, как говорится. Ты ложись, тебе вставать рано, а я еще почитаю.
— Спокойной ночи, папа. — Баян поцеловала его и невольно задержалась у двери.
— Ты что-то хочешь мне сказать? — спросил Ескендир, оторвавшись от книги.
— Нет, ничего особенного. Просто мне сегодня бабушка приснилась.
— В последнее время она и мне часто снится...
Он снова раскрыл книгу, надел очки, задумался, глядя в темное окно. Вздохнул тяжело, громко, будто вновь подступило к нему непосильное горе, и вдруг испугался, не находя сил сосредоточиться на чтении. Буквы прыгали перед глазами...

Баян собрала чемодан, погасила свет и стала укладываться. И тут она услышала тяжелый вздох отца. Она замерла, сев на постель. Отец еще раз вздохнул. Вздох был тихий, и на душе у нее стало пусто и печально. Мысли о Кайрате, которые еще недавно казались ей такими важными, вдруг рассеялись, отошли на задний план. «Отец... Мама... Брат... Омар... Бабушка... — тихо шептала она. — Бабушка, бабушка, бабушка...»

...Бабушка лежит, прикрытая белой простыней. Баян отдергивает простыню и видит пожелтевшее, спокойное, холодное ее лицо. На нем нет признаков усталости, наоборот, кажется, бабушка довольна, что наконец-то душа покинула тело... Бабушка, прожившая восемьдесят восемь лет, похоронившая трех мужей, родившая восемнадцать детей, из которых в живых теперь остался лишь Ескендир. Бабушка... Бабушки больше нет... Умной, стойкой, мудрой бабушки...
Поздняя холодная осень. В раскрытое окно видно, как моросит мелкий дождик. Зябко. Баян накидывает на плечи пальто, долго и молча сидит у изголовья бабушки. «Хорошо, что хоть приехать успела, — вяло думает

она. — Этот дождь надолго. Дождь, серый дождь наверняка сменится белым снегом. Зима на носу...»

Снова завздыхал, заворочался за стенкой отец. Читает или мучается бессонницей?

Баян вдруг обнаружила, что по щекам ее льются слезы. Она ничком упала на постель...

...Отгуляв свадьбу, молодожены Омар и Баян собрались в обратный путь, и бабушка, обняв Баян, долго не отпускала ее. Руки у нее были жилистые, все еще сильные, и ее старинные серебряные перстни больно вдавливались в спину Баян, царапали ей плечи. Баян припала к ней, расцеловала ее морщинистые щеки, оставив на них красные пятна губной помады, рассмеялась и тут же вытерла их носовым платком. Отец и Омар стояли в сторонке.

«Хороший муж тебе достался, славный, настоящий джигит, поверь мне, я-то знаю цену джигитам, основательный муж, так что и ты будь умницей, внученька, твой характер мне известен, люби мужа, уважай, береги его», — сказала бабушка.

«Ты же сама сказала, что я умница, верно, бабушка?» — ответила Баян, ластясь к ней, но бабушка не слушала ее. А может, просто хотела, чтобы внучка была посерьезней, когда ей в такую минуту дают советы и наставления.

«Люби, уважай, береги, — повторила она. — Мало быть просто женщиной. Нужно с ним вместе быть, во всех его помыслах и делах, нужно быть верным другом своему мужу. Есть женщины, которые хвастаются тем, что рожают хороших детей. Не будь такой, солнце мое! Как бы женщина родила ребенка, если бы не зачала его вместе с мужчиной? Это неумная женщина может сказать «мой ребенок», когда нужно говорить «наш...». Старики не глупее нас были, когда придумали пословицу, напутствие девушке, выходящей замуж: лишь кости и прах — твои, а тело твое и душа твоя теперь навеки принадлежат мужу... Вот так-то, солнце мое!..» Она вглядывалась цепкими маленькими глазками в глаза Баян, желая узнать, как отнесется внучка к ее словам.

Но Баян тогда плохо понимала ее... Нет, понимала, конечно, но до глубины души эти слова не доходили.

Раздумья старухи, узнавшей на своем веку и коллективизацию, и войну, и суточные очереди за куском хле-

ба по карточкам, повидавшей жизнь справедливую и несправедливую, пережившей и радость и горе, счастье и трудности, все, что только может выпасть на человеческую долю, — раздумья эти казались Баян, только начинавшей свою самостоятельную жизнь, чужими и далекими. Трудности, нужда, горе, предательство — что она знала об этом? Ведь она, как бы ступающая по кромке берега, еще не встречалась с тяжелой свинцовой волной жизни-океана... Старуха читала все это в ее глазах и горевала, что нынешние дети нехотя слушают советы и поучения старших.

«А вы, бабушка, все-таки найдите время и приезжайте к нам», — сказал Омар.

«Если прилетишь за мной на своем аэроплане, обязательно поеду, солнце мое! — отозвалась старуха. — Я знаю, ни родных, ни близких у тебя нету, но теперь ты породнился с нами, мы теперь твоя семья, твои родные, ты не только жену, ты и отца, и мать, и брата, и бабушку нашел, так что считай нас своими и не обижайся на нас, особенно на меня, старую, не обижайся, если я что неладное скажу...»

Бабушка поцеловала Омара в лоб, обняла его, и вдруг этот здоровенный джигит заплакал. Он плакал судорожно, как мальчишка, шмыгал носом.

А Баян тогда стало за него очень стыдно, и она сердито отвернулась, прикусив губу. Лишь теперь она поняла, как не хватало Омару за всю его короткую жизнь тепла и верности — добрых рук, материнской ласки, сердечности близких и родных. Лишь теперь...

...Баян открыла глаза и увидела деревья, освещенные луной, крыши домов напротив. Она никак не могла заснуть. Полная луна вышла из-за тучи, назойливо заглядывая в окошко. Баян казалось, что она ощущает дыхание каких-то иных сфер, присутствие какого-то неведомого безграничного пространства, в котором, подобно маленькой песчинке, затерялась она, одинокая, несчастная, жалкая. И луна, и эти мысли, и ночь — все пугало ее.

«Нет, никуда я не поеду, — вдруг прошептала она. — Нет! Напрасно ты, Кайрат Маусымбаев, ждешь меня... Напрасно...» «У заблудившегося — впереди пустота, позади — слепая тропинка...» — вдруг вспомнились слова бабушки.

Она вздохнула. «Омар... Омар... Омар...»

...«Пойдете за меня, замуж, а?»

«Вы это серьезно?»

«Конечно. Я очень серьезный человек».

Высокий, красивый, модно подстриженный парень в форме летчика гражданской авиации с улыбкой глядел на Баян, и она замешкалась с ответом, так и не решив: то ли рассердиться ей, то ли обратить его слова в шутку. Их глаза встретились, и она вдруг тоже улыбнулась.

Они шли из библиотеки, в которой и познакомились неделю назад.

«Надо подумать. Как-то уж больно это для меня неожиданно».

«А чего тут думать? — искренне удивился парень. — По-моему, тут и думать нечего...»

«Почему?»

«Пока вы будете думать, я женюсь на другой».

«Ну что ж, значит, такова будет воля судьбы», — Баян вдруг понравилась эта игра.

«Как хотите, но мужа лучше меня вы не сыщете, это я вам говорю, Омар», — настаивал парень.

«Такую девушку, как я, тоже не каждый день встретишь; как считаете, уважаемый товарищ Омар?»

«Вы совершенно правы, — кивнул парень. — Но именно поэтому я и делаю предложение ВАМ, а не кому-нибудь другому. Итак, вы согласны, да?»

«Нет, я все же подумаю... с вашего позволения, — улыбнулась Баян. — До свидания. Я здесь сверну, если вы, конечно, не возражаете...»

«Возражаю, — поспешно сказал Омар. — Я хочу вас проводить».

«Спасибо. Я терпеть не могу провожатых. До свидания».

Она шла по своей тихой улочке, и ей очень хотелось обернуться, но она чувствовала, что он глядит ей вслед, и поэтому лишь убыстрила шаг.

В тот год она, только что закончившая университет, снимала комнату у одинокой женщины, работавшей медсестрой в областной больнице Целинограда, в который Баян попала по распределению. Баян открыла калитку и тут же столкнулась с Марией Васильевной, так звали ее квартирную хозяйку. Мария Васильевна спешила на дежурство.

«Баян, тут тебя какой-то парень искал... Видный такой», — торопливо сказала она, приостановившись на минутку.

«Парень? Какой парень? Из редакции кто-нибудь?» — удивилась Баян.

«Нет, он говорит, что приехал из Алма-Аты. Да ты скоро сама все узнаешь, он сейчас придет. Он свои вещи оставил...»

«Он сказал, как его зовут? Случайно, не Кайрат?» — в голосе Баян были и радость и страх.

«Да-да, точно... Кайрат... Теперь я вспомнила. Он сказал, что его зовут Кайратом...»

«А куда он пошел?»

«Город, сказал, хочу посмотреть. Скоро, сказал, вернусь. Это что, твой парень?»

Баян радостно заулыбалась, но ничего не ответила.

«Ладно, не смущайся. Дело ваше молодое, а я — бегу, бегу... Ты на ночь ворота закрой. Хорошо?»

«Хорошо», — кивнула Баян.

Она села к окну и стала глядеть на улицу. Кайрат... Кайрат! Как она соскучилась по нем — ведь они не виделись уже более полугода! И она не смогла усидеть на месте. Она наскоро оделась и вышла на улицу. Кайрат! Он приехал за ней... За ней... Он приехал... Он сам приехал... Без звонка, без телеграммы... Он любит ее... Он не может жить без нее...

Она бродила неподалеку от дома, с нетерпением поглядывая на дорогу — ну где же, где же он? Где ты, милый Кайрат?

Быстро стемнело. У Баян замерзли ноги, и она возвратилась домой. Включила свет, задернула шторы и только тут услышала шум подъехавшей машины. Она накинула на плечи шаль и выбежала во двор.

«Простудишься», — сказал он вместо приветствия.

«Кайрат! Милый мой!» — шептала она.

«Идем в дом...» Он расцеловал ее, и они, обнявшись, пошли по дорожке.

Кайрат разделся, умылся, сел за стол. Потом, спохватившись, полез в свою сумку.

«Чуть было не забыл!» — засмеялся он, вынимая из сумки яблоки, гранаты, коробку шоколадных конфет, какие-то бутылки с пестрыми заграничными этикетками, флакон французских духов.

«Спасибо. Стоило ли так беспокоиться?» — смущенно сказала Баян, принимая подарки.

«Разве это беспокойство, радость моя?» — Кайрат снова обнял Баян.

«Соскучилась я по тебе. Боже мой, как я по тебе соскучилась, — шептала она, уткнувшись в его плечо. — Ты надолго ко мне?»

«Послезавтра должен лететь обратно. Работа, сама понимаешь...»

«Значит, впереди у нас полтора... нет, почти два дня...» — прошептала она, закрыв глаза.

...Кайрат проснулся первым. Лучи солнца заполнили маленькую комнатку Баян, а сама она, разметавшаяся во сне, тихо улыбалась.

«Баян! Милая!» — позвал ее Кайрат.

«Кайрат! Милый!» — бормотала она, прижавшись к нему, пытаясь заглянуть ему в глаза...

Позавтракав, они вышли на улицу.

«Попытаюсь отпроситься, — сказала Баян. — У нас ответсекретарь строгий, но я все-таки попробую. Кайрат... представляешь, мы весь день проведем вместе!..»

Кайрат молчал.

«Да, кстати, — вспомнила Баян. — Ты купил обратный билет, а то я могу тебе помочь через редакцию?»

«Еще вчера купил», — сказал Кайрат.

«Во сколько у тебя самолет?»

«В восемь утра».

«А почему ты не летишь вечерним рейсом?» — огорчилась Баян.

«Билетов не было», — сказал Кайрат, избегая глядеть на нее.

«Ну, это мы сейчас поправим. Я позвоню из редакции, и мы переоформим твой билет...»

«Не беспокойся, не нужно, — сказал Кайрат, — дело в том, что я дал телеграмму и меня придут встречать», — на ходу сочинил он.

«Скверно все складывается, — опечалилась Баян. — А вдруг меня с работы не отпустят? Тогда как?»

«А ты отпрашивайся после обеда, так будет лучше», — сказал Кайрат.

«Почему лучше?» — остановилась Баян.

«Потому что я до обеда занят. У меня дела в краеведческом музее, но часам к четырем я непременно освобожусь».

«Дела? Разве ты в командировке? Вчера ты говорил, что прилетел сюда ради меня?» — голос Баян дрожал,

срывался, он и самой ей вдруг показался неприятным. Она в упор глядела на Кайрата.

«Конечно, ради тебя, — промямлил он. — Но... Мне нужно. Ты понимаешь меня? Я сдаю им свою работу».

Баян, ничего не ответив, опустила глаза, и они в молчании пошли дальше.

Возле самой редакции Кайрат сказал:

«Я тебе позвоню, как только освобожусь».

«Хорошо. Я буду ждать», — чуть слышно отозвалась Баян.

...Она услышала, как отец чиркнул спичкой. И ему не спится. Встал, наверное, покурить... Баян выключила настольную лампу и повернулась лицом к стене. «А я, идиотка, разнежилась, вообразила, что мой принц не в силах жить без меня! «Я сдаю им свою работу». Какая же я была глупая!.. А теперь — разве теперь я поумнела, разве научилась чему-нибудь?» — в отчаянии подумала она.

«...Подожди немного, и я приеду к тебе. Надолго приеду. Сяду в самолет и прилечу», — сказал Кайрат вечером, когда она пришла к нему в гостиницу и они сидели в номере, глядя в окно, как угасает день.

Она промолчала.

Он обнял ее, поцеловал.

«Какие у тебя губы холодные, — сказал он. — Давай ложиться, а то мне вставать рано».

Баян покачала головой и поднялась.

«Я пойду домой».

«Баян... Ты что, обиделась?» — Он поймал ее за рукав платья.

«Пусти, — сказала она. — Я пойду домой. Я устала».

«Не сердись. Ну хочешь, я завтра утром улечу, а к вечеру возвращусь», — не отпуская ее и все еще не теряя надежды, сказал Кайрат.

«Спасибо. Не надо».

«Почему?» — Он вновь пытался обнять ее.

«Потому что ты лжешь. Ты не приедешь. Ты знаешь это не хуже меня!»

Он отвернулся, подошел к столу и взял сигареты.

Она накинула пальто, повернула ключ, торчащий в двери, и вышла не прощаясь.

«А где твой гость? — удивилась Мария Васильевна, когда Баян зашла в дом. — Славный парень. Я ночью, когда дежурила, все что-то думала о вас. Представила, как вы рядом стоите, как смотритесь красиво... У тебя есть фотография, где вы вместе сняты?»

«Есть».

«Покажи».

«Зачем? Не нужно».

«Да что с тобой? На тебе лица нет! Он что, обидел тебя?» — приглядывалась к ней Мария Васильевна.

«Нет», — ответила Баян.

«Ты вся дрожишь. Замерзла? Я сейчас чай поставлю», — захлопотала Мария Васильевна.

Баян молчала.

«Спи, спи, тебе завтра рано вставать, — уговаривала она себя. — Нет, этого не будет. Я никуда не полечу. Хватит. Я не полечу. Не полечу! — мучила она себя и плакала. — Бабушка! Бабушка! Подскажи мне, как жить, и я все сделаю, как ты велишь. «У заблудившегося впереди пустота...» Я никуда не поеду... Я хочу умереть. Я умру. Здесь я и умру...»

5

Абылай и Сауле вошли в ресторан. Ребята из стройотряда уже сидели за сдвинутыми столиками и шумно приветствовали их.

— Комиссар, мы без тебя уже начали ужин, так что ты не обижайся, сам виноват. — Жаппас хлопнул Абылая по плечу. — Докладываю обстановку: Сарсен, Дулат и Кобылан уехали аягузским поездом. В десять двадцать отбывают Макпал, Дамеш, Зейнолла и Мурат...

— Специальное информационное сообщение. Исключительно для тебя, — перебил командира Зейнолла, тощий, веселый и разговорчивый парень, учившийся с Абылаем в одной группе. — А теперь, командир, — обратился он к Жаппасу, — поухаживай за ними, потому что соловья, или, вернее, соловьев, баснями не кормят, — добавил он по-русски, подмигнув Абылаю и скосив глаза на Сауле.

— Абылай, когда же мы увидим, как ты вино пьешь? Выпей же хоть один разочек, — весело загалдела компания.

— Я не пью.

— Что ты пристал к Абылаю? Вино и спорт несовместимы, — сказала Дамеш, которая была у них в отряде поваром и имела конкретные суждения на любой случай жизни.

— Будто мы сами не знаем, что наш Абылай замечательный боксер, — обиделся Зейнолла и, привстав, постучал вилкой по столу. — Эй, ребята! Я хочу сказать речь...

— А кто тебе дал слово? — грозно спросил Жаппас, который в это время о чем-то толковал с Макпал и Муратом. Парень, что называется, «держал марку» — он был старше своих однокурсников года на три, служил в армии, вернулся старшиной. Соответственно своему воинскому званию он себя и вел с ребятами, но те, любя его, не прочь были иной раз подшутить над этой его слабостью.

— Ну так дай! — задорно отозвался Зейнолла. — Или ты забыл, что язык не только у тебя есть?

— Пусть Зейнолла скажет!.. — враз зашумели ребята, и Жаппас согласно кивнул головой.

Может, потому, что сегодня пятница, в зале ресторана, шумном и накуренном, яблоку негде было упасть. Оркестранты раскладывали ноты, готовили инструменты, пробовали их звучание. Многие в зале оглядывались и смотрели на веселую студенческую компанию.

— Я хочу пожелать нашему Абылаю, пусть он в будущем году снова завоюет всесоюзную медаль, но не бронзовую и юношескую, а золотую и среди взрослых. Я все сказал!

— Гип-гип, ура! Гип-гип, ура! Ура! Ура! Ура!

Встал смущенный Абылай.

— Спасибо тебе за твои слова, Зейнолла, — обратился он к приятелю.

— Не стоит благодарности. У меня таких слов много, — тут же отозвался Зейнолла и с любовью поглядел на Дамеш. — Скоро я буду просить твоей руки, — сказал он ей.

— Тебе нельзя жениться, ты стипендию не получаешь, — уколол его командир.

— Да к тому же слишком вспыльчив. И сдержанности тебе не хватает. Все болтаешь, болтаешь... — добавила Дамеш.

— Можно подумать, что ты великая молчунья, — сделав обиженное лицо, отвернулся от нее Зейнолла.

Сауле с интересом следила за их веселой перепалкой. Она незаметно взяла Абылая за руку.

— У тебя хорошие друзья, — шепотом сказала она.

— Правда? Они тебе нравятся? — обрадовался Абылай.

Сауле кивнула.

Неподалеку от студентов за столом у окна ужинал маленький старичок с совершенно белой узкой бородой и черными бровями. Рядом с ним сидела молодая девушка с толстой косой. По-видимому, его дочь или даже внучка. Она что-то тихо втолковывала старику, но тот лишь изредка поправлял тюбетейку, поглаживая бороду да равнодушно поглядывая по сторонам, так что непонятно было, соглашается он с нею или нет. Абылаю показалось, что он где-то уже встречал старика. То ли этот жест, которым он поправлял тюбетейку, то ли этот размеренный отсутствующий взгляд... Где-то, когда-то он уже видел все это. Но где? Когда? Абылай никак не мог припомнить...

А в это время в ресторане появились новые посетители. Метрдотель, вальяжная, могучая, ладно скроенная дама, провела к накрытому столику трех мужчин и усадила их, предварительно убрав табличку «Стол заказан». Первый из вошедших, грузный, со шрамом на лице, расположился во главе стола, крякнув и навалившись на него всем своим телом. По левую руку уселся лохматый высокий парень с золотыми зубами и тут же зевнул, отчего зубы его ослепительно засияли. Третий из компании, худой, подвижный, средних лет, засучивая рукава рубашки, взглянул на студентов и кому-то из них помахал рукой. Жаппас, заметив этот жест, встал и направился к нему. Худой обнял его и стал знакомить со своими друзьями. Те равнодушно кивнули студенту, не выказывая к нему особого интереса, и Жаппас вернулся за свой стол.

Абылая почему-то заинтересовала эта троица. Если бы он знал, какую роль сыграют они в его судьбе! Возможно, он тут же встал и ушел вместе с Сауле из этого ресторана туда, на улицу, где уже синели вечерние сумерки, предвещавшие ночную прохладу. Но разве человеку ведомы изгибы его судьбы?..

В ресторан вошла еще одна пара — симпатичный парень в новеньких джинсах и молоденькая круглолицая

девушка. Увидя их, знакомый Жаппаса вскочил, представил их своей компании и усадил за столик. Мужчина со шрамом, казалось, был пьян. Во всяком случае, когда метрдотель наклонилась к нему и что-то шепнула, он прорычал: «Уа, алла! Вот так и нужно!» — слегка качнулся и попытался обнять ее за талию, но та с ловкостью увернулась. Потом он обернулся к сидящим и сказал посмеиваясь: «Ишь, ловкая баба! Ну и молодец!.. Давай тащи нам что хочешь. Пусть сегодня будет потвоему...» И захохотал. Компания поддержала его, будто он сказал невесть что остроумное. Раскатистый смех прокатился над залом.

— Кто это такие? — спросил Абылай Жаппаса.

— Это? Это всемогущие люди, — ответил тот. — Волшебники с большими карманами. Тот, который со мной поздоровался, родом из нашего аула. Он в мединституте преподает, ассистент. Этот, с золотыми зубами, и тот, в джинсах, заведуют складами. Но самая важная персона у них — человек со шрамом — Алескеров. Известнейший дантист. У них у всех денег куры не клюют...

— О чем вы шепчетесь? — спросил их Зейнолла.

— Так, ерунда, — сказал командир и снова повернулся к Макпал.

— Это что еще там за мóлодежь? — нарочито коверкая слова, произнес парень в джинсах.

— Студенты. Из стройотряда вернулись, — пояснил ассистент из мединститута.

— Ишь, какие, — сказал парень и обнял круглолицую девушку. Она хотела отстраниться, но кавалер крепко держал ее.

— Осторожнее, ага, — принужденно улыбаясь, сказала она.

— Не дергайся, рыбка, на крючок попадешь, — недобро усмехнулся он и обратился к ассистенту: — Слушай, у меня к тебе есть маленькая просьба. Поставишь завтра этой маленькой деточке... — он провел пальцем по ее губам, — такую вот маленькую пятерочку на экзамене, ладно?..

— Так и быть, уважу тебя, — посмеиваясь, пообещал худой.

— Уж ты уважь, сделай милость! — Голос парня угрожающе зазвенел. — А где список с фамилиями твоих подружек? — обратился он к девушке, и та стала поспешно рыться в своей сумочке.

— Завтра четыре такие же душечки будут сидеть рядом с тобой, товарищ грозный экзаменатор, — продолжал веселиться парень в джинсах. — Четверо нецелованных девочек, так что не теряйся...

Заиграл оркестр. Послышался шум отодвигаемых стульев. Публика шла танцевать к центру зала.

— Ты не заболел? — тревожно спросила Сауле и снова погладила руку Абылая.

— Нет, — Абылай отрицательно покачал головой.

Труба, тромбон и саксофон... Тем летом в город приехал цирк, и все заборы были обклеены цветастыми афишами. Отважная женщина, сующая свою прелестную головку в пасть страшенного льва. Усатый мужчина в чалме и рядом с ним слон... Девушка в яркой юбочке с дюжиной маленьких собачек... Афиши эти манили и гипнотизировали мальчишек и девчонок. Абылаю особенно нравилась та, где был нарисован смешной клоун в клетчатой кепке. Чего стоили одни только его длинные черные ботинки с крючковатыми носами! Дети во дворе только и говорили об этом замечательном клоуне. Каждый, кто уже побывал в цирке, вспоминал его проделки, уморительные реплики. Все веселились от души.

Лишь Абылай, забившийся в укромный уголок между сараями, плакал горько и безутешно, плакал беззвучно, боясь, как бы ребята не увидели его и не подняли насмех. Все уже побывали в цирке, а его некому было туда отвести. Папа в командировке, Баян в пионерском лагере, мама в больнице, бабушка старая — куда ей.

Прошло много лет, и сейчас он уже, конечно, не помнил всех подробностей этой истории, но зато твердо знал, когда впервые в жизни ощутил страшное, глухое одиночество. Тогда вот и появилась Сауле. Она нашла его, она подошла к нему. Странно! Миновали годы, но он запомнил это несущественное — ее распущенную косичку, развязавшийся белый бантик...

«Абылай, вот ты где, а я тебя ищу», — сказала она, и он отвернулся. И ничего не ответил. А она подошла к нему поближе.

«Хочешь, я скажу маме, и она завтра поведет нас в цирк?..»

«Ты ведь уже была там», — буркнул он.

«В цирке интересно, я снова туда хочу».

«Твоя мама не согласится».

«Согласится. Я ее хорошенько попрошу, и она согласится».

«Я не хочу в цирк», — сказал он.

«Тогда почему ты плакал?» — спросила Сауле.

«Мне песок в глаз попал», — соврал он.

«Ты плачешь потому, что соскучился по маме?» — снова спросила Сауле.

Он не ответил. Ему не хотелось плакать при ней.

«Уходи», — сказал он.

Сауле не двигалась.

«Уходи! Сказано тебе!» — Он грубо толкнул ее, она чудом удержалась на ногах и, молча опустив голову, ушла.

А он просидел у сараев допоздна и заметил, что стемнело, лишь услышав голос бабушки, зовущей его. Только тогда он увидел, что уже горят уличные фонари и мягкая летняя ночь опускается на землю.

«Абылай! Абылай! Где ты?» — Бабушка приближалась к нему, и он понял, что Сауле выдала его.

«Что ты, золотко мое? Что попусту плачешь?.. Ночью нельзя плакать. Беду хочешь накликать? Не надо!.. — Бабушка обняла его жесткими теплыми ладонями. — Перестань, перестань, солнышко мое!..»

Усталый голос бабушки, ее сочувственные вздохи вновь растревожили его, и он горько заплакал, уткнувшись в ее мягкий живот.

«Хватит, я тебе говорю! — приказала бабушка, и голос ее на этот раз звучал твердо и властно. — Услышит кто — стыдоба какая! Разве может джигит показывать свою слабость? Джигиту лучше умереть, чем вот так скулить...»

Слово «джигит» отрезвило его, и он, вытерев слезы рукавом, поплелся за бабушкой.

«Ишь ты чего придумал, плакать! — продолжала сердито выговаривать бабушка. — Да я завтра тебя сама в этот «серк» * поведу. Ишь ты, придумал чего — реветь...»

...Грохотал оркестр. Сауле танцевала с Муратом. Абылаю показалось, что она грустна. Гремела музыка. Перед Абылаем мелькали разгоряченные лица...

* Искаженное — цирк.

А Сауле действительно стало худо. Когда она пошла танцевать с Муратом, то вдруг разглядела лицо того самого парня в джинсах. Парень тоже заметил Сауле и развязно подмигнул ей. Наглый, самоуверенный, на виду у всех тискающий свою девушку, он, развалившись на стуле, надменно разглядывал танцующих.

Сауле, извинившись перед Муратом, возвратилась на место. Зейнолла рассказывал Абылаю о своей матери. Абылай кивал головой, механически поддакивал, но мысли его были далеко-далеко от этого ресторана, разгоряченной толпы. «Может, он уже знает обо всем? — вдруг подумала Сауле, и сердце ее забилось сильнее. — Нет. Никто не знает». Парень в джинсах лениво поискал ее глазами, и она резко повернулась к Абылаю.

— Да кабы не моя матушка, я бы, знаешь, как загудел! — говорил Зейнолла, положив локти на стол. — Эх, знаешь, какая замечательная у меня матушка!..

Он хотел сказать что-то веское и важное, но не смог найти слов и, в отчаянии махнув рукой, уставился на Абылая. А тот все вспоминал о своем детстве...

«...Когда папа вернется?» — спросил он бабушку. Он еще не мог успокоиться и изредка всхлипывал.

«Дня через два-три...» — бабушка горестно смотрела на него, голова ее дрожала — это бывало с ней лишь в минуты сильного волнения.

Больше он ни о чем не спрашивал. Бабушка уложила его и ушла на кухню. Лежа в своей постельке, он слышал, как она моет посуду и вполголоса разговаривает сама с собой.

«Эх, сбросить бы мне десяток-другой годочков. Тогда бы я непременно свела мальчонку в этот «серк»...»

Абылай понял, что в цирк он так и не попадет. Странно, но он уже не испытывал особой горечи и вскоре тихо заснул.

И цирк сам пришел к нему. Во сне. В цирке было шумно, весело, в цирке смеялись, визжали от восторга дети, и Абылай сидел в первом ряду, раскрыв от восторга рот, крепко уцепившись за руку мамы, веселой, здоровой мамы.

Львы прыгали через горящие обручи. Когда они, лениво ступая, вышли на арену, Абылай со страху спрятался за маму. А когда их заставили прыгать в огонь, Абылаю стало их жалко. Дюжина беленьких собачек бега-

ла по кругу, и было очень забавно, когда они, разделившись на две команды, принялись играть в футбол. А вот и сам клоун — в клетчатой своей кепке, с громадным красным носом, рот до ушей... Дети умирают со смеху, аплодируют, а он раздает им воздушные шары, но шары тут же лопаются, и клоун грозит ребятам: «Ах вы, озорники, обижаете дяденьку!..» Самый последний шар он протянул Абылаю, и этот шар не лопнул. Клоун погладил Абылая по голове и сказал: «Хороший мальчик, — и повторил, обратившись к залу: — Видите, какой умный, добрый мальчик!» И снова погладил Абылая по голове. «Мама, смотри какой замечательный шар! Какой замечательный голубой шар! — закричал Абылай, и мама улыбнулась, обняла Абылая. — Мама, мама! Дядя клоун дал мне шар. Это добрый шар, и я буду беречь его... Мама!.. Мама!..»

Опустела площадка, на которой стоял цирк. Абылай крепко держал нитку с громадным голубым шаром. И вдруг налетевший ветер поднял мальчика прямо в небо. Абылай летел над домами, деревьями, реками, полями, городами, и над ним было лишь это голубое, как шар, небо, бескрайняя, неохватная даль, и он удивлялся тому, что нисколечко не трусит, наоборот — его распирает радость, счастье полета... Он любил свой голубой шар, он верил своему голубому шару, и шар не обманул его надежд. Он вдруг снова увидел маму, добрую улыбающуюся маму. И клоуна в клетчатой кепке, который летел рядом с ним... Вот клоун снова погладил Абылая по голове и, кажется, даже поцеловал его. Цирк сам пришел к Абылаю, и не было никого счастливее Абылая в ту ночь. Шар. Клоун. Цирк. Мама... Труба, тромбон и саксофон...

— Что с тобой? Да ты, видать, и вправду заболел? Может, на солнце перегрелся? — Сауле тревожно наклонилась к нему, и он молча прикрыл ее ладонь своею.

— Прости, — сказал он. — Я забылся... Я просто задумался... Прости, ничего особенного...

Он попытался улыбнуться, а у Сауле сжалось сердце — такой грустью, такой тоской были полны его глаза.

6

Баян была права. Ескендиру действительно не спалось, и он вышел на балкон покурить. Ночь. Полнолуние. Мо-

лочный рассеянный лунный свет. Высокие звезды мерцают, колеблются, и эти движения едва уловимы простым человеческим глазом. Да полно, уловимы ли?.. Ескендиру показалось, что он лишь какими-то тонкими клеточками мозга ощущает их космическое мерцание. Мерцающие звезды. Высокие, далекие звезды...

Тогда тоже была ночь и он, как сегодня, вышел на балкон и видел такое же ясное небо, полную луну, и звезды так же загадочно мерцали, когда он с укором глядел на них.

Днем он был в больнице у Айши и провел с ней несколько мучительных часов. Он вспомнил ее отекшее испитое лицо, худое, костлявое, с выпирающими ключицами тело и задохнулся от жалости.

Они сидели в больничном парке, молчали, глядя на закат и ежась от вечерней осенней прохлады.

«Как дети?» — спросила наконец Айша, кутаясь в теплый халат.

«Хорошо, — ответил Ескендир. — Нормально».

«Спрашивают, где я?» — Она опустила голову, голос ее звучал безразлично и равнодушно, отчего Ескендир понял, что жена опять выпила. С горечью подумал о том, что здесь, в туберкулезной больнице, она стала выпивать, хотя это губительно для ее здоровья.

«Спрашивают. Я им сказал, что ты чувствуешь себя лучше. Они хотели навестить тебя в эту субботу».

«Нечего им тут делать. Пришли лучше мать», — пробормотала она.

«Баян хочет в университет поступать, я тебе говорил?» — спросил он.

«На журналистику, что ли?»

«На журналистику. Ты не против?»

«Как хотите, так и делайте... А ты как на это смотришь?»

«Мне нравятся ее планы. Я поддерживаю ее», — сказал он, в упор глядя на жену, отчего она тотчас догадалась, что он почувствовал запах вина.

«Что смотришь?.. Мне все равно скоро крышка, и ты ничего не можешь мне запретить!» — истерично вскрикнула она.

Он погладил ее исхудавшие пальцы. Длинные и красивые, как когда-то... Не было тогда на свете человека

счастливее Ескендира. Шел дождь, и тонкие, ласковые пальцы смахнули дождевые капли с его мокрого счастливого лица...

...Шел дождь. Он застал нас по дороге в общежитие. Все побежали, а я спрятался под большим деревом. Вскоре рядом со мной появились две девушки, которые тоже укрывались от дождя. Я знал их. Они жили в нашем общежитии. Одна на нашем этаже, другая — на четвертом. И вот эта с четвертого этажа, имени ее я тогда не знал, эта красавица, эта самая красивая на земле девушка, в которую я был влюблен, вдруг засмеялась и своими нежными пальчиками смахнула с моего лица капельки дождя.

«Вы никак не можете расстаться со своей гимнастеркой», — сказала она.

Я смутился, покраснел и не нашелся что ответить.

«А на филфаке уже все демобилизованные ходят в костюмах», — продолжала девушка.

«Так ведь у них есть гонорары», — серьезно объяснила девушка с нашего этажа.

«Верно, а у ребят с юридического денег не водится», — продолжала подшучивать надо мной моя красавица, но улыбка у нее была сердечная и печальная.

Дождь кончился, и подружки, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, сняли туфли и побежали босиком по теплым лужам.

«Оказывается, она знает, на каком факультете я учусь, — подумал я. — Значит, она интересуется мною?.. Нет, вряд ли... Просто кто-нибудь случайно сказал ей про меня: в общежитии все друг друга знают. Мне же, например, известно, что она учится на филфаке... И все же?.. Да нет, не может быть...»

И все же... Моего лица касалась рука этой девушки, ее нежные пальчики смахнули с него капельки дождя... Значит ли это что-нибудь?

А на следующий день, в воскресенье, я встал ни свет ни заря и принялся гладить костюм, который раздобыл вчера поздним вечером, обежав общежитие. «Солдаты», которые успели обзавестись штатской одеждой, не соглашались уступить ее ни на денек. «Сами идем к девушкам», — объяснили они, и мне удалось договориться лишь с юным пареньком-первокурсником. Тот, наоборот,

хотел побыть «солдатом на воскресенье», и мы с ним быстро поняли друг друга. Он спросил меня:

«Ага, вы расскажете мне, какие марки пистолетов существуют?»

«Наших или вообще?»

«Вообще...»

«Ну, их очень много...»

«Тогда скажите мне названия наших, американских, английских и немецких пистолетов...»

«Да зачем тебе это нужно, если не секрет?»

«Не секрет. Раз я появлюсь в солдатской гимнастерке, значит, и разговор должен быть соответствующий. Девушки любят, когда говорят о войне, вот я и расскажу им, как служил в разведке. Использую некоторые факты из вашей биографии. Договорились?..»

«Договорились, хитрец», — засмеялся я.

Я умылся, причесался, съел кусок черного хлеба, запив его кружкой водопроводной воды, надел тщательно отутюженный костюм и поднялся на четвертый этаж.

«Если девушка — заходи!» — услышал я бойкий голос и дружный девичий смех за дверьми той комнаты, в которую постучался.

Я стоял в растерянности. Может, сбежать, пока не поздно? Но тут дверь приоткрылась и из нее высунулась чья-то растрепанная голова.

«Вам кого?» — вежливо, даже чересчур вежливо, спросила она.

«Кого?» — Я мгновенно вспотел, вдруг поняв, что, занятый поисками костюма, даже не сообразил узнать имя той девушки, которая погладила меня по щеке. Я промычал что-то невнятное, чувствуя, как горит мое лицо.

Девушка прыснула со смеху, глядя на меня, и я повернулся, чтобы уйти. Погиб, опозорился навеки рядовой Ескендир!..

«Стойте! — крикнула мне вслед девушка. — Она сейчас выйдет...»

«Да кто «она», если я даже не знаю ее имени», — с тоской подумал я, глядя на дверь.

«Айша, выходи, там тебя какой-то долговязый ждет. Та-акой пижон — от его костюма утюгом так и пышет, так и пышет. Ну и кавалер явился к тебе на этот раз...» — услышал я бойкую скороговорку своей недавней собеседницы.

«На этот раз!.. Значит, не я один прихожу к этой красивой девушке, которую зовут Айша?.. Ничего у меня с ней не получится...» — совсем расстроился я.

Ноги не слушались. Бывают такие моменты в жизни, когда ноги и сознание действуют вразнобой. Вреда от этого больше, чем пользы. Это — закон, но иногда бывают исключения... «Как на языке юриспруденции называются исключения?..» — пронеслось у меня в голове, и тут открылась дверь. В коридор вышла та самая девушка. Она, по-видимому, только что встала, умылась, длинные косы ее были тщательно заплетены, лицо дышало свежестью, юной чистотой. Она молча глядела на меня.

«Здравствуйте», — сказал я.

«Здравствуйте», — отозвалась она, продолжая разглядывать меня так упорно, что я невольно смутился под ее взглядом.

«Вот уж не ожидала этого от вас, — вдруг сказала девушка. — Вы мне казались совсем другим. Немедленно верните чужую одежду».

Она круто повернулась и ушла в комнату. Но, уходя, краешком глаза все же посмотрела на меня.

Я вприпрыжку побежал на первый этаж и ворвался в комнату моего «спасителя».

«Где он?» — спросил я ребят, живущих вместе с ним.

«Кто?» — удивились ребята.

«Владелец одежды...» — Я потряс пиджаком.

«Набрал у кого смог орденов, медалей и двинул к девушкам. Теперь его долго не будет...»

Я молча направился в свою комнату и лег на кровать. Ребята как в воду глядели. «Солдат на воскресенье» явился лишь на третий день. Он подошел к кровати, на которой я лежал все это время, не смея показаться на глаза Айше в чужом костюме, лежал, пропуская занятия, чего я никогда в жизни не делал.

«Ага, я виноват перед вами», — жалобно сказал «солдат».

«Что еще с тобой случилось?»

«Собака вашу штанину разорвала...»

Я засмеялся. Чем-то он развеселил меня, и от моей недавней мрачности не осталось и следа.

«Нога-то хоть цела?»

«При чем здесь нога? Мне перед вами неудобно...»

«Ладно, всякое может случиться с мужчиной... Не унывай...»

Мы поменялись одеждой.
«Пригодился мой костюм, ага?» — спросил парень.
«Пригодился... Еще как!» — хмыкнул я.
«И ваша одежда мне хорошую службу сослужила, — возбужденно заговорил он. — Только вот я название английского пистолета забыл... «Томсон» не «Томсон» — все из головы вылетело...»
«Тебя самого-то как зовут? Не забыл?» — спросил я.
«Не забыл. Меня зовут... — Он засмеялся. — Меня зовут Колхозжан. Вот дали мне родители имя, да?»
«Прекрасное имя. Колхозжан, а сокращенно Жан. Понял меня?»
«Понял. Вот спасибо, ага! Какое имя придумали! До гроба вам обязан буду, честное слово. А то как назовусь Колхозжаном — смеются...»
«Значит, ты все-таки опозорился перед своими девчатами?»
«Нет, все гладко прошло. Я им стал рассказывать про войну, а одна из девушек вырвала у меня ваш листок и стала кричать, что это шпаргалка. Но я не растерялся, я ей сказал, ты с этим, говорю, не шути, сестренка. Это список оружия, которое я недавно сдал в военкомат... Они все чуть со стульев не попадали от испуга...»
«И ты думаешь, что они тебе поверили?»
«Поверили. А может, и нет, Мне-то какая разница, если я с ними уже познакомился?..»
Я расхохотался, глядя на бойкого парня. А он, прощаясь, сказал мне таинственным шепотом:
«Ага, если вам снова будет нужен костюм, намекните. А ваша одежда счастливая, ей-богу. Удачу, удачу она несет... Вы, наверное, будете в жизни счастливым человеком...»
...Счастливый человек. Он сидел рядом с женой и молчал, держа ее руку в своей. Айша, та прежняя, красивая, гордая девушка, превратилась в больную отчаявшуюся женщину, и он никак не мог подобрать нужных слов, чтобы успокоить ее.
«Ты же всегда была храброй», — сказал он наконец.
Она заплакала, прислонившись к нему, как будто бы ища защиты.
«Увези меня отсюда, забери из этой проклятой больницы. Я все равно умру... Все равно...»
«Не умрешь. Мы не отдадим тебя смерти».

«Невозможно спасти человека, который потерял надежду. Теперь ты понимаешь, почему я пью?» — Руки ее дрожали.

«Вино успокаивает только на короткое время, потом наступает похмелье», — сказал он.

«А я ни на секунду не забываю о смерти! — выкрикнула Айша. — Смерть крадется за мной по пятам! Смерть сидит во мне!..»

Она застучала по впалой груди костлявыми пальцами, и Ескендир вздрогнул от этого невыносимого звука.

«Не теряй надежды. Ты должна лечиться. Тебе необходимо вылечиться, ведь жизнь, настоящая жизнь, только начинается для нас. Дети подросли, скоро совсем станут взрослыми. Разве ты не хочешь видеть это?» — Он все еще не отпускал ее руки.

«Есть люди, которые достойно встречают несчастье. Это — сильные люди. Других горе разносит в пух и прах. Я всего лишь слабая женщина», — сказала Айша.

«Ты считаешь себя слабой. На самом деле это не так...»

«Дело даже не в том, сильный человек или слабый, — перебила его Айша. — Дело в другом. Чтобы преодолеть горе, нужно достоинство, но смерть заглядывает тебе в глаза, и ты теряешь все свое достоинство...»

Он хотел возразить ей, но на него в этот момент опять напала немота, и он опять не смог найти нужных слов, чтобы переубедить ее, вселить в ее душу хотя бы слабую надежду. Ведь Айша один на один боролась со смертью и знала о ней гораздо больше, чем он, и теперь, глядя в темное ясное небо, Ескендир снова и снова вспоминал ее слова:

«...Чтобы преодолеть горе, нужно достоинство...

...Но смерть заглядывает тебе в глаза, и ты теряешь все свое достоинство...»

Он зажег спичку, чтобы прикурить, и его сомкнутые ладони закраснелись в темноте. Он воочию увидел заплаканное, блеклое лицо Айши и, прислонившись к стенке, со стоном выдохнул дымок в ночное небо...

...Мать, тогда она еще была жива, как и Айша была жива, как жив был его зять Омар... мать окликнула его из комнаты: «Сынок, тебе не спится, может, чайку попьем?»

«Да-да», — кивал он, трогаясь с места и снова глядя в небо, как будто оттуда он ждал ответа на вопросы, которые задала ему сегодня Айша и о которых он раньше никогда не задумывался. Но небо было безмолвно. Луну заслонили плотные тучи. И улицы были темны.

«Извелся ты, мой жеребенок! — Мать провела теплой ладонью по его спине. — Видишь, как беспощадна судьба. Дрогнула Айша, а ей надо быть сильной, чтобы выжить».

«Но смерть заглядывает тебе в глаза...»

«И ты мужайся. Я молю бога о том, чтобы она выжила, но я прошу его и о том, чтобы твой мужской ум был трезв и всесилен».

...Да, он помнит. Он все помнит. И ведь именно сегодня утром вдруг появился, как из небытия, его старый знакомец Колхозжан.

«Папа, вас к телефону. Междугородная», — позвал его заспанный Абылай, который лишь поздней ночью, вчера, возвратился из стройотряда.

«Привет, Ескендир. Это Жан говорит. Как твои успехи? Тыщу лет тебя не видел. Как дети? Живы-здоровы?..»

«Спасибо. Все нормально, — сдержанно отозвался Ескендир. — А как ты?»

«Чудесно! Можешь поздравить меня с повышением. Я теперь по линии юстиции почти что, считай, генерал!.. А к тебе у меня есть претензия — ты столько раз был в Алма-Ате и ни разу не удосужился ко мне зайти. Придется мне, как твоему начальству, пусть даже и косвенному, поставить вопрос о твоей дисциплине, Есеке», — засмеялся Колхозжан.

«Зашел бы, да ты не очень-то меня приглашаешь», — ответил Ескендир.

«А ты все такой же, все правду-матку режешь, а? Узнаю тебя, в этом ты весь... — неизвестно отчего веселился его университетский приятель. — Все меняется, лишь человеческий характер не меняется... И кстати — друзья юности заходят ко мне без приглашения. Интеллигентность похвальна, но и наши традиции забывать не стоит. Ты ведь до сих пор для меня «ага»...».

«Я помню, ты и раньше всегда долго топтался, прежде чем заговорить о каком-нибудь своем деле...»

Колхозжан опять засмеялся.

«Ты прав. Дело есть. И этому ДЕЛУ, — подчеркнул

он, — требуется твоя помощь. Понимаешь, случилось так, что один из моих двоюродных братьев, я тебе рассказывал о нем, он живет в вашем городе, находится под следствием».

«Что он натворил, твой брат?»

«Да ничего он не натворил, ничего серьезного. У них там небольшая растрата. Он свою долю внес, вернул, как говорится, деньги государству... Правда, там еще какие-то люди... ГРУППА, как говорится, но мой брат ни при чем, и теперь слово за тобой. Подсоби, Ескендир Калиевич...»

«Посмотрим. Мне нужно изучить все обстоятельства», — как всегда, серьезно ответил Ескендир.

«Что? И это ты МНЕ отвечаешь? Твоему старому другу? Ты, Ескендир, председатель суда такого огромного города?»

«Посмотрим... — снова сказал Ескендир. — Не обижайся, но это мой долг».

«Ну, смотри, смотри, — протянул Колхозжан. — Но только помни, что мы — старые друзья. А испытанных друзей в обиде не оставляют, не то, как говорили в старину, аллах покарает... Знакомься с делом, я на днях позвоню. А на меня можешь положиться. Я уже разговаривал с Жумановым, он наш человек. Буду у вас в области, обязательно вас сведу. Поговорим, отдохнем... Свои люди, понимаешь, вместе должны держаться, как пальцы в кулаке. Согласен? Ну, до свидания, до свидания, Есеке...»

Ескендир положил трубку, но в его ушах еще долго звучал вкрадчивый и обволакивающий голос старого приятеля.

«Вот так Жан, — подумал он. — Колхозжан... Жан... «Наши люди...» Видишь, как все позапутала жизнь...»

...Постояв еще немного на балконе, он прислушался. Баян заснула, и он, осторожно ступая, вернулся в свою комнату. Сел на кровать. Головная боль прекратилась, но сердце все еще покалывало, и на душе было муторно. «Дождь, что ли, собирается?» — подумал он.

Вот и вспомнилось ему все, что было тогда. На другой день мать съездила к Айше и долго говорила с ней. И похоже, что переубедила ее. Айша писала Абылаю и Баян, приглашала их к себе, и они с ней часто виделись.

Лицо ее посвежело, она пополнела, щеки стали розовыми. Потом ее выписали, и они даже успели немного прожить в довольстве, мире и покое, пока она окончательно не слегла.

7

Закончив свои дела в местном отделении Художественного фонда и получив деньги за работы, принятые, наконец, худсоветом, Кайрат отправился в гостиницу.

Поднявшись на свой этаж, он спросил дежурную:

— Телеграммы не было?

— Нет, — ответила дежурная. — А в «люкс» вас уже перевели. Вот ключи...

— Спасибо, — сказал он.

Принес свои вещи, разделся, походил по просторным комнатам нового номера.

«Она не приедет, — вдруг подумал он. — Да, она не приедет...»

Кайрат лег в постель. Несколько минут подремал и вдруг очнулся, несмотря на усталость.

«Имея ясные мысли и здравый рассудок, тоже можно стать живым трупом. Сердце делает в минуту шестьдесят шесть ударов, кровь ровно течет по жилам, но вся работа твоего организма не зависит от разума, твое тело существует отдельно от твоего разума. Ты жив, у тебя здоровое тело, ясные мысли, четкое сознание, но ты уже давно не видишь той цели, которая была предначертана тебе еще до рождения. Ты понимаешь это, но не находишь в себе мужества и силы, чтобы действовать. И сам же мучаешься. Вот почему ты не любишь никого, и в твоей душе поднимается темный лес зависти. Ты забываешь свои же слова: «Где нет души, там нет искусства». Но как ты собираешься жить дальше, если у тебя такая короткая память? Как распорядишься ты тем даром, который получил от природы? И ты не находишь себе места, ты суетишься, мечешься, злишься... Ты можешь творить лучше одних и хуже других, но никогда не смей терять скромности, ибо высший аристократизм духа — это скромность...»

«Приедет или не приедет», — снова и снова думал он. И вспомнил, как шли они тогда после премьеры к Даулету. Он, Баян, Майра, Оскен, художник Нурлан. Как он боялся потревожить девушку неловким словом

или жестом. Как он хотел взять ее под руку, и она сказала: «Не надо». Как по дороге к ним присоединился еще один их приятель, скульптор Султан. А был ли тогда с ними поэт Керим? Нет вроде бы. Он появился у Кайрата лишь на следующий день. Да, его точно не было. Они стояли на площадке, и Даулет долго ковырялся ключом в двери...

«Мне понравился дом вашего друга», — сказала Баян, когда мы с ней стояли на балконе.

«Вы прекрасно играете», — сказал я.

Когда моя рука коснулась ее плеча, она слегка отстранилась, и я смутился, как никогда в жизни. Ведь я просто-напросто хотел, обнявшись с ней, поглядеть на освещенный город. Других желаний у меня не было.

«Когда-то я училась в музыкальной школе, но теперь совсем забросила музыку», — продолжила она, желая сгладить возникшую неловкость.

Баян улыбнулась, и я вдруг понял, что со мной происходит. Я понял это и испугался своего нового чувства, но ощущение покоя и счастья не покидало меня.

«Прохладно, пойду в комнату», — сказала она, открывая балконную дверь, и я молча кивнул ей в ответ. Мне не хотелось, чтобы она подумала, будто я преследую ее.

На балкон вышли Султан и Даулет.

«Неделю назад умер Ерболсынов, — сказал Султан. — У казахов нет и не будет скульптора лучше. Запомни мои слова! Ерболсынов — сам монумент, сам глыба... Ты не знаешь, кто такой Ерболсынов? Ничего-то вы не знаете, никогда вы не видели настоящих людей!»

«А разве ты не настоящий?» — серьезно спросил Даулет.

«Мне никогда не достичь высот Ерболсынова. И всем вам тоже. Запомните это. Говорю ж я вам...»

«А где можно посмотреть его работы?» — спросил я.

«Нигде. Он перед смертью уничтожил их».

«Почему?» — удивился я.

«Это ты у него спросишь, когда вы встретитесь на небесах. — Султан помолчал, глядя на опустевшую улицу. — У него не было ни одной законченной работы. Он прожил всю жизнь, помогая другим, но на всех памятниках Казахстана есть след его рук, ума, души... Нам ни-

когда не стать такими, никогда... Люди не думают о будущем, они довольствуются сегодняшней сытостью, мнимым благополучием, все свои силы тратя на то, чтобы достичь власти, думая, что если в твоих руках нет власти — ты никто... Не понимают, дураки, что человек приходит в эту жизнь плача, а уходит — рыдая...»

Мне было тяжело слушать эти отчаянные слова, тем более что я не был согласен с Султаном: я верил в свои силы, в свои руки, сердце, ум и знал, что Даулет думает примерно так же, как и я.

А Султан, выплеснув на нас свои злые и горькие думы, вдруг замолк, стих, успокоился, опершись на перила балкона. Даулет подмигнул мне и тихонько ушел, желая оставить скульптора в одиночестве. Я было последовал за ним, но Султан вдруг остановил меня:

«Прошу тебя, не морочь голову этой девчонке. Ведь она совсем еще ребенок. Не забывай, что у тебя есть Катира».

Он сурово посмотрел на меня и неуверенными шагами направился в комнату.

Я остался на балконе один. Из комнаты доносились звуки музыки, голоса моих друзей, смех девушек.

«Не забывай, что у тебя есть Катира»...

8

— А теперь слово комиссару, — громко объявил Жаппас, перекрывая общий шум.

Все, сидевшие за столом студенческой компании, посмотрели на Абылая.

— Нам не в чем упрекнуть себя, — сказал Абылай. — Мы хорошо потрудились. Мы завоевали знамя районного стройотряда, словом, оказались достойны звания орлов «жас-улана» *.

Студенты захлопали в ладоши.

— Потанцуем, — предложил Абылай.

Сауле протянула ему руку.

— Тебе правда хорошо здесь? — спросил Абылай, когда они вошли в круг танцующих.

— Конечно, милый.

Краем глаза он заметил, что к белобородому старику и девушке, сидевшим у окна, подошел тот самый грузный мужчина со шрамом, дантист. Он наклонился сна-

* Молодое племя.

чала к девушке, потом к старику, что-то настойчиво им внушая.

Девушка отрицательно покачала головой. Дантист повернулся и пошел к своему столику, гордо выпятив объемистый живот.

— Скажи, ты видишь вон того старика у окошка?

Сауле повернула голову.

— Вижу.

— Ты понимаешь, я где-то встречал его, а где — не помню.

— Мало ли кого и где ты встречал. Разве это так важно?

— Нет, конечно. Но я не успокоюсь, пока не вспомню.

Музыка умолкла, и танцоры разошлись по местам. Парень в джинсах, ведя под руку свою девушку, снова подмигнул Сауле. Сауле с ненавистью глянула на него и уткнулась в плечо Абылаю. Ею овладела слабость, и она испугалась, что может упасть в обморок.

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..»

Она метнула взгляд туда, где сидел парень в джинсах. Наклонившись к своей спутнице, он ухмылялся, кривя тонкие губы. ...О, эти тонкие губы, извивающиеся, как черви! Как они тогда впились в шею, в грудь Сауле... До боли, до темноты в глазах... И она, обессилевшая, не умея защититься, вжалась в песок, задыхаясь от тяжести навалившегося тела... Слезы текли из ее глаз, но некому было прийти ей на помощь... Черная яма неба... Вокруг никого... Черви... Червяк...

«Как сказать Абылаю? Как сказать?»

Абылай заметил, что человек со шрамом вновь направился к старику и девушке. Девушка опять покачала головой, но мужчина не спешил уходить. Абылай уже готов был вмешаться, но старик, сдвинув на затылок тюбетейку, вдруг схватил трость, висевшую на спинке стула, потряс ею и что-то сердито сказал дантисту. Тот помрачнел, но тут как раз смолкла музыка, и человек со шрамом возвратился за свой столик, потеряв на этот раз изрядную долю спеси и самоуверенности.

И тут Абылай вспомнил. Ну да, конечно же, это он, жырау-певец, хранитель старинных сказок и легенд. Это его жест, которым он сдвинул тюбетейку, его трость с узорчатой ручкой — это он, тот самый старик из целиноградского совхоза, где в то лето работал Омар. Но как он оказался в Семипалатинске? Может, к дочери при-

ехал погостить?.. Да, это он... Но как же его зовут? Ведь они три дня прожили у этого старика — Абылай, Омар и его штурман, русский парень Володя... Омар и Володя опыляли с самолета поля совхоза, в котором жил старик, Абылай подружился с его внуком... Еще там озеро было, большое синее озеро...

...Вечер. Володя и Омар задраили кабину, укрепили колеса самолета, и все мы уже собрались идти в аул, когда вдруг затарахтел мотоцикл с коляской и в клубах пыли на дороге появился подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Он с завистью посмотрел на меня, на мою летчицкую фуражку (ее подарил мне Володя), а потом повернулся к Омару и сказал по-казахски:

«Омар-ага, дедушка приглашает всех вас к нам на ужин».

Омар перевел слова мальчика Володе и добавил от себя:

«Идем к уважаемому человеку, а пыльные, как черти. Хорошо бы где-нибудь умыться».

«Я свезу вас к озеру, вы все поместитесь», — сказал мальчик, услышав его слова.

«А ты здорово вырос, уже мотоцикл водишь? Молодец! — Омар погладил мальчика по голове и подтолкнул меня к нему: — Знакомьтесь. Это — Абылай, а это...»

«Мерген», — закончил мальчик, протягивая мне руку.

(Потом мы даже переписывались с ним. Да, точно. И я перестал писать ему, когда узнал, что Омар погиб. Кажется, тогда. Да, тогда... Так... «Так-то оно так» — это была любимая присказка Мергена...)

Старый Сабыр встретил нас у ворот. Он учтиво поздоровался с Омаром, сначала прикоснувшись грудью к его груди, а потом поцеловав его в лоб. Обнял Володю, похлопал его по спине и коротко сказал по-русски: «Корошо...», а на меня посмотрел вопросительно, мол, что это еще за птица.

«Это брат Баян. Считайте, что мой брат», — сказал Омар-ага.

«А, брат келин, чего в сторонке жмешься, ну давай сюда свой лоб, давай...». — Он коснулся моего лба сухими губами и первым пошел в дом.

Потом мы вышли во двор и расположились под высоким старым деревом. Крупные звезды так низко висели над моей головой, что казалось, поднявшись во весь

рост и дойдя до горизонта, я смогу потрогать их руками. Таких звезд я еще никогда не видел.

И небо было такое широкое! Под этим необъятным родным небом, усевшись возле старого дерева, жырау-певец долго настраивал свою домбру, а потом вдруг запел старинную легенду «Честь» о батыре Кушикбае, запел неожиданно сильным, резким голосом, без всяких вступлений и объяснений. Но мы были готовы к этому. Ведь он еще во время ужина предупредил Омара: «Не знаю, сынок, но если аллах даст силы, может, и спою вам сегодня...»

Зажмурившись, он мерно раскачивался из стороны в сторону. И я всегда буду помнить эту мужественную и простую легенду об отважном джигите, который отдал жизнь за честь и свободу своего народа, о его гордой матери, о певце Арыстане...

Примостившись рядом со сказителем, мы с Мергеном глядели в звездное небо и мечтали быть такими же сильными и храбрыми, как Кушикбай-батыр...

...Народ оплакивал Кушикбая. В эту темную ночь во всей необъятной степи Аркалыка лишь один осиротевший аул Уак не зажег костров, не жил, а плакал, готовясь в дальнюю дорогу, навьючив тюки со скарбом на черных ездовых верблюдов. И плач одинокого аула наполнил степь горечью и безысходностью, и не было конца этой невыносимой печали.

К толпе шла Айганым, мать Кушикбая. Стареющее лицо ее глубоко изрезали скорбные морщины, но голову она держала высоко, и воспаленные от слез глаза ее были печальны и строги.

Мать шла, сминая едва пробудившуюся полынь. Темный материнский платок развевался на ветру, выбивались пряди седых волос, губы ее, обветренные, сухие, непрестанно шептали жалкие и отчаянные слова...

«Уай, желтая степь, сколько ты забрала себе батыров, потерявших голову вместе со шлемом? Молчишь? Может быть, хочешь, чтобы я спросила ответа за то, что случилось, у моего народа? О доблести рода уаков спросила у лучших из его сыновей? Но что можно услышать от народа, который не верит в себя, что могут сказать мужчины, которые потеряли мужское достоинство? Ведь даже волк не идет против своей стаи, и ворон ворону глаз

не выклевывает. И как можно верить в народ, который режет, грызет и рвет сам себя? Как можно надеяться на него, какого добра от него ждать? Мудреца, который дает верные советы, они считают ослом, выжившим из ума, на бесстрашного воина, спасающего их, своими же руками набрасывают аркан, певцу, который поет о них, затыкают глотку... Какими словами, чем можно пронять их зачерствевшие души и каким кнутом можно привести в чувство их погасший разум? Уай, желтая степь, неужели твой народ, род уаков, самый несчастный в Сарыарке? Неужели он познает мудрость своих мудрецов, доблесть своих батыров, мелодии своих музыкантов лишь тогда, когда будет уже слишком поздно? Неужели ТАК нам суждено? Неужели память нашего народа короче овечьего хвоста?..»

Шилде... Время, когда из пустыни веет сухим и жарким ветром, способным загубить все живое вокруг и когда призрачное воздушное марево стирает границу между желтой степью и голубым небосводом, отчего загадочно и странно мерцает под палящим солнцем измученная, изнуренная дневным зноем степь.

Вооруженные всадники, выехавшие утром из Джунгарских ворот, только к вечеру добрались до зеленого оазиса, расположенного на берегу небольшого степного озера.

Впереди отряда ехал Кушикбай, девятнадцатилетний красавец, молодой батыр уаков. Широкий лоб его был крепко повязан белым платком, над большими карими глазами нависли густые черные брови. Лицо его посерело от дорожной пыли, и губы потрескались от жары и долгой скачки, но он крепко держался в седле. Несмотря на свою молодость, этот широкоплечий бесстрашный воин не раз участвовал в кровопролитных схватках и всегда выказывал чудеса ловкости и храбрости. Вот и сейчас, когда они наконец-то отбили у джунгаров захваченные в прошлом году табуны казахских лошадей, он с тридцатью верными джигитами взялся прикрывать отступление основного войска, руководимого главным батыром уаков Тобетом.

Это была давняя вражда. Казахи, живущие по ту и по эту сторону Чингистау, всю зиму вели переговоры и поклялись, что в этом году соберут всех своих батыров и наконец-то отомстят обидчикам. «Проклятый джунга-

рин сидит за нашей спиной, как коршун. Средь бела дня он крадет наших коней и грабит наши аулы. Сколько наших мужчин полегло от руки врага, сколько женщин опозорено, сколько аулов разорено. Эй, казах, разве ты забыл обычай предков? И если ты мужчина, если ты еще дышишь, бери в руки свое заржавленное копье, и с наступлением лета мы тронемся в путь!» — так говорили на всех долгих сходках.

...Усталые всадники остановили своих коней у самой кромки озера и, спешившись, тут же бросились в прохладную воду. «Уа, алла! Благодать!» — кричали крепкие мускулистые батыры, фыркая и радуясь, как дети.

Но вот потускнела вода, объятая красным заревом заката, и ночной мрак сгустился над озером. Джигиты вновь отправились в путь, и отдохнувшие кони, звеня удилами, шли вольно и ходко. Стало ясно, что джунгары остались далеко позади и теперь вряд ли решатся на погоню. Теперь казахские аулы могут ждать нападения врагов лишь на следующий год, весной, ибо долго еще джунгарам не оправиться от унижения и горечи поражения...

Достигнув берега Иртыша, воины, руководимые батыром Тобетом, спешились близ редкого лесочка, разожгли костры и принялись варить в котлах мясо.

Высокий, плотный, суровый, смуглолицый, с глубоким сабельным шрамом через всю правую щеку — таким был Тобет-батыр, главный батыр уаков. Прямо держась в седле, он долго оглядывал окружающую местность своими маленькими зоркими серыми глазками, спрятавшимися за кустистыми бровями, и наконец обратился к сопровождающему его молодому джигиту, сидящему на сивом жеребце.

— Естай, вели Каракулу усилить охрану табуна, и чтоб никто у него не смел спать. А когда хорошо будет виден Млечный Путь, пусть гонит табун к Чингистау. Домой вернется кружным путем.

— Слушаюсь, батыр!..

Посыльный ускакал, а Тобет все еще не слезал с коня.

У самого крайнего костра вповалку лежали связанные по рукам и ногам джунгарские табунщики, плененные казахами, и Тобет подъехал к ним.

Ноги у табунщиков были исполосованы, и на лодыж-

ках запеклась кровь. Некоторые из них уткнулись лицом в песок, другие, не имея сил даже глаза раскрыть, лежали, распластавшись на спине, вытянув над головой связанные затекшие руки. Один из пленников слабо пошевелился, попросил воды.

— Погоди, — выругался Тобет, — дай время, устроим тебе такое, что чертям тошно станет и весь мир тебе с овчинку покажется! Воды он захотел!..

Ярко светила луна, и на небе высыпали крупные звезды. Неподалеку от пленных табунщиков сидела, прислонившись к березе и ежась от ночного холода, увезенная воинами Тобета девушка-джунгарка. Черные как смородина глаза ее были устремлены к звездному небу, а крепко сжатые губы что-то тихо шептали.

Тобет, продолжая ругаться, поднял камчу, чтобы хлестнуть табунщика, просившего воды, но заметил девушку и невольно опустил руку. Он жадно глядел на нее, по-прежнему отрешенно смотревшую на звездное небо. «Этой ночью ты станешь моей, красавица!» — захохотал он и повернул коня.

Он поднялся на взгорок, спешился, привязал своего черно-бурого к дереву и направился к воинам, сидевшим у костра. Люди, потеснившись, освободили место для главного батыра. Тобет протянул руку к деревянному блюду, на которое было вывалено сварившееся мясо, но есть ему расхотелось, и он лишь чуть-чуть пригубил пиалу с сорпой.

Луна стояла прямо над головой. Потухший было костер вновь вспыхнул — кто-то подбросил туда сухих веток. Естай, молодой джигит, которого Тобет посылал с поручением, отдуваясь от сытости, собрал остатки мяса и костей и отнес их пленникам. Табунщики зашевелились, но девушка даже не повернула головы.

Красные сполохи огня гуляли по лицу прищурившегося в задумчивости Тобета. И без того маленькие глаза его совсем спрятались, когда он прищурился, и вид у него сделался, как у дремлющего волка. Он вновь вспомнил прошлое лето, когда джунгары убили в поединке его единственного брата, Естыбека. Не просто убили, а убили с позором, еще и надругались над телом!

Он застонал. Перед глазами его вновь встала страшная картина. Могильник... Кружащееся воронье... Голова Естыбека... Пустые глазницы...

Тогда он еще не знал, что джунгары уже оплакивают своего батыра Анархоя, что на его похороны зарезаны сто аргамаков и что старейшины джунгаров уже держат совет, как изгнать следующим летом казахов с их земли, как сровнять с землей их аулы... Тогда он еще не знал, что Анархой уже пал от руки Кушикбая...

Войско Тобета находилось у того самого озера, где день спустя так весело плескались воины Кушикбая. А сам Кушикбай со своими джигитами в это время был у перевала Джунгарских ворот, когда за ними пустилась погоня.

— Джигиты, нам нужно успеть перейти перевал! — повелительно крикнул Кушикбай.

Его аргамак, рыжий породистый пятилеток, без плетки понимающий намерения хозяина, вынес Кушикбая вперед.

Молодой батыр думал биться с джунгарами на ходу, постепенно отходя вдоль перевала и заманивая врагов. Он заметил, что погоня не такая уж большая — всего около полусотни всадников различил он в клубящейся пыли. Казахов было почти на два десятка меньше, но Кушикбай был уверен в своих джигитах — все это были батыры, хорошо известные в народе, с детства закаленные в боях, смелые и выносливые.

Но отряд не успел перейти перевал — джунгары неумолимо нагоняли их.

— Что ж, коли так суждено, будем биться здесь, — сказал Кушикбай, придерживая коня.

И незамедлительно послышался громкий, рыкающий голос:

— Стой, казахи, стой!..

— Это Анархой, — сказал батыр Абзал, приближаясь к Кушикбаю.

Кушикбай еще ни разу в жизни не видел Анархоя, о котором в казахской степи говорили как о чудо-батыре. Он осадил рыжего и похлопал коня по шее. Тридцать его парней развернулись и выстроились в два ряда, придерживая своих коней, рвущихся в небо. Встали и джунгары. Огромный черный аргамак вырвался из их рядов. На коне сидел черный и огромный, как горный валун, богатырь. Шлем его сверкал на солнце ослепительным блеском, и таким же блеском сверкало наточенное острие копья.

— Я — Анархо-о-ой!.. Поединок!..

— Я — Кушикба-а-ай!.. Поединок!..

...И горестный плач, и крики двух воюющих сторон слышала лишь река, упокоившая тело батыра Анархоя...

Да дикий берег, весь избитый, искромсанный копытами двух боевых аргамаков...

...Старик прижал ладонью струны домбры, тяжело вздохнул и умолк.

Затем он вытер лицо платком и хриплым, усталым, срывающимся голосом крикнул жене:

«Байбише! Как там у тебя горячий чай? Готов?»

И обратился к Омару:

«Остальное, дорогой, я вам завтра допою...»

Абылай соображал, стоит ли ему подойти к старику, чтобы поздороваться, но вновь заиграл оркестр, и толпа танцующих заполнила площадку ресторана. «Да он, наверное, и не помнит меня, — подумал Абылай. — Я ведь тогда был еще совсем мальчишкой. А его и годы не берут. Держится все так же прямо, высоко держит голову...»

Пока он размышлял, мужчина со шрамом вновь привязался к старику и девушке. Абылай неожиданно для себя вскочил и направился в их сторону. Это произошло так быстро, что даже Сауле, увлеченная беседой с Дамеш, не заметила, что Абылая уже нет рядом. Один лишь Зейнолла, увидев, как бледен Абылай, тут же последовал за ним.

— Человек вы или?.. Что вам от меня нужно! — услышал Абылай реплику девушки, обращенную к навязчивому дантисту, и, подойдя к мужчине со шрамом, положил руку ему на плечо.

— Уйдите, не приставайте к людям, — сказал он.

Дантист лениво посмотрел на Абылая через плечо — что это еще за указчик нашелся? — и, резко дернувшись, стряхнул его руку.

Его приятели дружно поднялись из-за стола, но Зейнолла преградил им дорогу. И другие стройотрядовцы, оставив своих девушек на танцевальной площадке, бросились на помощь Абылаю и Зейнолле.

— Смотри, какой шустрый! — Парень в джинсах все же приблизился к Абылаю, но мужчина со шрамом оттолкнул его.

— Спокойно! Без нервов! — сказал он грубым голо-

сом и, как ни в чем не бывало, повернулся и пошел к своему столу.

— Инцидент окончен, — весело заявил Зейнолла, и студенты возвратились на танцплощадку.

— Хотите пересесть за наш столик? — предложил Абылай старику и девушке.

Девушка, по-видимому, сильно напуганная происшедшим, молчала, а старик неожиданно разворчался.

— Сабыр восемьдесят лет живет и ничего не боится, а этот пузатый решил мне угрожать. Танцевать ему, видите ли, приспичило, — бормотал он и тут же ласково обратился к Абылаю: — А тебе спасибо, сынок, что заступился. Не волнуйся за нас...

«Сабыр»... Абылай внезапно вспомнил, что именно так и звали того старика-сказителя.

— Сабыр-ага, вы не узнаете меня? — спросил он.

Старик, прищурившись, посмотрел на Абылая.

— Кажется, мне знакомо твое лицо... Да ты садись! — Не отрывая взгляда от лица Абылая, он указал на свободный стул и неуверенно сказал: — Глядя на тебя, я почему-то вспоминаю нашего дорогого Омара.

— Я его брат. Меня Абылаем зовут. Помните, мы гостили у вас?.. — И Абылай, путаясь и сбиваясь, заговорил о том, что никогда не забывал старика, помнит его легенды, песни, что он переписывался с его внуком Мергеном, да вот, к несчастью, оборвалась переписка, и Мерген не дает о себе знать...

Старик молча выслушал его, поправил тюбетейку и сказал:

— Теперь я вспомнил тебя. Здравствуй, сынок, рад видеть брата Омара, пусть земля будет пухом этому хорошему человеку!.. Твой друг Мерген сейчас лежит в целиноградской больнице, трактором его зацепило, но я обязательно передам ему, что встретил тебя. Он будет очень рад. Да вот и невестка моя подтвердит, что он тебя часто вспоминает. Познакомься, это моя невестка, жена Мергена. У нее умерла мать, мы приезжали на похороны и теперь возвращаемся обратно. Вот такие у нас дела, милый...

Абылай все-таки уговорил их перейти за стол бойцов стройотряда. Студенты вспоминали лето, строили планы на будущее. Старик, с интересом глядя на молодежь, повернулся к Абылаю.

— Эх, каким парнем был Омар!.. — он поцокал язы-

ком и покачал головой. — На его могиле мы поставили памятник из белого мрамора. Наш аул ничего для него не пожалел, и на открытие обелиска из Целинограда летчики приезжали. А почему никого из ваших не было? — Старик с укором глядел на Абылая. — Баянжан почему мужа забыла?

— Она не забыла. Но у нас тогда бабушка умерла, и не было никакой возможности вырваться.

Старик в знак сочувствия провел ладонью по лицу:

— Приезжайте обязательно. Мы встретим вас как родных.

— Дедушка, расскажите, как все это случилось.

Старик помолчал, прокашлялся.

— Знойное лето выдалось в тот год, — начал он. — Омар и Володя работали, а я как раз был дома, в гости их вечером ждал. С невесткой мы дома остались. Вдруг весь аул всполошился. Мы выбежали из дома и видим, что горящий самолет падает прямо на аул. «Бегите! Ложитесь! Прячьтесь!» — слышалось со всех сторон. И тут горящий самолет взмыл в небо. Видно, Омар собрал последние силы и сумел сделать все, чтобы спасти и аул, и хлебное поле. Помнишь то озеро, в котором вы купались тогда с Мергеном? Омар сумел дотянуть до озера, и лишь там самолет упал. Из воды в небо поднялся столб огня, взрыв раздался, и все было кончено. Какой парень был! — На глазах старика вновь появились слезы.

Студенты притихли.

— Не только поле, он весь аул спас от гибели, — повторил старик.

— А что с Володей?

— Володя остался жив. Омар был один в самолете. Володя убивался по Омару, как по родному... «Как я буду теперь ходить по земле! — плача, говорил он. — Нет у меня больше друга. Нет и не будет...»

Старик замолчал и посмотрел на часы.

— Ну, нам пора, — сказал он. — Будет время, приезжай к нам. Я сам отведу тебя на могилу Омара...

— Нам тоже пора... — Студенты стали подниматься, собирать вещи.

Сабыр еще раз повторил свое приглашение, и Абылай почувствовал в этом, равно как и в его рассказе о смерти Омара, скрытый укор им, ближайшим родственникам погибшего.

Проводив поезд, стройотрядовцы вслед за своим ко-

мандиром вышли на привокзальную площадь. Жаппас был невозмутим и, казалось, не придал никакого значения стычке Абылая с людьми, среди которых был и его знакомый.

— Дождемся автобуса? — предложил он.

— Нет, мы решили прогуляться пешком, — ответил Абылай.

— Тогда пока. До встречи в институте... — Командир поднял руку.

— Тебе не холодно? — спросил Абылай, когда они с Сауле свернули на улицу, ведущую к центру.

— Нет, — ответила Сауле.

— Ты устала? — Абылай, как бы извиняясь за свою невнимательность, обнял Сауле, и она, опустив голову на его плечо, закрыла глаза.

Опустевшие улицы... Редкие машины, проезжая мимо, освещают темные дома светом фар.

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..»

— Омар очень любил мою сестру... — Голос Абылая зазвучал неожиданно гулко, громко, и Абылай запнулся смутившись. — ...Но Баян, мне кажется, не смогла ответить ему тем же. Она не смогла оценить его чистоту, преданность. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, не мне судить...

Ему вдруг показалось, что Сауле дрожит, и он накинул ей на плечи пиджак.

— Я же говорил, что ты замерзнешь...

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..» — Сауле понимала, что дрожь, охватившая ее, не от ночной прохлады. Измучившаяся, растерянная, она не знала, на кого ей обижаться, кого проклинать, кому жаловаться, ибо понимала, что ни жалобы, ни проклятия не спасут ее, не погасят смертельную, невыносимую обиду.

...Взвыли тормоза, и перед ними резко остановилась «Волга». Из машины медленно вышли трое мужчин. Увидев их, Сауле мгновенно все поняла и потянула Абылая за рубашку.

— Абылай, бежим! — шепнула она.

Но было поздно.

— Ну-ка иди сюда, храбрец! — услышал Абылай грубый голос мужчины со шрамом. — Да быстро, быстро!..

— Он только в кабаке храбрый! — посмеиваясь, сказал парень в джинсах. — Ну иди сюда, не бойся, дяди не сделают тебе больно, — кривлялся он.

Абылай, растерявшийся сначала, шагнул вперед.

— Абылай! — вскрикнула Сауле.

— А ты катись отсюда! — Парень в джинсах оттолкнул ее.

— Полегче, — сказал Абылай, загородив Сауле. — Не тронь ее.

— Я сам знаю, кого мне трогать, кого нет... — Парень в джинсах дышал Абылаю в лицо, а остальные двое встали по сторонам, притиснув его к стене. Сауле удалось вырваться, она сняла туфли и с криком побежала в сторону автобусной остановки.

— Давай, быстро, — сказал парень в джинсах, мельком глянув в ее сторону.

Но мужчина со шрамом не спешил. Растягивая слова, он произнес, обращаясь к Абылаю:

— Ну, моська, что притих?.. Скажи, откуда ты такой взялся?..

И тут же наотмашь ударил его левой рукой. Абылай не знал, что он левша, но успел увернуться от удара. Тяжелый кулак прошел над его головой, коснувшись волос, и мужчина со шрамом чуть не упал, навалившись на парня, который стоял рядом. Но тут же собрался и замахнулся правой рукой, целя Абылаю в челюсть. Но Абылай подался вправо, и удар кулаком пришелся прямо в стену дома. Мужчина, взревев от адской боли, упал и стал кататься по земле. Абылай, не теряя ни секунды, ударил парня в джинсах, и тот с коротким стоном повалился на асфальт. Краешком глаза Абылай глядел на темный угол, но ни девушки, ни аспиранта, знакомого Жаппаса, там не было. Третий из нападавших на него, отступал к машине, грязно и бессмысленно бранясь.

— Бей его пряжкой! — крикнул парень в джинсах, который быстро вскочил на ноги. Он вытащил из кармана складной нож, раскрыл его, и в темноте зловеще блеснуло лезвие. Третий парень снял ремень и намотал его на руку. Абылай, рванувшись, ухитрился еще раз сбить с ног парня в джинсах и на лету подхватил выпавший из его руки нож. Но в это время удар, многократно усиленный свинцовой пряжкой, пришелся ему по левому плечу. Он отпрянул, прижался к стене, сжимая в правой руке нож. Плечо ныло, левую руку было невозможно поднять. Парень в джинсах, подняв с земли кирпич, шел на него. Справа свистел ремень, слева шел «джинсо-

вый» с кирпичом, прямо перед ним поднимался с земли мужчина со шрамом.

— Кончайте его, кончайте! — сипел он. — Не бойтесь! Кончайте!

Опять удар пряжкой, в этот раз по лопатке. Абылай согнулся от боли, и в тот момент, когда парень в джинсах размахнулся, чтобы ударить его кирпичом по голове, Абылай пырнул его ножом.

— А-а-а-а! — вопль парня в джинсах смешался с воем сирены от подъехавшей милицейской машины.

— Ни с места! Всем оставаться на своих местах! Не шевелиться! — раздалась команда лейтенанта, выпрыгнувшего из машины. Сауле, все еще босая, с распущенными волосами, подбежала, к Абылаю и обняла его.

— Абылай! Мой Абылай!

— Тише, плечо... — сказал он, морщась от боли.

Третий парень успел опоясаться ремнем. Он смеялся. В темноте блестел его золотой зуб. И мгновенная ненависть охватила Абылая. Он подошел и ударил его в скулу. Тот упал, ткнувшись носом в землю.

— Прекратить, я вам говорю! — снова крикнул лейтенант.

Парня в джинсах, схватившегося за живот, кричащего от боли, понесли на носилках в подъехавшую «скорую». Туда же сел мужчина со шрамом, объяснивший, что у него сломана рука. Золотозубого посадили в милицейскую машину с решеткой на окнах. Туда же затолкнули Абыля. Плачущая Сауле тоже села в машину.

9

Баян наскоро сварила чашку кофе и спустя какое-то время на цыпочках прошла в свою комнату. Взяла дорожную сумку, мельком посмотрела в зеркало.

— «Не поеду... не полечу...» — усмехнулась она, глядя на свое отражение. — Разве это в моих силах?.. — Что-то непреодолимое тянет меня к Кайрату, хотя я не виновата, видит бог, не виновата... Тихая скромная женщина... Все беды на свете начинаются от таких, как я...»

Аккуратно притворив дверь, она вышла на улицу. Воздух чист, и небо чисто. Солнце мелькает за деревьями.

Баян села в автобус, идущий в аэропорт. Автобус был пуст, лишь старуха дремала на переднем кресле да под-

росток, сидевший рядом с ней, любопытствуя, глядел в окно на проносящиеся мимо улицы, дома, деревья...

...На другой день после отъезда Кайрата я снова встретила на улице того парня в летной форме, с которым познакомилась в библиотеке. Он пригласил меня на новоселье.

Я стояла возле первого подъезда шестидесятого дома в пятом микрорайоне и мысленно ругала себя.

«Пришла. Все-таки пришла. Притащилась. Зачем? Не слишком ли ты быстро согласилась?»

«С чем? С чем согласилась? Ни с чем я не соглашалась. Просто пришла на новоселье... к товарищу...»

«К товарищу? Ты этого летчика совсем не знаешь. И знать не хочешь. Тебя к этому подъезду привела элементарная женская злость на Кайрата, и ты снова летишь на огонь, чтобы только насолить Кайрату. Ну что думает о тебе этот Омар, почему он все время улыбается?.. Что происходит?..»

«И все-таки, конечно же, нечего мне здесь делать. Пойду-ка я домой», — окончательно решила я и в это время услышала свое имя.

«Баян! — в окошке пятого этажа показалось улыбающееся лицо Омара. — Заходите, Баян... Хватит раздумывать...»

«Ну что ж, ты добилась своего», — сказала я себе, поднимаясь по лестнице.

«Неудобно отказываться от приглашения. — Это было вялое оправдание, и тут же я вновь рассердилась. — Защищай, оправдывай себя, это у тебя неплохо получается. Но только не лукавь, Баян! Лучше признайся, что тебе нравится кружить мужчинам головы...»

Омар ждал меня у раскрытой двери. Он был не в форме, как обычно, а в костюме и белой рубашке с галстуком.

«Спасибо, что пришли», — сказал он.

«С новосельем вас», — сказала я, проходя в прихожую.

«Осторожней! Не ударьтесь о мебель!» — крикнул он, и я, зайдя в комнату, рассмеялась: тут стояли раскладушка, чемодан и единственный стул. Позже я разглядела на подоконнике кассетный магнитофон. Чемодан был застелен белой скатертью. На нем поместились две тарелки, из чего я заключила, что ждали только меня. И это мне сильно не понравилось! «А говорил, что у него го-

сти. Зачем он меня обманул? — подумала я. — По его лицу не скажешь, что он способен на такое... Ишь, тихоня!..»

Заметив перемену в моем настроении, Омар сказал смущенно:

«Извините меня. Я приглашал ребят на сегодня, но вчера, оказывается, был день моего рождения. Сам я совсем забыл об этом, но мой товарищ Арыстан прислал мне на работу поздравительную телеграмму. Я прихожу, а ребята шумят, что я день рождения зажимаю. Вот и пришлось вчера отмечать сразу оба события. Одни холостяки собрались, так что я, можно сказать, легко отделался».

И, глядя на его опечаленное чем-то лицо, я снова почувствовала себя легко и весело. «Надо же — про собственный день рождения забыть! И ведь сразу видно, что не врет. Разве такое придумаешь?»

«Вы не волнуйтесь», — сказала я. А он, насколько я разбиралась в людях, чувствовал себя неловко. Виноватым он себя чувствовал — вот что, и смущался, пожалуй, еще больше, чем я.

«Очень хорошая комната, — сказала я. — Куда можно поставить цветы?» — И достала из сумки гвоздики.

Омар радостно заулыбался. Он быстро налил в стеклянную банку воды. «Вы мне, конечно, не поверите, но я все это уже видел во сне».

«Что «все»?» — Я посмотрела на него с удивлением.

«То, что вы вот так придете ко мне и в руках у вас будут эти цветы. Когда вы зашли, я сразу подумал — а где же цветы?..»

И как-то так на меня посмотрел, что тон его беседы вдруг показался мне развязным, а мне никогда не нравились быстрые, верткие парни, способные, как говорится в пословице, в игольное ушко пролезть.

«Вы, наверное, летаете на Ил-62?» — наивно осведомилась я, втайне желая задеть самолюбие парня.

Но он нисколько не обиделся на меня.

«Вот и ошиблись. Я второй пилот на крошечном Ан-2. А вы, наверное, собственный корреспондент «Правды», да?»

Мне стало неудобно за свою нелепую подковырку, и я смущенно засмеялась. И вновь почувствовала себя свободно. Мне даже стало нравиться, что я все-таки решилась прийти сюда.

«Простите меня, — сказала я и похвалила его: — Здорово вы мне ответили. Вы, наверное, веселый человек...»

«А вам не нравятся веселые люди?»

«Кому ж они не нравятся?»

«Мне, например. Я люблю людей уравновешенных, спокойных. Наверное, оттого, что сам другой...»

Баян пристегнула ремни и откинулась в кресле. Вышла стройная стюардесса и, улыбаясь «аэрофлотовской» улыбкой, сообщила данные о высоте полета, времени прибытия в аэропорт, температуре воздуха за бортом. Но все это мало интересовало Баян.

«Не злись. Тебе это не нужно, так, может, другим интересно, — остановила она себя. — Лучше подумай, куда и зачем летишь!»

«Зачем мне думать — лечу да и лечу. Безо всякой мысли...»

«Лжешь! Ты постоянно думаешь о Кайрате. Всегда. Ты не можешь не думать о нем... Нет, могу...»

Баян попросила у стюардессы стакан воды, а потом уткнулась в какой-то журнал...

«...Скажите, вы выросли в детском доме?» — осторожно спросила я.

«Да, — ответил Омар. — Если бы кто-нибудь сказал мне сейчас, что у меня есть родители и я могу побыть с ними только один день, а на следующее утро должен расстаться с жизнью, я бы пошел на эту жертву только ради того, чтобы узнать, какими они были, как выглядели, чем занимались мои отец и мать...»

Он замолчал. Мы стояли у ворот моего дома.

«Кажется, пришли, — прервал он молчание. — Ну давайте прощаться...»

«Омар! — впервые за весь вечер я назвала его по имени. — Простите меня!»

«За что? — удивился он. — Мы так хорошо провели время...»

«Я знаю, за что!» — Я не могла больше ничего сказать. Я взяла его за руку.

«Я сегодня не оставлю вас одного. Мы сейчас поймаем такси и поедем», — настаивала я.

«Нет, мне не нужна такая жертва, — теперь уже решительнее сказал он. — Идите спать. Я хочу побыть

один. Вы и без того подарили мне столько радости. Спасибо вам»! — Он погладил мою руку.

...Марии Васильевны еще не было. Я, не раздеваясь, опустилась на стул. Потом сняла валенки, прошла в свою комнату и стала искать сигареты. На книжной полке я увидела две пачки «Казахстанских», вынула сигарету, жадно затянулась и вдруг вспомнила: сигареты эти привез из Алма-Аты Кайрат! Я вскочила и бросила сигареты в печку, где тлели малиновые угольки... Я разделась и легла в постель, зарывшись лицом в подушку. Вспомнила маму... Я плакала...

...Однажды во дворе взрослый мальчик ударил Абылая палкой. Абылай, схватившись за голову, опустился на землю. Не выдержав, я отвесила мальчишке крепкую оплеуху, и он со слезами побежал домой. Вскоре выскочила его мать и раскричалась на весь двор:

«Вот как она их воспитывает! Она же пьет беспробудно!..»

Не обращая внимания на плач Абылая, я увела его на улицу. Я не хотела, чтобы он запомнил грязные слова этой женщины. Мы оказались в Центральном парке и мой братишка повеселел: он тут же присоединился к каким-то ребятам и стал с ними играть. А я сидела на скамейке и злилась — ведь эта крикливая толстуха оскорбила мать, бабушку, отца, меня, всю нашу семью, а я не знала, как ей ответить.

«Баян, купи мне мороженое», — попросил Абылай.

Я пересчитала мелочь, оставшуюся от школьного завтрака. Денег хватало. «Ты можешь сам купить?» — спросила я его.

«Нет, — заупрямился Абылай. — Я хочу, чтобы ты купила... Мне и себе...»

У нас недоставало двух копеек, но продавщица из киоска все же дала нам два вафельных стаканчика и спросила: «Как ваша мама? Выздоровела?»

«Выздоровела», — ответила я.

«А это Абылай? Ух, как он вырос! В школу ходит?»

«Перешел в третий класс...»

«Передай маме привет от меня. Жалко, скажи, что у меня времени никак не хватает ее проведать...»

Я сделала несколько шагов и оглянулась. Женщина, пригорюнившись, глядела нам вслед. Стоит мне и сейчас

вспомнить ее жалостливое и вместе с тем любопытствующее лицо, как на глаза наворачиваются слезы. Свернув за угол, я выбросила свое мороженое в урну.

«Зачем ты это сделала?» — удивился Абылай.

«Горло болит», — соврала я ему.

«Надо было мне отдать», — насупился он.

«И у тебя заболит, если съешь сразу два», — сказала я.

«Не заболит, не заболит!» — заспорил Абылай.

«...У него нет никого, кроме меня, — вдруг поняла я. — Он одинок. А в жизни нет ничего страшнее одиночества, сказал он».

...Поднявшись на пятый этаж, я остановилась, чтобы отдышаться. Прислонилась к стене. Зажмурилась. Дверь в квартиру Омара была не заперта, в щель просачивался слабый свет. Прислушавшись, я уловила звуки тихой музыки. Я осторожно открыла дверь и вошла. Омар сидел на раскладушке спиной к двери и слушал музыку. Пепельница, стоявшая на полу рядом с ним, была полна окурков.

«Омар, — позвала я тихо. — Омар...»

Он замер, не оборачиваясь.

«Омар!..»

10

Ескендир, как обычно, отправился на работу пешком. Всю ночь его мучила бессонница, к утру головная боль прошла, однако, выйдя на улицу, он вновь почувствовал себя разбитым и вымотанным.

Он слышал, как поднялась Баян, но встать и проводить ее у него не было сил.

«Странно, что я не слышал, как возвратился Абылай, — мельком подумал Ескендир. — Могли бы вместе позавтракать, да жалко рано поднимать. В стройотряде вставали ни свет ни заря, пусть хоть дома отоспится».

Чего только не пришлось ему вынести из-за этих двух детей! Сколько натерпелся он от Айши... Ескендир сознавал, что сына он любит больше, чем дочку, — мужчина все-таки, наследник рода, так сказать... Он мечтал, что сын тоже поступит на юридический факультет, но Абылай неожиданно заупрямился и захотел стать инженером-механиком, успешно сдал экзамены в местный технологический институт.

И Айша до последней минуты говорила только о детях...

И если бы не дети, вряд ли она продержалась бы так долго. Кто знает? Кто может знать это?.. Он вспомнил, как почернело ее лицо, вспомнил ранние ее морщинки, пожелтевшие белки глаз... Куда ушли те дни, когда глаза ее полыхали огнем, а лицо сияло улыбкой?..

...Месяц они провели в Крыму, на берегу моря...

Круглое белое ее лицо, бездонные глаза, стройное тело... Айша, взяв Абылая за руку, спускается по крутой лестнице на пляж, и эта картина, навсегда оставшаяся в памяти Ескендира, иногда казалась ему живой, движущейся, многомерной. Айша мерещилась ему во сне, иногда он как бы видел ее наяву — на работе, на улице, в лесу. Эти видения будоражили его чувства, горячили кровь... Айша ведет за руку Абылая...

...Абылай, держась за руку матери, прыгает через ступеньки и, завидев на берегу Ескендира, что-то толкует матери, показывая рукой в сторону отца. Мать и сын смеются, машут, бегут к отцу. Раннее утро. Народу на пляже мало. Они ложатся на одеяло, расстеленное Ескендиром. Мягкий крымский воздух, горячее солнце лелеют их, от прохладной соленой воды захватывает дух. Ескендир уплывает далеко в море и машет рукой оставшимся на берегу жене и сыну.

«Айша!» — зовет он. Она бросается в воду и плывет к нему. Ескендир с любовью смотрит на ее прекрасное лицо, и ком в горле застревает у него от нежности. Не выдержав, он обнимает жену.

«Мама! Папа!» — кричит Абылай, испугавшийся, что они так далеко уплыли. Ескендир смеется.

«Смотри, как волнуется наш трусишка!»

«Поплыли обратно...»

Лучистые улыбающиеся глаза обращены к нему, и он понимает, что здесь, в эту минуту, он самый счастливый человек. А может, и на всей земле... Разве такое невозможно? Возможно... Он читает это в добрых глазах жены...

Именно в те счастливые дни Ескендир поклялся себе, что никогда и ничем не огорчит Айшу, никогда не оставит ее, что бы в жизни ни случилось. С тех пор столько раз воспламенялось и гасло его счастье. И надежды ру-

шились, но он ни разу не изменил своей клятве. Счастье... Его мгновения коротки, как всполохи.

Знал ли он, прощаясь с морем, что эти дни, проведенные в Крыму, станут самыми светлыми днями его трудной, бесконечно трудной жизни...

В приемной его встретила взволнованная секретарша.

— Ескендир Калиевич, вам несколько раз звонил начальник городской милиции, — сказала она.

Ескендир рассеянно посмотрел на нее. Его головная боль прошла окончательно. Казалось, что воспоминания о счастливом прошлом влили в него какие-то новые силы.

— Сначала давай поздороваемся, Алия, — сказал он.

Молоденькая девушка опешила.

— Простите, забыла, Ескендир Калиевич. Он сказал, что сейчас придет сюда...

— Кто он?

— Начальник милиции...

Ескендир неопределенно кивнул головой и прошел в кабинет. Он подумал, что ранний звонок Егорова и его настойчивость связаны с тем делом, вмешаться в которое просил накануне Колхозжан. «Всех на ноги поднял...» — неприязненно подумал он и набрал номер судьи Жуманова, чтобы узнать подробности.

Он долго слушал торопливый рассказ судьи и думал о том, что никогда еще в жизни не встречал такого шустрого и словоохотливого молодого человека. Насыр Жуманов, улыбчивый, обходительный, всегда имеющий в запасе смешную историю и свежий анекдот, быстро продвигался по служебной лестнице. Ескендир вдруг вспомнил, что об этом запутанном деле ему рассказывал месяц назад Егоров. В преступлении были замешаны сдатчики, приемщики, заведующие, директора предприятий не только в Казахстане, но и за пределами республики. Большой круг «деловых» людей сбывал не по назначению крупные партии шерсти, и размах этих операций исчислялся миллионами рублей.

— Вот. Вкратце все, — сказал Жуманов и замолчал. Он, по-видимому, ждал теперь реакции Ескендира на услышанное, но тот не отзывался.

— Так каково ваше мнение, Ескендир Калиевич? —

не выдержал Жуманов. — Что мне передать Жану Султановичу?..

— Ничего. Перед законом мы все едины. Спасибо за информацию. Я сам с ним поговорю...

И Ескендир положил трубку.

«Дело нелегкое, — подумал он. — Жан сам должен понять, потому что брат явно ввел его в заблуждение, многое, по-видимому, обрисовав совершенно не так, как это было в действительности. Нужно объяснить Жану, насколько все серьезно и сложно...»

Мысли его перебил вошедший в кабинет начальник милиции. С Егоровым Ескендир был знаком давно, много лет они работали в одном городе и стали хорошими друзьями. Пока была здорова Айша, частенько встречались семьями. Прежней близости между ними теперь уже не было, но осталось крепкое взаимное уважение.

— Ескендир Калиевич, я пришел сообщить тебе, что вчера вечером Абылай был задержан милицией. Прокурор дал санкцию на арест. Твой сын ранил человека.

Егоров хотел произнести это как можно спокойнее, но сказал, и будто бомба разорвалась в просторном кабинете Ескендира.

— Как задержан? Разве он не ночевал дома? — Ескендир вскочил и тут же бессильно рухнул в кресло.

— Ну уж тебе лучше знать! — невольно вырвалось у Егорова, и он тут же пожалел о своей резкости. — Потерпевший в тяжелом состоянии, — добавил он. — Хулиганство с применением холодного оружия.

После, в больнице, Ескендир смог вспомнить лишь этот ясный, спокойный голос Егорова. Полковник рассказывал ему о случившемся так, как будто уже читал приговор.

— Спасибо за то, что ничего от меня не утаил, — тяжело дыша, засовывая под язык таблетку валидола, выдавил из себя Ескендир.

— Извини, но ты должен был это знать. И должен был знать от меня, — твердо сказал Егоров.

После его ухода Ескендир секунду пробыл в задумчивости, затем потянулся к телефону, чтобы позвонить в прокуратуру, но тут же отдернул руку от аппарата и вызвал секретаршу.

— Скажите, чтобы подавали машину, — велел он девушке, которая с тревогой глядела на него.

— Вася, домой, — приказал он шоферу слабым голосом, сев на заднее сиденье.

Машина тронулась. Ескендир бессмысленно глядел в окно. Вдруг голова его свесилась, он покачнулся и медленно сполз на сиденье. Шофер обнаружил это лишь у первого светофора.

— Ескендир Калиевич, что с вами?! — испуганно спросил он.

— В больницу... — еле слышно прошептал Ескендир.

Нетерпеливые водители что-то кричали, сигналили, но Вася, не обращая внимания ни на летящие вслед окрики, ни на свистки постового, круто развернулся и до упора выжал педаль газа.

11

Прислонившись к забору, Кайрат наблюдал за взлетающими и идущими на посадку самолетами. Когда дежурная вошла к нему в номер с телеграммой, он поспешно вырвал бланк из ее рук, забыв даже поблагодарить.

— Еду, — повторял он вслух. — Еду. Жди. Баян.

Он быстро оделся и спустился вниз. Давно он не чувствовал себя так легко и свободно. Еще час назад, уткнувшись в подушку, он разрывался от тоски и желания увидеть Баян — можно ли было тогда представить, что пройдет такой короткий отрезок времени, и он снова станет веселым, счастливым и беспечным. Да еще он на сей раз при деньгах, а это с ним не всегда бывает! Хотя при чём тут деньги? Главное, что она едет! Все-таки едет! Милая, нежная Баян...

Как он был влюблен в нее тогда, в тот год! Был влюблен так, что забыл обо всем на свете.

Женившись на Катире, Кайрат вернулся в Алма-Ату, а ей предстоял еще целый год учебы в Москве. Он не отвечал на письма молодой жены, ему не хотелось звонить ей, он вообще не давал знать о себе.

А может, он не прав? Может, и было у них что-то, и, не повстречай он Баян, они и до сих пор жили бы вместе? Катира наверняка прощала бы ему все его мелкие слабости и мирилась с его тяжелым, неуживчивым характером. Ведь она-то любила. А может, нет? Или да? Кто ответит?

Любила ли она его? Несколько лет они мучились друг с другом, но, когда зашла речь о разводе, Катира быстро

и сухо сказала, что согласна. Однако кто знает, что испытала она при этом? Ведь когда-то была она смелой, гордой девушкой. Веселой и раскованной. И конечно же, не ее вина, что все в их жизни случилось именно так...

Самолет подрулил близко к зданию аэропорта. Кайрат бросил сигарету и стал разглядывать выходящих из него пассажиров.

Баян вышла последней. Она перекинула через плечо небольшую дорожную сумку, надела темные очки и слилась с толпой, идущей через летное поле.

— Ну, привет, — сказала она. — Едем?

— Да, — засуетился Кайрат. — Я сейчас.

Он остановил такси и велел шоферу везти их в гостиницу.

— Закуришь? — Он протянул сигареты, но Баян отрицательно покачала головой.

Кайрат обнял ее и шепнул:

— Я снял номер «люкс».

— Я буду жить отдельно, — таким же шепотом ответила Баян.

После обмена этими словами они почему-то почувствовали себя гораздо свободнее и даже принялись подшучивать друг над другом.

...До самого вечера бродили они по городу и, вдосталь нагулявшись, зашли передохнуть в центральный парк.

— Хочешь мороженого? — спросил Кайрат.

— Нет, — сказала Баян.

Это были, пожалуй, первые их слова за все время прогулки, ибо серьезный разговор у них никак не клеился. Так что, когда Кайрат спросил о мороженом, Баян в первую секунду показалось, что это не он, а кто-то посторонний заговорил с ней.

— Если бы у меня был от Омара ребенок, наверное, вся моя жизнь сложилась бы по-иному, — вдруг сказала Баян. — Женщина обязательно должна рожать. И нет для нее ничего счастливее материнства. Вы, мужчины, этого не понимаете...

Кайрат молчал.

Они возвратились в гостиницу. Баян ушла к себе, и Кайрат опять остался один в своем огромном «люксе». Приняв душ, сменив сорочку, он стал ждать звонка

Баян — так они условились. Но она неожиданно пришла сама.

— Роскошные апартаменты, — сказала она, озираясь.

— Давай закажем ужин в номер, — предложил Кайрат.

— Нет, пошли в ресторан.

— Когда же мы останемся наедине? — не выдержал Кайрат.

— Пошли, пошли, — Баян приоткрыла дверь.

Они заняли свободный столик.

Кайрат сделал заказ и закурил.

— Как дела у Даулета? — спросила Баян.

— Неплохо. У него в Москве недавно была выставка.

— А когда будет твоя выставка?

— Поживем — увидим. Я никуда не спешу. Не спеша, можно и зайца на арбе догнать. Знаешь пословицу?

— Знаю. А почему же тогда спешит Даулет?

— Почему? — Кайрат задумался. — Помнишь тот день, когда он заявил, что ему нужно десять лет, чтобы стать настоящим художником...

Баян засмеялась.

— Я-то помню. Я все помню. Но помнит ли об этом Даулет?

— Не знаю, — засмеялся в ответ Кайрат.

...Свадьба Даулета и Даны проходила в ресторане на Медео. Рядом с новобрачными сидели Кайрат и Баян. Баян казалось, что и Даулет и Дана сегодня необыкновенно красивы. Лицо Даны выражало смущение, как это подобает невесте, и молчаливый восторг. Даулет внешне казался спокойным, но и его глаза горели радостью, нетерпеливым желанием.

Подали автобусы, и гости, выйдя из ресторана, стали возвращаться в город.

Молодежь расположилась в комнате Даулета, а его родители, родители Даны, многочисленные родственники устроились в гостиной. Время от времени оттуда доносились приветственные возгласы, и тогда «молодые» выходили, чтобы показаться гостям.

«Кто не устал, тот будет делать то же, что и мы», — сказал Даулет и пригласил танцевать свою бывшую невесту, а теперь жену.

«Выключите музыку. Я хочу почитать стихи, — заявил вдруг Керим. — Баян, Кайрат, и вы садитесь...»

«Они не глухие. Будут танцевать и заодно слушать», — заступилась за них Дана.

«Это не те стихи, под которые можно танцевать. И не думайте, что я их автор», — нахмурился Керим.

С балкона пришли Майра и Оскен.

«Чьи это стихи? Ты сначала автора назови, а то мы, может, и слушать не станем», — сказал Султан.

Керим, не обращая внимания на его реплику, прокашлялся и закрыл глаза:

Свет полуденный! Жизнь моя!
Неужели исчезну я
в темноте навсегда, бесследно,
на безрадостном берегу
слова вымолвить не смогу,
крикнуть, выдохнуть хрип последний?
Может, мертвые скажут мне,
что такое жизнь? Что такое
жизнь?
Родившаяся во мгле
вспышка света? Звезда во сне?
Горизонт в золотом огне
над могильной моей плитою?
Я дышу, ожиданья полный,
Я из гроба встаю, крича:
— Возвратите сиянье полдня!
Каплю солнечного луча!
Только ныне я понял: жизнь —
это солнца крутая сила.
Разгорайся, мое светило,
Вечно здравствуй, живи, держись!
Белый, желтый, алый, багровый,
лейтесь, радужные лучи!
Голос мой из-под крышки гроба,
из-под крышки гроба звучит...

Он отпил воды и замолчал, глядя на всех в упор своими большими карими глазами. Баян шепотом повторила две последние строчки:

Голос мой из-под крышки гроба,
из-под крышки гроба звучит... *

«Это стихи Мукагали Макатаева», — сказала Майра.

«Самые известные его стихи», — добавила Баян.

«У наших художников большой пробел в области зна-

* Перевод М. Курганцева и Ю. Александрова.

ния национальной поэзии», — заметила Дана, задумчиво поглядев на мужа и его друзей.

«Мне действительно незнакомо это имя, — признался Даулет. — Но какая пластика, какой удивительно чистый звук, какой безграничный простор за всем этим открывается. Сколько благородства, сколько изящества в его строках. И гражданственности — далекой от пошлой конъюнктуры. Я рад, что у нашего народа есть такие поэты. Это значит, наша поэзия поднялась очень высоко».

«Он напоминает мне Николая Рубцова, есть такой русский поэт, — сказал Султан. — Я знаю Мукагали, но не очень люблю его стихи. Вернее, не всегда понимаю, что он хочет сказать».

«А вот у нас в аулах его стихи знают наизусть. Простые табунщики, чабаны»,— возразил ему Оскен.

«Керим, ты можешь нас с ним познакомить?» — спросил Кайрат.

«Нет, теперь уже не могу,— ответил Керим, и на его глаза навернулись слезы.— Вчера он умер. Прости меня, Дана, и ты, Даулет, прости, что я в такой радостный для вас день говорю о смерти. Я не хотел, я держался, я пытался веселиться, но уж так получилось, и я думаю, что вы простите меня. Ведь ушел из жизни самый большой поэт Казахстана. А когда он был жив, мы все хотели научить его уму-разуму».

Тяжелая, неловкая тишина воцарилась в комнате после его страстного монолога. Из гостиной доносились приветственные возгласы подгулявших гостей, а у ребят не хватало сил поднять глаза и посмотреть друг на друга. Все они, будто сговорившись, уставились в пол.

«Сколько ему лет было?»—спросил притихший Султан.

«Сорок пять».

«Самый возраст для художника. Так уж устроена жизнь, что настоящий художник только к сорока годам и раскрывается...»

«Давайте помянем поэта Мукагали. Пусть ему земля будет пухом!..»

— О чем ты сейчас думаешь, Кайрат? — спросила Баян.

— Я думаю, зачем ты сюда приехала. По-моему, ты не очень рада видеть меня,— ответил Кайрат.

— Возможно,— согласилась Баян и, помолчав, добавила: — И это возможно.

— Ты очень изменилась.

— Я? А ты? Тоже не тот, что раньше.

— Я развелся с женой. Дочка осталась с ней,— сказал Кайрат.

Баян промолчала.

— Уже два года, как я живу один.

— Ты вызвал меня, чтобы сообщить об этом? Уж не начнешь ли ты сейчас жаловаться на свою жену?

— Нет,— сказал Кайрат.— Ты меня неправильно поняла.

— Не надо никого ругать. Мы сами во всем виноваты.— Баян пристально посмотрела на Кайрата...

...Кончилось свадебное застолье, и все они вышли на улицу.

«Куда ты? Пошли домой»,— уговаривала ее Майра, но Баян, не сказав ей ни единого слова, взяла Кайрата под руку, и они свернули в ближайший переулок.

На другой день утром Майра выговаривала ей:

«Я всю ночь не спала, все тебя ждала, шалунью, все волновалась. Ты не наделала глупостей, а?»

«Нет, нет, со мной все в порядке. Со мной все хорошо, — сказала Баян и призналась: — Знаешь, мне так спать хочется...»

«Ложись»,— сказала ей Майра, взбивая подушку.

...Милая Майра! Как она была добра к людям, как она была добра ко мне! Такой заботливой подруги мне уже никогда больше не встретить. Светлая память ей и ее доброте, которая умерла вместе с ней! Милая Майра, так рано ушла из жизни... Она слишком тяжело переносила роды, а в самый последний момент сказался скрытый врожденный порок сердца...

«У меня беспорядок, ты не пугайся»,— предупредил Кайрат, открывая дверь своего флигеля.

И правда — на окнах, на полу, на столе валялись рисунки, стены были завешаны картинами. Картины, картины, картины...

...Когда Кайрат выключил свет, Баян, испугавшись, напустилась на него:

«Немедленно включи! Зачем ты это сделал?»

«Не бойся,— ответил Кайрат.— Лучше посмотри, какая ясная луна на небе. Сейчас вся комната засияет...»

И действительно, ее глаза быстро привыкли к полумраку. В лунном сиянии таинственно отсвечивали картины, лунная дорожка протянулась от окна до порога. Ба-

ян и Кайрат стояли у окна. Вот тогда она и посмотрела на него этим пристальным взглядом, полным страха, любви и надежды.

«Не бойся,— сказал Кайрат.— Не бойся».

Но голос его почему-то дрожал. Баян молча покачала головой, не отводя от него взгляда. Из радиоприемника еле слышно звучала музыка Шопена. За окном светлело. Баян все смотрела и смотрела на него. Кайрат что-то говорил, и ей казалось, что если она перестанет на него глядеть, у него снова задрожит голос...

...— Мне кажется, ты куда-то исчезаешь,— сказал Кайрат.

— Куда? — задумавшаяся Баян не поняла его фразы.

— Может, в прошлое, а может, и в будущее, кто знает...

— А-а,— сообразила наконец Баян.— Иногда, наверное, бывает такое, когда встречаются старые друзья.

— Разве мы только друзья? Разве мы не любили друг друга?

— Не знаю, как ты. Я действительно любила...

Кайрат смолчал в ответ. Он барабанил пальцами по столу.

Баян давно уже чувствовала на себе чей-то чужой взгляд, но намеренно не оборачивалась, думая, что нахал отстанет сам собой. Она случайно глянула на соседний стол и тут же отвернулась, успев заметить, что там сидят несколько мужчин и одна женщина. Здоровенный черный мужчина, занявший место во главе стола, буквально сверлил ее взглядом. Все лицо его было в розовых шрамах, как от ожогов, отчего вид у него был особенно устрашающий.

— Баянжан! — крикнул здоровяк, и тут она мгновенно узнала его.

— Оскен? Ты ли это? — приподнялась Баян.

— Он самый! — Оскен своими здоровенными лапами ухватился за руку Баян и поцеловал ее в лоб. Глаза его были полны слез. Он обнял Кайрата.

— Друзья мои, я наконец-то встретил вас! Какая радость! — заговорил он.— Айналайын, Баянжан!.. — Он неожиданно осекся и сел на стул.— Я плачу, но вы поймете меня. Я так скучал по вас, так скучал... Баян, может, не к месту говорю, не сердись на меня, но я снова женился... покойница Майра занимает в моей душе осо-

бое место, память ее для меня священна, но не судьба, знать, была нам пройти по жизни рука об руку до самой гробовой доски. Что делать? Человек может жить в свое удовольствие, может считать себя пупом земли, но перед лицом судьбы он, оказывается, беспомощен... Эти люди — активисты нашего совхоза, а я его директор. Мы все приехали на областной пленум по животноводству. Три года уже, как я работаю директором. А вот эта женщина — моя новая жена...

— Так зови своих, посидим вместе...

— А может, двинем к нам в совхоз, а? Когда я теперь еще вас увижу? Помянем Майру, вспомним Алма-Ату. Давайте так сделаем, Баянжан? — предложил Оскен и вздохнул.— Откуда вы? Как появились здесь? Не сон ли мне привиделся?

— Подожди, Оскен,— остановила его Баян.— Твой друг Кайрат живет в «люксе» и весь вечер рвался заказать ужин в номер. Хорошо, что мы встретились так кстати — теперь наконец нам и «люкс» пригодится. Кайрат, пойди договорись с официантами, а заодно пригласи жену и друзей Оскена...

Она говорила спокойно и уверенно, будто приказ отдавала.

Они поднялись в номер Кайрата. Балзия, новая жена Оскена, сразу понравилась Баян. Веселая, открытая женщина, чем-то неуловимо напоминающая Майру. Познакомившись с Кайратом и Баян, она стала извиняться, слегка при этом подтрунивая над мужем:

— Неудобно как-то получилось, вы уж нас простите, это все наш Оскен, вечно вот такие крутые повороты делает...

Что имелось в виду под «крутыми поворотами», было не совсем понятно, но она между делом что-то шепнула одному из спутников Оскена, и молодой парень быстро куда-та сбегал, возвратившись с сумкой, полной оленины, казы, шужика; нес он и кумыс в большом турсуке.

— Баянжан, наши-то ребята пошустрее городских официантов, а? — засмеялся Оскен. Он уже оправился от печальных воспоминаний, лицо его сияло, с радостью и умилением он смотрел на Кайрата и Баян.— Ну, молодежь, вы пока накрывайте на стол, а я сейчас представлю вам своих старых друзей.— Активисты совхоза согласно закивали, а Оскен продолжал:— У каждого из вас есть дома настенный календарь, вы получаете «Мадениет

жане турмыс» *. Там были репродукции картины известнейшего художника Казахстана Кайрата Маусымбаева «Молодые». Этот художник сейчас перед вами...— Некоторые из активистов действительно видели эту картину, другие сделали вид, что знают ее, не желая обижать «известнейшего художника Казахстана», но, во всяком случае, никто не возразил оратору. Про Баян Оскен сказал, что она «крупный журналист республиканского значения».— В «Казахстанской правде» в трех номерах подряд печатались ее статьи о проблеме культуры быта на селе,— добавил он, и активисты оживились. Выяснилось, что все они знакомы с этими статьями и, более того, даже обсуждали этот материал на партийном собрании.— Мы вместе учились в Алма-Ате, вместе веселились, вместе делили и радость и горе. Именно они, мои друзья, Кайрат и Баян, открыли мне глаза на жизнь. Правда, слова, которые мне Кайрат тогда говорил об изобразительном искусстве, вылетели из моей головы, надо было мне их тогда записать, а то ведь сколько я потом ни приезжал в Алма-Ату, никак не мог его больше встретить, а спросить было некого, потому что он там первый по этой части человек,— пошутил в конце своей речи Оскен.

...А Баян вспомнила, как после сдачи последнего государственного экзамена Майра собиралась в родильный дом.

«Видишь, как хорошо все складывается,— приговаривала она.— И университет я закончила, и замуж вышла, теперь Оскену лунолобого сына рожу... А на Кайрата ты не держи обиду, Баян,— сказала она подруге напоследок.— Не осуждай его за то, что он скрыл свою женитьбу. Он действительно любит тебя и будет любить всю жизнь, вот помянешь мое слово. Но и тебе нужно выходить на свою дорогу. Так что не отрывай его от жены и ребенка».

«Я не обижаюсь на него, Майра,— ответила Баян.— И не собираюсь ломать его жизнь. Тем более что он не сделал ничего против моей воли. Я осталась с ним, и я пошла к нему сама, и то, что у нас случилось, было уже после того, как он сказал мне, что женат. Он ни в чем не виноват. Я его тоже люблю. И тоже буду любить всю жизнь...»

Майра прижалась к ней.

* «Культура и быт» (журнал).

«Разве это не счастье, любить и быть любимой? Знаешь, мне кажется, в мире нет ничего прекраснее любви».

Через неделю она умерла во время родов...

Баян наблюдала за Оскеном, и ей показалось, что вот уж кто-кто, а он-то ничуть не изменился: говорит, что думает, может вспылить и тут же отойти, пошутить и поплакать. Внешне, конечно, он стал совсем другим: возмужал, отяжелел, лицо обезображено шрамами. «Вот бы случилось чудо, и рядом с ним вновь оказалась бы Майра»,— невольно подумала Баян и улыбнулась, представив, как ее бойкая подруга тут же настояла бы на своем и увезла их с Кайратом в совхоз немедленно и не слушая никаких возражений.

— Балзия, утром нужно сделать необходимые покупки. Кайрат и Баян будут нашими гостями,— сказал Оскен.

— Конечно же, они поедут к нам. Неужели мы здесь распрощаемся? — Балзия ласково посмотрела на Кайрата и Баян.— И ты хоть несколько дней дома побудешь, а то все лето тебя не вижу, то у тебя сенокос, то уборка.

— Хорошо сказала Балзия! — Главный бухгалтер совхоза засмеялся и поколотил кулаками свой объемистый живот.

— Мы случайно встретились сегодня, Оскен, и это очень желанное, очень радостное для нас событие. Давайте встанем и почтим память Майры, она была близка нам, и мы никогда не забудем ее,— сказал Кайрат и поднялся. А когда все сели, добавил: — Сегодня мы впервые видим Балзию, и нам хочется пожелать вам счастья, Оскен. И вам, и вашим детям. Дай вам бог радости в жизни!

Вскоре активисты совхоза, не желая стеснять встретившихся старых друзей, попрощались и разошлись.

Поднялась и Балзия, сославшаяся на то, что ей завтра утром рано вставать.

— Ты посиди еще,— сказала она мужу.— Поговорите по душам. А с вами я не прощаюсь, — обратилась она к Кайрату и Баян.— Завтра все вместе к нам поедем.

— Мне кажется, Балзия хороший человек,— сказал Кайрат, когда дверь за ней закрылась.

— Хороший, очень хороший,— согласился Оскен.—Когда я работал в совхозе механиком, у нас загорелись мастерские, и мне на этом пожаре опалило и лицо и руки.

Я три месяца потом в больнице провалялся, и все это время Балзия была рядом со мной. Она в тот год только что приехала в наш совхоз учительницей. Когда мне сняли повязку с лица и я впервые посмотрел в зеркало, то подумал — мама ро́дная, теперь не бывать никакой моей женитьбе. Но Балзия настояла на своем, и мы поженились. Если б не она, я, может, и по земле-то сейчас уже не ходил, кто знает? Так как же мне не уважать, как не лелеять такую женщину?..

Когда они наконец остались одни, Кайрат открыл окно.

— Смотри,— сказал он, выключив свет.

Полная луна светила прямо в окно, блики ложились на стены, бледная лунная дорожка протянулась от окна до порога.

— Как тогда, — прошептала Баян. — Как тогда...

— Да,— сказал Кайрат.— Как тогда, там, в Алма-Ате.

— Не радуйся,— сказала Баян.— Не радуйся. Нам никогда не быть вместе. Мы никогда не будем счастливы.

— Неправда,— Кайрат крепко обнял ее.—Теперь я никуда тебя не отпущу, теперь я навсегда с тобой.

— Я боюсь, Кайрат, боюсь...— Она прижалась к нему.— Смотри, какая луна... как тогда... помнишь, когда мы впервые остались наедине... Она снова принесет нам несчастье, эта луна...

— Не бойся, что ты? — Кайрат, преодолевая ее слабое сопротивление, нежно ласкал Баян.— Не бойся, я никому тебя не отдам... Никому... Никогда...

По ее телу прошла дрожь. И тело ее, и душа вновь были в его власти. Он поднял ее на руки, и она почувствовала, что это душа ее взметнулась ввысь в необъятной жажде безостановочного парения...

И в этот самый миг, разорвав лунную тишину за окном низко пролетел самолет. Баян невольно вздрогнула, приоткрыла глаза... Блики на стенах, тень самолета на лунной дорожке... Баян пыталась вырваться, освободиться, но тщетно.

— Закрой, — шептала она, — закрой, закрой окно... задерни занавеску... Закрой все! Милый...

...Заря еще не занялась, когда Баян проснулась. Кайрат спал, была тишина, но тот самолетный гул в ее ушах вдруг возрос до неимоверной силы и, казалось, готов был разорвать ей перепонки.

Она отодвинулась от Кайрата. Баян поняла: покуда

жива она, ей ни за что не забыть Омара. Он умер, но душа его существует, воплотившись в тени и видения. Гул самолета, тень его на лунной дорожке, эти ее слезы в сумеречной тишине... Бессмысленно удерживать свои чувства. Жизнь всемогуща. Нахлынувшая лавина чувств сметает все на своем пути...

Это были суровые откровения, как сурова была для нее в эти минуты явь. Человеку неведомо будущее, но, пока в его жилах течет кровь, он должен помнить о прошлом, поверяя им свою жизнь.

«Жизнь полна противоречий,— подумала она.— Когда Кайрат приехал в Целиноград, я тайком от Омара встречалась с ним. А теперь, здесь, думаю об Омаре...»

Омар... Если бы она могла, то за все свои прегрешения без промедления отдала бы за него и жизнь и душу. Но невозможно вернуть прошлое, нельзя заново прожить жизнь — вот в чем истинная трагедия человека, ибо он всего лишь человек, но в этом, может быть, и счастье его? Как знать?

Баян смотрела на Кайрата. Он сладко спал. Когда-то, очень давно, она вот так же хотела положить ему на плечи руки и разрыдаться, ища у него защиты и сочувствия. Когда-то, очень давно, она тоже жаждала высказать ему все самое сокровенное, хотела выплакать горе, раздирающее ее душу. Лишь Кайрат поймет ее, думала она, он заплачет вместе с ней, он успокоит ее... Когда-то, очень давно, в тот день, когда умерла Майра и они с Оскеном, узнав страшную весть, шли из больницы к Кайрату. «Только не бросай меня одного,— умолял Оскен.— Я тоже хочу к нему, только к нему, он скажет, он научит, как освободиться мне от этого горя — о горе мне, горе потерять Майру, и зачем я жив, если ее больше нет на земле?..»

Дверь маленького флигелька в глубине двора была открыта. На веревке висела выстиранная рубашка и сушились синие джинсы.

«Он дома», —обрадовалась Баян, и они заспешили к дверям домика, но в это время навстречу им вышла молодая девушка с тазиком в руках. Она, улыбаясь, посмотрела на них.

«Я стираю, извините... Проходите в дом»,— сказала она.

Заметив, что Баян покраснела, Оскен спросил:

«А Кайрат дома?»

«Нет, он на работе»,— ответила девушка.

«Вы его сестренка, да?» — продолжал допытываться Оскен.

«Нет,— все так же весело сказала девушка.— Я его жена. Будем знакомы. Меня зовут Катира...» — Она кивнула им, вытирая мыльные руки о передник.

И Баян улыбнулась.

Она улыбалась, но девушка, уже заметив перемены в их поначалу приветливых лицах, растерянно замолчала.

«Извините за беспокойство. Будет время, мы еще зайдем. Привет вашему мужу. До свидания»,— избегая глядеть на нее, спокойно сказала Баян и, взяв под руку ошарашенного Оскена, пошла прочь со двора...

...Лишь на заре Баян наконец забылась сном. Она металась, вздрагивала, ей снилось что-то тяжкое, тягучее, неотступное...

...На красную скамейку бабушки, в центре их семипалатинского двора, подошли и сели: покойница-мать, отец, бабушка, она сама и Омар. Абылай пристроился у него на коленях. Кто-то бегал, мельтеша перед ними. Кажется, это был фотограф, который собирался их снять. «Как это всем нам удалось собраться? — удивлялась про себя Баян. — Мама умерла, но ведь и Омар погиб?..» Вдруг подбежали какие-то люди и схватили Абылая, стащив его с колен Омара. Мальчик плакал. Плащи этих людей шуршали, как будто кто-то еле слышно шептал слова. Мама, папа, бабушка, Омар, она сама вскочили и замерли, не в силах сдвинуться с места. Когда Абылая выволакивали за ворота, он оглянулся и тоскливо посмотрел на Баян. «Почему он посмотрел только на меня?» — удивилась Баян. В этом жалком, растерянном взгляде брата она прочитала и одиночество, и печаль, и тоску. Со стуком закрылись ворота, и все они ожили, задвигались. Но это не было осмысленным движением. Все они ходили вокруг стола, задевая красную скамейку. Ходили и падали один за другим. Сначала упала мать, потом Омар... потом бабушка. Теперь вокруг стола ходили лишь они с отцом. Споткнувшись о тело матери, упал и отец. Теперь она осталась одна, совсем одна в их пустом дворе. Она... Одна... «Не падай, — приказала она себе. — Не падай! Если упадешь и ты, кто спасет Абылая? Не падай, Баян! — закричала она. — Не падай! Не урони себя. Ты споткнулась, Баян? Вста-а-ава-ай!..»

Она проснулась от этого крика и увидела, что лежит в постели одна. Из гостиной доносились чьи-то тихие голоса.

Баян не знала, как объяснить себе этот сон. Она встала под теплый душ, но ей не стало легче. «Я должна позвонить домой»,— подумала она.

Баян оделась, вышла в гостиную. Кайрат шел к ней навстречу. Она прильнула к нему.

— Как спала?

— Давно уже так хорошо не спала...— Она, улыбаясь, освободилась из его объятий.— Мне нужно позвонить домой...

Она подошла к телефону.

— Приходил Оскен, сказал, что через час мы выезжаем.

Баян согласно кивала ему. Дома никого не оказалось. Она стала звонить отцу на работу.

— Что с тобой? Ты чем-то озабочена? — спросил Кайрат.

— Мне приснился страшный сон.

— Ты веришь снам? — засмеялся Кайрат.— Разве советский журналист верит снам?

— Все мы верим, когда это касается нас...

Кайрат не ответил. Сегодня он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. И был спокоен.

— Я счастлив,— шепнул он.

— Алло! — Баян, наконец-то соединившись с Семипалатинском, отстранила Кайрата.— Алия! Это вы?

— Баян Ескендировна! — услышала она растерянный голос.— Мы вас повсюду ищем. Ескендир Калиевич в больнице.

— Что?..— жутким шепотом спросила Баян, и шепот этот остановил Оскена, входившего в номер. Кайрат бросился к Баян, повторяя:

— Что? Что случилось?

— Что? — переспросила Баян.

— Обширный инфаркт,— ответила Алия.— Врачи говорят, что они ничего не гарантируют...

— Я немедленно вылетаю,— еле выговорила Баян, не попадая трубкой на рычаг.

До вылета оставалось несколько минут. Баян и Кайрат сидели на лавочке перед зданием аэропорта.

— Может, и мне с тобой полететь? — неуверенно спросил Кайрат.

— Нет, ты поезжай к Оскену.

— Я должен быть с тобой.

— Нет,— повторила Баян.— Ты устал. Ты поедешь с Оскеном, развеешься. Для него это будет счастьем.

— Еле отыскали вас,— сказал Оскен, возникший откуда-то.

Балзия села рядом с Баян.

— У вас несчастье, но знайте, мы с вами. Желаем вашему отцу скорейшего выздоровления.

— Когда все закончится, а я уверен, что все будет хорошо, приезжай и сообщи о дне приезда,— сказал Оскен.— Я вышлю за тобой машину. И все-таки жалко, что не удалось побыть вместе...

— Будете в Семипалатинске, обязательно к нам заходите,— Баян повернулась к Балзие.— Вы мне понравились. Глядя на вас, я понимаю, что есть на свете хорошие люди. Спасибо вам!

Балзия, не ожидавшая такой откровенности, покраснела, но Оскен окинул Баян взглядом, полным благодарности.

— Баян, я многое хотел тебе сказать, но не успел,— тихо промолвил Кайрат.— Не успел... Я все больше и больше начинаю понимать — мне лишь кажется, что нет в жизни такой извилинки, такого уголочка, которого бы я не знал. С каждым годом я все более убеждаюсь — трудно, почти невозможно, познать до конца всю суть жизни. Не обижайся на меня. Не думай, что я ничего не вижу. Спасибо, что приехала...

— Я тоже о многом собиралась с тобой поговорить. Но и я не смогла сказать тебе ничего. Ради бога, не нужно меня благодарить, Кайрат... Мне самой очень хотелось побыть с тобой...

Из окна автобуса, который вез ее к самолету, Баян заметила Кайрата, который по-прежнему стоял у забора, держась руками за железные прутья и тоскливо глядя ей вслед.

Балзия и Оскен махали ей. Она попыталась ответить им.

Самолет вырулил на взлетную полосу. Издали было видно, что Кайрат все еще стоит у ограды.

Баян вспомнила его запавшие глаза, полные одиночества, и ей пришла в голову страшная мысль, что они с

Кайратом могут никогда больше не встретиться. Ей хотелось все думы свои и все желания посвятить отцу, но на это у нее не хватало сил. Перед глазами стоял Кайрат, вцепившийся в железные прутья ограды, как большой осиротевший ребенок.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

12

Почти год прошел с того времени, как Абылай оказался здесь. Душа его, лишенная свободы, поначалу противилась неправедному приговору судьбы — обида, злоба, тоска душили его, и он не находил себе места. Но время незаметно взяло свое, и он вошел в ритм этих безликих, постылых дней, подчинился их гнету.

Так же, как и остальные осужденные, он вставал в шесть утра по сигналу «подъем», день проводил на работе в карьере, механически принимал пищу, привычно шагал в колонне, вечером ложился спать, не чувствуя своего безжизненного тела.

Ему были дороги те моменты духовной свободы, которые достаются осужденному во время работы. За это он любил свою работу, несмотря на то, что в карьер и обратно их вели под конвоем, что особенно угнетало его. И, работая, Абылай выкладывался весь: ныли мускулы, но он, стиснув зубы, трудился до изнеможения, не давая себе ни минуты отдыха. Он жаждал сильных и неукротимых движений, изнуряя себя до предела, освобождаясь от тяжести мыслей, навалившихся на него.

Администрация исправительно-трудовой колонии оценила его спокойный нрав и активную работоспособность, его хвалили, но жизнь в заключении продолжала давить на него. Он постоянно находился в подавленном состоянии, временами казалось, даже разучился просто, по-человечески смеяться.

Иногда он доходил до того, что каждое чужое слово вызывало в нем раздражение, и весь свет становился не мил в эти минуты, не спасала даже привычная работа. Смирный, уравновешенный, он начал меняться — в нем исподволь копилась дерзость. Он стал понимать, что тоска по свободе и вольной жизни — это особое состояние осужденного, которым тот не всегда в силах управлять.

После работы на карьере, усталый и разбитый, садился на корточки, прислонившись спиной к шершавому, хранящему солнечное тепло валуну.

Желтая, тающая в знойном мареве степь, казахская степь, без конца и края, родная степь, привольно раскинувшаяся под чистым небом! Он думал о том, что на всем великом пространстве степи вершится ее спокойная и размеренная жизнь: там и тут мелькают сытые проворные суслики, с шумом взлетают и садятся стайки беспокойных воробьев, еле различимых издали; слышится стрекот кузнечиков... Эта жизнь степи с ее неизменным многовековым укладом, со множеством звуков, красок, линий назойливо напоминала ему, что нет ничего в мире дороже и значительней свободы. И, странно, временами ему казалось, что он знает эту степь с детства, что давным-давно сроднился с нею, никогда не ведая другой жизни, жизни шумных городских кварталов, школы, института, вечерних прогулок на берегу Иртыша.

Совсем недавно ему разрешили свидание — в колонию неожиданно приехал Мерген, внук старика Сабыра, жырау — певца старинных легенд, за которого Абылай вступился тем вечером. И, лишь увидев Мергена, вспомнив Сабыра, Абылай наконец-то понял, почему ему кажутся родными эти желтые безбрежные степные пространства, эти краски, запахи и звуки: колония располагалась в восьмидесяти километрах от того аула, где жили Сабыр и его сын и где он впервые услышал чудные звуки домбры аксакала, где находилось то самое озеро, в котором весело плескались тогда Омар-ага, Володя, Мерген и он, Абылай... Где сиротливо стоит памятник Омару из белого мрамора, который поставили благодарные односельчане Сабыра.

— Глупо все получилось, — сказал Мерген. — Ни я, ни дедушка не можем понять, как все это произошло. Мы не верим, что ты виновен в этой драке.

Каждое слово он выговаривал спокойно, с расстановкой, тщательно доводя до собеседника смысл сказанного, и Абылай подумал о том, что широкая, вольная степь щедро поделилась своим богатством с этим степным джигитом, ее сыном.

— Ладно, хватит об этом, — сказал он. — Ты лучше о себе расскажи. Я вижу, ты изменился, возмужал, как это говорится, заматерел, что ли...

— Да? — удивился Мерген. — Ты действительно так

думаешь? А мне иногда кажется, что я все еще ребенок. Дедушка меня все ругает: ты, говорит, отец семейства, а иной раз ведешь себя как пацан... — Мерген громко рассмеялся и вдруг спросил тихо: — Сколько тебе еще осталось?..

— Полгода, — ответил Абылай и посмотрел через узкое окошко комнаты для свиданий во двор колонии. Осужденные, все в темной одинаковой одежде, одинаковых кирзовых сапогах, одинаково стриженные, выходили из столовой и строились. Увидев строй, Абылай вспомнил, как ему пришлось поработать кулаками в первый день пребывания в колонии, чтобы добыть себе право на уважение и независимость, чтобы никто больше не осмеливался подступить к нему или давить на него.

Он добился своего, и буйная публика общежития оставила его в покое. Только длинный, черноглазый и густобровый Кобыланды Юрченко (отец его был казах, а мать — украинка), по кличке Кобра, нет-нет да и поглядывал на него своим острым воровским взглядом, зорко следя за каждым его движением. В самый первый день, лишь только Абылай прибыл сюда, двое или трое юрких парней обошли сидящих за столом во время обеда и молча забрали у всех, включая Абылая, сахар, сложив его в кучу перед густобровым парнем. Абылай удивленно посмотрел по сторонам, но другие обедающие смущенно прятали взгляд и привычно помалкивали. Тогда Абылай не спеша поднялся, вразвалочку обошел стол и, подойдя к густобровому, небрежно протянул руку к сахарной горке. Все замерли, напряженно глядя на них. Кобра вдруг ощерился, вскочил и больно ударил Абылая ложкой по тыльной стороне протянутой ладони. Однако он тут же рухнул на пол — Абылай одним точным движением дал ему кулаком в подбородок, и здоровенное тело Кобры обмякло, он конвульсивно зацепил рукой миску и сполз на пол. Дружки его, четверо или пятеро парней, бросились на Абылая, но тут же оказались там, где и их главарь. Теперь к Абылаю лезли другие, с другого конца длинного стола. Истерично матерясь, они, казалось, были готовы на все. Но тут распахнулась дверь и в столовую вошел начальник отряда, старший лейтенант Каримов.

— А ну прекратить! — крикнул он.

Осужденные вернулись на свои места. Юрченко, как ни в чем не бывало, поднялся с пола и, укоризненно по-

качав головой, сел за стол. Каримов постоял немного и, круто развернувшись, вышел из столовой.

Стало тихо. Курчавый парень, сидевший напротив Абылая, подмигнул ему, явно одобряя его поступок. Абылай раздал сахар тем, у кого его отобрали. Юрченко, прищурившись, смотрел на это, но не вмешивался, так же как и его кореши.

После обеда Каримов вызвал Абылая к себе в кабинет.

«Ты вот что, ты эти штуки кончай, — сказал он. — На первый раз тебя прощаю, но, если будешь драться, получишь взыскание. Понял?»

«Понял. Но я их не трогал. Они сами полезли ко мне».

«Я запрещаю тебе давать волю рукам...»

«А им почему не запрещаете?» — спросил Абылай.

«И им запрещаю. Драться никому не позволю. Ты понял?» — переспросил Каримов, нахмурившись и строго глядя на Абылая.

«Я-то понял, гражданин начальник, но вот вы нас не хотите понимать, — верный своей привычке говорить правду в глаза, ответил Абылай. — Разве дело, что строгачи и общий режим живут на одной территории?»

«Это дело временное. Придется еще полгодика вам потерпеть. Видишь, новый блок строим...»

«Лучше бы на что-нибудь полезное эти деньги потратили», — не удержался Абылай.

«Пока такие, как ты, нарушают закон — это разве возможно?» — перебил его Каримов, и Абылай замолчал. Наказывать его Каримов не стал, но с того памятного случая отношения между ними были безнадежно испорчены. Чем больше наседал Каримов, тем дальше отдалялся от него Абылай, не желая открываться перед начальником отряда, все больше и больше замыкаясь в себе.

...В тот же день у него нашлись друзья и союзники. Курчавый парень подошел к нему перед отбоем и заговорил шепотом:

«Сегодня ночью тебе хотят «поломать рога», так что будь начеку».

Сказав это, он мгновенно исчез, и в ту же ночь действительно произошла драка. Дрались молча, до изнеможения. Вдруг дневальный крикнул «атас», и пока наряд контролеров поднимался на второй этаж, дерущиеся успели занять свои койки. И хотя наутро все они бы-

ли в синяках и кровоподтеках, администрация так и не смогла выяснить, что случилось, — об этом молчала компания Юрченко, ничего не сообщил начальству и сам Абылай. Неизвестно, какие планы строил на его счет Кобра, но факт остается фактом, с того дня к сахару Абылая никто не притрагивался.

— О чем ни толкуй, от главного не уйдешь, — вырвалось у Абылая. — А главное для меня, о чем я думаю и день и ночь — поскорей бы выбраться отсюда. Избавиться от этого, забыть, как дурной сон. Больше я ничего не хочу.

Мерген задумчиво вглядывался в лицо своего давнего приятеля. Ему от души было жалко Абылая, он мучился от своего бессилия, ибо знал, что ничем не сможет ему помочь.

— Я буду навещать тебя, — сказал он. — Расстояние между нашими аулами не такое уж большое.

«Между аулами?» — Абылаю показалось забавным, что Мерген так тщательно подбирает слова, избегая называть вещи своими именами. Он снова улыбнулся и сказал:

— Ты сейчас очень похож на дедушку. Ведь Сабырага часто говорит или красноречиво, или намеками, иносказаниями. Кстати, как он там? До сих пор поет свои замечательные легенды?

— Он часто болеет и теперь почти не поет. Тяжело ему петь.

— Надо записать его голос на магнитофон. Такие люди, как он, редкость. Завтра это станет историей, и некому будет научить нас нашим песням.

— Я много раз собирался это сделать, да все недосуг — работа все, работа, передохнуть некогда...

— А помнишь его легенду «Честь»? Я ее часто вспоминаю. И слова и мелодию. Иногда даже напеваю про себя. И все думаю про Кушикбая. Вот человек был, да?

— Да. Это одна из любимых наших легенд... Ее и Омар-ага знал наизусть. Что-то в ней есть особенное, в этой легенде. Стоит ее раз услышать, навечно в память врезается...

...После того, как свидание закончилось и Мерген уехал, Абылай почувствовал себя еще более одиноким.

На душе у него было тоскливо и пусто. Ему вдруг показалось, что он уже очень давно, тысячу лет, не получал писем ни от Сауле, ни от родных. «Только в неволе, — думал он, — можно познать эту ни с чем не сравнимую радость, когда ты видишь клочок белой бумаги, весть из того, другого, недоступного тебе мира...»

После ужина он, примостившись в уголке, решил написать отцу и Сауле. Ему хотелось разорвать этот заколдованный круг одиночества, хотелось поделиться своей печалью с самыми близкими людьми, чтобы избыть свою тоску и муку.

Но эта безрадостная, неуютная жизнь как будто лишила его разума и дара слова: мысли расплывались, фразы не складывались в целое, и все это было не то, не то, какие-то клочки, обрывки реальности. Особенно трудно было писать Сауле. Что сказать ей, нежной его подруге, об этой жизни, которая отличается от прежней как небо от земли... С трудом вымучив из себя две первые строчки, он понял, что снова оказался в тупике.

Перед ним, как будто наяву, вновь появилась она. Вот она улыбается, запрокинув голову так, что отчетливо блестит белая полоска зубов, вот распустила свою длинную косу, и ее черные как смоль волосы закрыли ей плечи... Милая, никогда ее не забыть...

Мираж стоял в воздухе, как и мелодия древнего кюя, которая вдруг неслышно зазвучала в неведомой вышине, рассказывая о легендарных батырах и мужественной матери Кушикбая, о плачущем караване и людях, уходящих в поисках счастья от насиженных мест.

И слова для Сауле пришли сами. Щеки Абылая порозовели, смуглое лицо стало почти вдохновенным. Наконец-то он смог написать ей! Скромному листку бумаги, который получит его любимая, он доверял все свои желания, все свои мысли и мечты о любви, о счастье их будущей жизни. В этих словах звенели надежда и преодоленное одиночество...

...Абылай долго смотрел перед собой, потом, дописав последнее слово, поставил точку. Но когда он заклеивал конверт и надписывал адрес, в его ушах все звучала и звучала эта музыка, музыка древнего кюя, музыка его скорби и надежды. Смысл легенды вдруг по-новому раскрылся ему лишь здесь. Он понял, мир богат и разнообразен, но нет в мире ничего дороже человеческой чести.

...Тобет велел привести пленников к себе. В глазах у джунгаров стоял страх, и лица их, посеревшие и обескровленные, выражали готовность к самому худшему. Зловещая, густая тишина повисла над степью.

Тобет что-то шепнул на ухо своему посыльному Естаю, который неотрывно следовал за ним. Джигит подбросил в костер вязанку хвороста и мгновенно исчез в темноте. А когда вернулся, в руках у него была домбра.

— Кто-нибудь из вас умеет играть? — Тобет повернулся в пленникам.

Один из джунгаров робко подался вперед, но тут же отпрянул.

— Развяжите его, — приказал Тобет.

Пленника развязали. Он зашевелил пальцами и долго тер распухшие руки. Совсем еще молодой, юный, стройный, он подошел к Тобету. Домбра лежала перед ним.

— Играй, — сказал Тобет.

И снова замерла вокруг тишина.

Пленник долго глядел на домбру и потом, отрицательно покачав головой, сунул руку за пазуху. Тобет напрягся, но парень вытащил из-за пазухи сырнай *, подвешенный на шелковой ленте, и Тобет тут же успокоился.

Пленник поднес сырнай к губам и огляделся по сторонам. Был он легок, изящен, телосложение его было слишком хрупким для табунщика. Музыкант повернулся к огню, и глаза его сверкнули злостью и обидой. Казалось, что ему стало жалко нежной джунгарской мелодии, которую он сейчас будет вынужден исполнять для захватчиков-казахов.

Тобет заметил все это и выругался про себя.

Сырнай издал нежный чистый звук.

И замер.

И снова запел.

И опять замер. Как будто музыкант, насмехаясь над слушателями испытывал их терпение.

— Играй, тебе говорят! — не выдержал Тобет.

И зазвучали, зазвучали средь сонной тишины чарующие звуки сырная. Уставшие от походов, измученные многочасовой верховой ездой воины расслабились, задумались, притихли. Эта печальная, эта нежная, эта сладкая мелодия не улетела вверх, как дым от костра в без-

* Музыкальный инструмент.

ветренную ночь, а стелилась по земле, проникала во все уголки сонной безмолвной степи.

Лишь Тобет, злой, узкоглазый, сохраняющий суровое напряженное выражение на своем смуглом лице, не сводил с пленников взгляда. И на девушку смотрел так, точно собирался живьем проглотить ее.

Но девушка не замечала его алчного взгляда. Она в который раз изумлялась тому, что, позабыв обо всем на свете, позабыв горечь унижения и страх бесчестия, слушает музыку, с детства знакомую, но только здесь, в неволе, по-настоящему понятую музыку.

Она вдруг вспомнила свой аул, веселые, беззаботные дни детства и юности. Ей вновь захотелось услышать мягкую, журчащую речь джунгаров, а не этот резкий выговор казахов. «Не берет мир наши народы! — сокрушался ее отец. — Вон, говорят, Анархой вновь собирает войско против казахов. Чего мы не можем поделить? Чему мы вечно завидуем? Оба наших народа гибнут от раздора. И не лучше ли нам переехать в глубь такыра, чем пропадать здесь от набегов и насилия. Что делается, что происходит на этом свете? Батыры ищут счастья в налетах и кровавой резне. Мужчины погрязли в безумных мечтах о том, чтобы увеличить свои табуны. И какой толк в том, что женщины обоих наших народов наперегонки рожают детей, если все они потом гибнут в пожарищах и набегах? И что за упрямый нрав у жизни — счастье она дает по крупинкам, наперечет, а горя и слез отваливает полной мерой...»

«Великий человек! — думала девушка. — Такую мелодию мог создать подлинно великий человек. Может, этой музыкой он хотел образумить воинствующих мужей наших двух народов? Сказать им, что хватит губить себя, хватит губить народ. Степь — обширна и добра, и места в ней для счастливой жизни хватит всем. Но хватит ли у него на это сил? И спасет ли кого-нибудь его музыка? Вряд ли... Никчемна жизнь человека, который рожден не в свое время и которого не слышат современники. Но, может быть, и у казахов есть такой человек, и тогда настанет конец нашей вражде? Может, и там, у них, у врагов, есть такая же музыка? Или самое большое, на что хватило ума у наших народов, — это придумать ножны для отдыха сабель?..»

Стонет сырнай... Поет сырнай... И звуки его исторгают сладкие слезы из груди...

И молчит народ, и степь безмолвна...

Прислушиваясь к звукам неведомой музыки, придерживая рвущихся коней, Кушикбай со своими джигитами не спеша приближался к месту встречи. Он тоже был зачарован мелодией, которая далеко разносилась по сонной степи и которую он никогда раньше не слышал. Кюй говорил о народе, уставшем от войн, и то тяжело вздыхал как усталый мужчина, то плакал, как девушка, то рыдал, как мать, распустившая седые волосы и горюющая о своем убитом сыне... Топот копыт, скрежет металла, свист летящих стрел — все было в этом кюе... Перед глазами Кушикбая вдруг встал Анархой, падающий с обрыва, не успев вымолвить «алла», и он впервые не испытал знакомой радости от своей победы.

Вдруг мелодия кюя зазвенела нежно и мягко, как горный ручеек, и Кушикбай вспомнил детство, беззаботное детство, когда он гонялся по степи за зайцами на своем первом коне. «Вот кого мне не хватает сейчас, — подумал он. — Музыканта Арыстана. Вместе с ним мы могли бы наслаждаться сейчас этой мелодией, и он понял бы ее лучше, чем я. Ведь он и взаправду великий певец степи...»

...Они с детства были друзьями, батыр Кушикбай и музыкант Арыстан. И когда он, Кушикбай, впервые взял в руки копье, его товарищ впервые взял в руки домбру. У одного в ушах звенели стрелы, у другого — музыка. Когда Кушикбай, потуже затянув подпругу своего коня, возвратился из первого боя с джунгарами, Арыстан сочинил первый свой кюй и получил благословение у лучшего музыканта аргынов. Когда запыленный Кушикбай возвращался из походов, его товарищ сидел в тени юрты и играл на домбре, вырезанной из березового ствола.

Стонет сырнай... Поет сырнай... Многое вспомнилось батыру...

Тобет закрыл глаза и снова открыл их. Кивнул в сторону девушки:

— Эй, красавица, танцуй!..

Девушка не поняла, что сказал сердитый батыр, и недоуменно заморгала, глядя на него.

— Танцуй, — повторил он.

Теперь она поняла смысл его приказа и встала. Воин, присматривавший за пленниками, то и дело подталкивая ее в спину, вывел девушку в центр сразу же образовавшегося круга.

Но замерли звуки сырная, и музыкант смотрел в землю, и растерялись воины, только что кричавшие: «Танцуй, танцуй!» Тобет нахмурился, и тут музыкант вновь поднес сырнай к губам.

Но это была уже совсем другая мелодия — грозная, воинственная, мужественная мелодия, с которой никогда не расстается народ-воин.

«Нам не ждать милостей от наших врагов, — пел сырнай. — И пусть это будет последняя мелодия, которую мы унесем с собой в могилу. Они заставляют тебя танцевать. Танцуй, танцуй, сестренка! Танцуй так, чтобы лопнули их бесстыжие глаза! И держи выше голову, сестренка! Нас поставили на колени, но мы умрем с неопущенной головой. Танцуй, танцуй, солнышко!»

Джунгар отдал этой музыке всего себя. Нежной и чистой, как первый луч солнца, была его прежняя мелодия, а эта ярилась, клокотала, угрожала.

И девушка стала танцевать. Вихрем закружилась она по поляне. Чуть поднявшийся подол платья обнажил ее прямые белые ноги. «Уа!» — вскричали восхищенные воины и замерли.

— Вот это красавица!

— Хороша, а?

— Уа...

А она и впрямь была хороша. Глаза ее лучились в отблесках костра, лицо раскраснелось, гибкое тело полностью подчинялось стихии танца.

Никто и не заметил, как появился Кушикбай со своими верными джигитами.

Кушикбай немало удивился, разглядев в красных сполохах огня танцующую у костра стройную и красивую девушку. Движения ее были быстры и свободны, а огромные ее глаза полнились то ли страхом, то ли злостью, но все равно они были прекрасны, эти глаза.

— Сними желетке *, — сказал Тобет.

Девушка сняла.

— А теперь платье сбрасывай...

Сырнай умолк. Казахи загалдели, одобряя жестокую забаву главного батыра. Зато джунгары уткнулись в землю, не желая быть свидетелями позора своей соплеменницы. Танец кончился. «Словно стаю лебедей вспугнули с ровной поверхности озера», — подумал Кушикбай, сжимая в руке камчу.

---

* Нарядная безрукавка.

А воинам не терпелось взглянуть на ослепительное девичье тело. «Снимай! Снимай!» — кричали они.

Музыкант поднял руку, чтобы выкинуть сырнай, но воин, зорко следивший за каждым его движением, ударил его плеткой, и сырнай со звоном ударился о камень. Воин приставил к его горлу саблю, и по груди музыканта заструилась кровь. Он поднял с земли свой инструмент, и вновь полилась из сырная горькая печальная мелодия.

— Снимай, кому говорят! — рявкнул Тобет.

Девушка не шелохнулась. Она стояла, прямо глядя в лицо Тобету, и глаза ее горели ненавистью. «Не сниму. Делай со мной что хочешь. Но сама я не унижусь и никогда не покажу свое тело казаху!» — казалось, говорили ее глаза.

Тобет что-то шепнул на ухо посыльному Естаю, и тот, чеканя каждый свой шаг, подошел к девушке и острым как бритва кинжалом взмахнул перед ее подбородком.

Кушикбая душил гнев. Разве можно так издеваться над беззащитными? Он и сам не заметил, как ударил каблуками своего рыжего коня. Воины, сидевшие на земле, шарахнулись в стороны и схватились за кинжалы.

— Дат!.. Дат!.. — услышали они сильный голос и успокоились, узнав Кушикбая. «Кушикбай вернулся! Кушикбай!» — радостно зашумели они.

Тем временем посыльный Естай распорол кинжалом верх платья джунгарки и, не зная, что делать дальше, остановился в смятении. Девушка стала лихорадочно стягивать края лохмотьев, прикрывая обнажившуюся грудь. Пленники стонали от унижения.

Кушикбай спешился и вышел на середину. Густые брови его были нахмурены, взгляд мрачен. Девушка отпрянула, ожидая от его появления лишь новых бед.

— Дат, Тобет-ага!.. — сказал Кушикбай.

— Я слушаю тебя, батыр, — сказал Тобет.

— Прошу тебя, подари мне жизнь этих людей. Верни их на родину.

Воины удивленно переглянулись, не веря услышанному, а лицо Тобета почернело от гнева.

— Батыр, — сказал он. — Ты ведь знаешь, что на совести джунгаров кровь моего брата Естыбека.

— Естыбека убила не эта девушка. — Кушикбай повернулся к джунгарке. — И не эти несчастные табун-

щики, — указал он на коленопреклоненных пленных.

— Только выбрался из колыбели, а уже меня хочешь уму-разуму учить? Запомни, умные слишком рано лысеют. И тот, кого когда-то называли батыром, рискует вскоре получить прозвище плешивого Кушикбая, — расхохотался Тобет. И воины засмеялись, но тут же умолкли, глядя на решительное лицо Кушикбая. Лишь молодой Естай все никак не мог справиться со смехом — до того ему понравилась шутка главного батыра. Он прикрывал рот обеими руками и прятался за спину Тобета.

— Эй, ага, попридержи язык! — рассердился Кушикбай. — Разве ты — выживший из ума старик, что науськивает друг на друга людей, которые и без того бедствуют? Нет, ты — батыр, а это значит, что ты должен говорить слова, достойные воина, а не марать свой язык бабьими шутками. Мы возвращаемся с богатой добычей, так будь же великодушен — освободи девушку и верни домой табунщиков. Хватит понапрасну лить людскую кровь!

— Эй, Кушикбай, да где же это видано, чтобы я за кровь Естыбека отомстил врагам лишь угнанными табунами? Разве предки завещали нам такое? Ты знаешь старый могильник? На северной стороне его я завтра повешу табунщиков, пускай джунгары любуются. А с красоткой побалуюсь этой ночью, а потом отправлю к отцу, матери, будущему, ха-ха-ха, мужу — куда ей будет угодно!.. Понял? — Тобет вскочил. — Ты забыл, что, пока существуют джунгары, не будет покоя нашему народу?

— Нет, ага, и наша в том есть вина. И ты, и я, и все они... — Кушикбай показал на притихших воинов. — Разве мало мы погубили невинных, разве мало угнали чужих табунов?

— Эй, Кушикбай, да уж не святым ли ты решил стать? — снова рассердился Тобет. — Так ничего у тебя не получится! И если ты хочешь увидеть грешника, то ткни пальцем в любого из живущих под этим небом. Не промахнешься. Все мы грешники. Вот ты просишь, чтобы я вернул домой джунгарскую красавицу и этих смердов. А ты уверен в том, что родившийся от нее джунгар не повернет коня в твою сторону и не разорит казахов? Ты уверен в том, что эти табунщики завтра же не нападут на твой аул, не опозорят твою сестру? Ты уверен в этом? Ты веришь в это?

— Не о вере, а о подозрениях ты говоришь, батыр. И проповедуешь ты не человеческое, а животное. Разве ты забыл, что раньше сыны степей устраивали поединки не ради забавы или жестокости, а в знак уважения друг к другу. Битва была знаком мужества и чести. Значит, и нам нужно быть достойными этой чести. И не путай свою личную обиду с честью народа. Пойми это и освободи невинных, ага!..

Кушикбай остановился, чтобы перевести дыхание. Воины, внимательно слушавшие его, гадали, чем закончится этот ожесточенный спор двух батыров.

— Построй крепостную стену перед джунгарскими воротами — и все равно от этого не будет проку, — продолжал Кушикбай. — Не будет проку, потому что люди должны сердцами понять друг друга. Построившие крепостную стену могут и разрушить ее. Но, может, пора прекратить лить кровь и строить стены? Я думаю, что лучшие сыны народа способны понять это. Я думаю, что ты понимаешь меня, батыр!

Тобет молчал.

— И еще я скажу тебе, ага. Если ты ищешь кровной мести, то кровь твоего брата Естыбека на совести джунгарского батыра Анархоя. А его я вчера убил и смыл твою месть кровью, которой ты так жаждешь. Но я убил его в честном поединке, и я прошу тебя и говорю воинам — эй, батыры, давайте не будем брать на душу и смерть этих ни в чем не повинных людей. Освободи их, Тобет-ага.

И дрогнули сердца у пленников, и в душах их вновь затеплилась надежда на спасение. Девушка тоже поняла, что этот широкоплечий красавец просит подарить им жизнь, и она стала жарко молиться.

«О небо! — шептала она. — Если уж мне суждено быть опозоренной, то пускай лучше меня опозорит этот парень, чем тот злой казах с мышиными глазками».

— Помолчи! — холодно ответил Тобет Кушикбаю. — Пока я жив, я сам пролью кровь за пролитую кровь моего брата. Это мое слово и мое право.

— Но ты не прольешь крови безвинных и безоружных, — звонко сказал Кушикбай. — И я прошу тебя об этом как младший. Разве ты не понимаешь, что вина одного глупого батыра может обойтись в сотню голов его народу. Батыр может ошибиться, но народ никогда не ошибается. Разве не так?

— Эй, Кушикбай, я прощу тебя, даже если ты схватишь за бороду старца. Но не смей становиться на моем пути. И сейчас, и до самого конца твоей жизни. Приди в себя — это мой последний совет тебе.

— Батыр, освободи пленных, — упрямо повторил Кушикбай, и Тобет тут же схватился за саблю. Терпение его кончилось.

— Эй, глупый мальчишка, ты знаешь, что сабля, вынутая из ножен, не может вернуться обратно, не испачкавшись в чужой крови?

— Пусть будет так, ага! Поединок, Тобет!

— Поединок, Кушикбай!.. И молись, молись, мальчик, пока не поздно!..

В изумлении глядели на них воины, не ожидавшие от бесстрашного Кушикбая такого напора, и не нашлось ни одного человека, который решился бы встать между двумя батырами. И пленные были удивлены — такого еще никогда не было, чтобы двое казахов дрались из-за джунгаров. У девушки сжалось сердце — неужели их нежданный защитник будет убит в поединке?

Тридцать джигитов Кушикбая вышли вперед, растолкав толпу, и мрачно встали, наблюдая за поединком и не давая никому больше вмешиваться в него. А поединок уже был в разгаре. С треском и хрустом высекая синие искры, сошлись сабельные клинки, и казалось, что исход боя предрешен: ведь до сих пор никто еще не мог превзойти Тобета в сабельном сражении, и не случайно он схватился именно за саблю, а не за копье или кинжал. Дерущиеся батыры затоптали костер, и поединок продолжался лишь при слабом молочном свете луны. Тобет теснил Кушикбая. Вот они на мгновение замерли лицом к лицу, и сабли вновь скрестились над их головами. Ни один из них не мог сдвинуться с места без риска получить смертельный удар. Дрожали колени. Затекли от нечеловеческого напряжения руки, и Тобет, не выдержав, подпрыгнул, отскочил от соперника и снова ринулся в бой.

И в это время молодой батыр сумел выбить саблю из его рук. Сабля вонзилась в дымящееся кострище...

Тишина. Сабля торчала из земли, слегка подрагивая. Тобет было бросился за ней, но ему прямо в горло уперлось острие клинка. Тобет опустился на колени. Налитые кровью глаза его смотрели на Кушикбая, излучая ненависть и злобу, готовые испепелить удачливого соперника.

Пленники обрадовались. Джигит, который защищал их, жив, и это значит, что теперь будут живы и они. Музыкант провел рукой по горлу, где клинком Естая была содрана кожа. Девушка опустила глаза, боясь разрыдаться от напряжения.

— Тобет-ага, — медленно сказал Кушикбай. — Вставай, я прощаю тебе твои слова. Возьми свою саблю. Я знаю, что тебя губит тоска по убитому брату. А вы, — обратился он к воинам, — дайте пленникам коней. Абзал, возьми с собой пятерых джигитов и проводи их. Таков мой приказ!

Долго глядел Кушикбай вслед пленникам, уходящим с первыми лучами утренней зари. И девушка то и дело оглядывалась. Она думала о скудной и немилосердной людской судьбе. Джигит подарил ей жизнь и стал для нее самым дорогим человеком на земле. Лишь по воле судьбы она осталась жить, а что она может дать ему взамен? И какая радость ждет ее в дальнейшей жизни, если судьба, дав ей жизнь, тут же разлучает ее с батыром, который так ей полюбился.

Что ждет ее дома? Нареченный, которого она никогда не видела, воинственный Султан, который вряд ли простит ей, что она побывала в плену? Сородичи, которые никогда не поймут, почему больше нет в ее сердце злобы к народу казахов?.. Так не лучше ли повернуть коня и, бросившись в ноги Кушикбаю, признаться ему во всем.

Она даже приостановила коня, но на большее ее не хватило. «Кушикбай! Ку-у-ши-и-к-б-а-а-й!» — шептала она его имя, упав на гриву коня и заливаясь слезами.

Кушикбай видел издали, как девушка плачет, зарывшись лицом в конскую гриву, но не тронулся с места, думая, что слезы ее — это слезы радости, слезы свободы, слезы счастья.

...Войско двигалось к родному аулу. Рыжий аргамак шел, пританцовывая под Кушикбаем, как будто бы раньше хозяина почувствовал шум Камышового озера, запах родных мест.

Кушикбай снова повернулся, но пленники и вместе с ними джунгарская девушка уже окончательно скрылись из виду.

Кушикбай тяжело вздохнул и посмотрел на Тобета. Побежденный батыр ехал в одиночестве. Копье свободно лежало перед ним, плечи опустились.

И Кушикбаю невольно стало жаль Тобета — ведь не

раз этот храбрый воин возвращался из набегов с горящими от удали глазами и радостным криком: «Победа! Победа!» А теперь он низложен, и сердце его кровоточит от стыда и обиды... Но что делать, когда все в этой степи, от дикого зверя до разумного человека, подчиняются только одному — силе! Силе, покоряющей все и вся, силе, двигающей народы, силе, заставляющей стоять на коленях и храброго и трусливого...

Давным-давно, в свои молодые годы, Тобет победил в честном поединке знаменитого Жортугыл-батыра и удостоился звания главного воина уаков. Но изменчиво время, коварна судьба — на его пути встал Кушикбай.

После того, как Кушикбай победил Тобета, имя его стало известно всему Чингистау. Даже джунгары признавали, что он убил их предводителя Анархоя в честном поединке, и с восхищением рассказывали о силе и ловкости молодого воина. Не забыли они и того, что он отпустил пленных, и, когда какие-нибудь горячие головы призывали к новым набегам на казахов, среди воинов всегда находился человек, который напоминал своим собратьям о милосердии батыра Кушикбая, и о мощи его войска, так что вражда между джунгарами и казахами стала понемногу затихать, по крайней мере в тот год, когда главным батыром был Кушикбай.

Одним из его сородичей нравилось это, другие же, напротив, призывали к новым грабежам и набегам, но Кушикбай твердо держался выработанного им правила: обороняться, земли своей, табунов не отдавать, но и чужого не трогать. А то, что он при этом много раз показывал чудеса храбрости в кровопролитных схватках с врагами, окончательно упрочило его славу.

Тобет ненавидел молодого батыра и никогда более не участвовал в походах под его началом. Мало того, он сам стал промышлять мелким разбоем. Про него ходила худая слава, что он угоняет не только джунгарские табуны, но не брезгует и лошадьми своих же казахов, выгодно меняя и перепродавая их по ту и по эту сторону Джунгарских ворот.

Велика была обида Тобета, и не меньшее зло таил он в себе. Вот почему не было для него счастливее того дня, когда он узнал, о том, что Кушикбай, возвратившись из Кокчетуа, опасно заболел и слег. С тех пор Тобет чуть ли

не плясал от радости и несколько раз посылал своих людей справиться о самочувствии батыра. И каждый раз, когда они возвращались с дурными вестями, довольно потирал руки, явно что-то замышляя.

Но батыры рода верили, что их предводитель одолеет болезнь, потому что и сам Кушикбай верил в свою счастливую звезду, надеялся на свою силу.

И народ восхищался его мужеством. «Пусть будет живым и здоровым наш Кушикбай, и дай бог ему долгой-долгой жизни», — говорили мудрецы Чингистау.

...А на следующее утро Абылай получил письмо от Сауле, и все пошло прахом, все было разбито — мечты, любовь, надежды, желания. Разум его застилала холодная и сумрачная пустота, ибо не было у него больше ни надежды, ни веры в людей.

«...Так вот, — писала Сауле Абылаю, — виновником моего позора был тот самый парень в джинсах, которого мы встретили в ресторане. Я долго мучилась, но поняла, что не смогу ходить по земле, пока ты не узнаешь всю правду о том, что случилось со мной во время твоего пребывания в стройотряде. Глаза мои полны слез, сердце — тоски и горьких мыслей, но теперь ты знаешь обо мне все. Прости, что у меня не хватило сил сказать это в первые же минуты нашей встречи. Что будет с нами — решай теперь сам. Я люблю тебя...»

Абылай изорвал письмо на мелкие клочки и пустил их по ветру. Сегодня он не чувствовал, как встал в колонну, как зашагал по пыльной дороге. Он шел будто между сном и явью, еле волоча ноги, почти не ощущая своего тела.

Вечером, разрываясь от злости и обиды, он написал Сауле новое письмо. А утром разорвал и его. За эту ночь с ним произошла невиданная перемена: он похудел, осунулся, глубоко запавшие глаза его горели нехорошим блеском. Зачем писать? Все слова казались ему теперь ненужными и бессильными. Нужно было действовать. Откуда было знать ему, только-только начинающему свою взрослую жизнь, что такая обида никогда и ничем не может быть отомщена, что эта заноза в сердце всегда будет саднить и саднить.

— Юрченко хочет «отвалить», — однажды шепнул

ему тот курчавый парень, который поддержал его в первый день пребывания в колонии.

— Не болтай лишнего, этого не может быть, — сказал ему Абылай, и в нем вдруг вспыхнула новая надежда. Голова его шла кругом, он не знал, как жить и что делать, а тут вдруг в его сознании появился некий просвет. «Надо выбраться отсюда любой ценой, плевать, что досиживать осталось всего ничего, что скоро меня должны выпустить и направить на работу в народном хозяйстве... Плевать!.. Я устал ждать правды и милосердия! Я должен отомстить за обиду, иначе я сойду с ума, иначе я не человек, а животное. И еще — подойти к ней, встать с ней рядом, посмотреть в лицо, заглянуть в глаза, это все, что мне нужно. И пусть все остальное канет в бездну».

Он осторожно, исподволь стал сближаться с Юрченко и однажды завел неясную беседу с ним и его напарником Игорем, здоровенным туповатым малым по прозвищу Оглобля, на чьем лице, казалось, навечно застыла складка угрюмой жестокости и физического превосходства над всем остальным человечеством. Те долго делали вид, что не понимают смысла речей Абылая, а он говорил о том, как надоело ему «париться» за решеткой, что, если бы нашлись смелые ребята, для которых воля дороже жизни, был бы им верным товарищем и мог бы им помочь — силенок ему, слава богу, не занимать.

— Ладно, хватит мне лапшу на уши вешать, — вдруг сказал Кобра, сверкнув острым взглядом своих черных глаз. — Я тебя понял. Парень ты толковый, я помню, как ты меня тогда оттянул, но зуб даю, обиды на тебя у меня нету. К тому же казахская степь — это не тайга. Здесь до города сотня километров, тут же сцапают или же местные донесут. А у тебя, говорят, здесь в ауле есть кто-то? Так что давай рискнем, возьмем тебя в компанию...

— Если нам повезет, ты себе устроишь каникулы до того времени, пока снова не «подпалимся» *, — засмеялся Оглобля, и жестокое лицо его покривилось от собственной незамысловатой шутки. Ему не понравился Абылай, он глядел на него с опаской и недоверием, боясь, что он или предаст их, или подослан к ним начальством, но мысли свои скрывал, побаиваясь сурового Юр-

---

* Не попадемся (жаргон).

ченко, который единожды принятого решения не отменял никогда.

Подкоп, который Кобра и Игорь вели за зону, был готов, и однажды ночью троица решилась. После вечерней проверки они по одному прошли к столовой и спустились под землю.

— В час рванем, чтоб нас до рассвета не засекли, — сказал Юрченко, сидя на корточках в тесной осыпающейся яме.

— И сразу же разойдемся, да? — сказал Оглобля.

— Да. Порознь идем к карьеру, там угоним машину и доберемся до станции. Бог даст, в поезд сядем. А если нет, пойдем в аул, там нас абылаевский корешок спрячет. Так ведь? — обратился к Абылаю Юрченко.

Абылай молчал. Все это было обговорено заранее, но он не мог себе представить, как приведет к Мергену и Сабыру-ага этих людей.

— Так или не так? — угрожающе надвинулся Юрченко.

— Скажи, у тебя есть отец? — вдруг спросил Абылай.

— Отец у меня погиб на войне, одна мать осталась. А тебе-то что до этого? — буркнул Юрченко.

— У него пахан — казах, а мамаша — украинка, — ввязался в разговор Игорь.

— Тебя кто спрашивает о моей анкете? — зашипел на него Юрченко.

— Вот как, — удивился Абылай. — Значит, и на Украине живут казахи?

— Заткнись ты, бажбан *! Хочешь, чтоб нас менты засекли?

Их побег, устроенный с такой дерзостью, удачи им не принес. Они даже не успели добраться до станции. Их перехватили по дороге. Был суд, всем им прибавили еще по два года, и теперь время выхода Абылая на свободу существенно отодвинулось.

Абылаю не себя было жаль. Абылай впервые с ужасом подумал об отце — выдержит ли он эту горестную весть о том, что его сын получил новый срок, и надежда на их близкую встречу тает, как таяло в знойном мареве пространство той желтой степи, по которой они бежали от погони, задыхаясь и оскальзываясь.

---

* Тупица.

13

Возвращаясь в гостиницу, Ескендир злился на себя, что принял приглашение Колхозжана отужинать у него, а не отказался под каким-нибудь благовидным предлогом и не провел свой последний алма-атинский вечер у себя в номере, отдыхая перед самолетом.

Его утомили непрерывные заседания в течение двух дней командировки. «И вообще — зря я сюда приехал, — подумал он, выходя на людный освещенный проспект из тихого переулка, где стоял дом, в котором жил его университетский товарищ. И тут же поругал себя: — Опять по старой привычке после драки кулаками машешь? Это верно, — мысленно согласился он. — Но разве найдется подходящее слово, чтобы определить то, что сейчас между нами произошло?..»

Он был недоволен собой. Он чувствовал свою слабость и думал о том, что болезнь высосала из него последние силы, ибо после больницы он никак не мог распрямиться и воспрянуть духом, тем более что история с Абылаем все время мучила его, не давая расслабиться ни на секунду.

Действительно, после того как приговор по делу Абылая вступил в законную силу, вопрос об освобождении Ескендира от должности возникал неизбежно. Хотя при его безупречной репутации как работника и коммуниста, освобождение могло и не состояться. Но он сам решил подать заявление, ибо при своей щепетильности не мог считать себя вправе вершить суд над другими людьми, пока его собственный сын находится в заключении. К тому же последние события основательно сказались на его сердце.

Он предельно обостренно воспринимал несправедливость осуждения Абылая, не допустившего превышения пределов необходимой обороны. И даже после того, как дело было рассмотрено в кассационной и надзорной инстанции и приговор по делу был оставлен без изменения, Ескендир не собирался мириться с этой несправедливостью, в сотворении которой явно угадывалась рука его бывшего однокашника по университету Жана, не простившего Ескендиру отказа «помочь» в деле брата. Ескендир готовился обратиться в Верховный суд СССР.

Однако история с побегом Абылая осложнила поло-

жение. Теперь он, уже независимо от осуждения по первому делу, получил новый срок лишения свободы на неоспоримом основании. Мысли о случившемся не покидали его и в доме Жана.

...Незаметно для других гостей Жан вызвал его на широкий балкон своего третьего этажа и сказал вкрадчиво:

— Ну, Есеке, если понадобится от нас какая-нибудь помощь, не стесняйся. Мы в силах выполнить любую твою просьбу, пускай не на сто, так на девяносто девять и девять десятых процента.

— Кто это мы? — спросил Ескендир.

— Мы — это я, — неопределенно усмехнулся Жан.

— Спасибо, мне ничего не нужно. — Ескендиру стало неловко, и он смущенно кивнул головой.

— Я к тому, чтоб ты помнил — у тебя есть старый друг, который кое-что может для тебя сделать.

— Спасибо, — еще раз сказал Ескендир, сказал неловко, фальшиво, сам раздражаясь на себя.

— Из-за сына тебя наверняка отстранят от работы, так что переезжай в Алма-Ату. Будут, конечно, трудности с квартирой на первых порах, но остальное мы уладим.

— Что мне здесь делать? Семипалатинск — мой город, и я из него никуда не уеду.

— В свое время Ареке, — Жан назвал имя одного из своих начальников, — очень хотел взять тебя к себе, приглашал в Алма-Ату, но ты и с места не сдвинулся. Ты ведь у нас тоже крупная персона, так ведь? — Жан, посмеиваясь, хлопнул его по плечу.

— Да, мне и квартиру тогда давали, — вспомнил Ескендир.

— Конечно же, при той должности, что тебя ожидала... — Жан поднял палец, будто собирался проткнуть черное небо. — Но ты упустил момент. Решился бы, глядишь, и жизнь по-иному сложилась, а?

— Я ни о чем не жалею, — сказал Ескендир. — Тем более что обстоятельства не позволили мне тогда это сделать.

— Возможно, — сказал Жан, немного подумав. — Возможно, что ты прав... Одно дело, когда ты сам себе голова, а другое, когда ты шестая спица в колеснице, как говорится...

— Спиц в колесах не считаю, не до того мне, — сухо ответил Ескендир. — А жить нужно честно, и об этом я не забывал никогда.

— Конечно же, конечно, честно нужно жить, я разве спорю, — заторопился Жан. — И вообще — прости, если ненароком обидел, тебе и так не сладко.

— Ты меня не обидел... — У Ескендира засосало под ложечкой. И так всегда с ним было, когда он начинал нервничать.

— Следует быть объективным — Ареке и до сих пор тебя любит. Что уж тут скрывать, дело прошлое, я, когда ты отказался мне помочь, ТОГДА, помнишь? — был ОЧЕНЬ тобой недоволен, но он горой встал на твою защиту. Ты, видать, тоже малый не промах! Контактируешь с ним? Молчишь? Или, может, презентовал ему что-нибудь?.. — хихикнул Жан.

— Не контактирую, — отозвался Ескендир. — А презентовать, как ты выражаешься, не научен...

— Ну и зря... — Улыбка у Жана погасла. — Хорошо живет тот, кто умеет хорошо жить. У тебя седина на висках, а ты такую простую мудрость не усвоил.

«Зачем он пригласил меня? — гадал Ескендир. — А я зачем сюда притащился, старый дурак?» — мысленно сетовал он.

А Жан продолжал философствовать:

— Ты посмотри на Жуманова. У парня, можно сказать, молоко на губах не обсохло, а жить умеет. У него нос лучше любого флюгера чует, куда дует ветер. Он в отличие от тебя пошел мне навстречу в деле с братом, и я этого не забыл. Насыр сейчас уже в Алма-Ате. Хорошую квартиру имеет, солидный оклад. А как же? Люди помогать должны друг другу в трудную минуту, и за это им всегда воздается сторицей. Ведь ты сына своего, можно сказать, собственными руками губишь. Но ты ведь у нас гордый, куда нам до тебя...

«Вот зачем он меня приглашал... «контактировать»...» — осенило Ескендира, и он сразу же почувствовал ломоту в висках. Усилием воли переборов себя, он ответил:

— Я понял твое нутро еще тогда, в студенческие годы, когда ты расписывал девушкам свои несуществующие военные подвиги. Но я думал, что это по молодости, пройдет. И вот теперь вижу, что ошибся. Теперь ты народ обманываешь да еще корчишь из себя праведника, всегда держа наготове высокие слова. Да только народ-

то ведь не обманешь, потому что нельзя быть одновременно и проходимцем и праведником. Или то, или другое. А третьего не дано, третьего не может... не должно быть!..

Трясущимися руками открыл он замок и, не попрощавшись, хлопнул дверью.

— Осел!.. Ишь... выискался,— зло процедил Жан, глядя с балкона на его удаляющуюся согнутую фигуру.

...Дойдя до гостиницы, Ескендир вдруг раздумал подниматься к себе и решил немного прогуляться. «Самолет вылетает рано утром, может, лучше поспать, отдохнуть? А, успею еще наотдыхаться, скоро у меня, наверное, будет много свободного времени», — горько усмехнулся он.

Он вспомнил, как лежал в реанимации. «Умру, дети останутся одни. Как же так? Почему так быстро? — мучился он и уговаривал самого себя: — Собери все свои силы, Ескендир. Ты должен выстоять, ты должен выжить, это твой долг. Тебе нужно поднять детей, и ты не имеешь права умирать сегодня. И ты не умрешь. Не бойся, без страха встречай свою судьбу. Пусть твои колени не дрожат, Ескендир!»

Но именно в эти, самые первые дни смерть цепко держала его в своих объятиях. Баян неотлучно дежурила у его постели, и наконец лечащий врач Газиза Галиевна велела ей, падающей с ног от усталости, идти домой, уверяя, что кризис миновал.

«Вам нужно отдохнуть, тем более что все самое страшное позади»,— сказала она.

Баян посмотрела на отца, и он прикрыл глаза, как бы соглашаясь со словами врача.

«А вы, Ескендир Калиевич, ни о чем больше не думайте, — обратилась к нему Газиза Галиевна. — Иначе вас лечить будет трудно. Ведь теперь многое зависит именно от вас, от вашего настроения».

Ескендиру хотелось возразить: «Когда же думать человеку, если не перед смертью? Где найти время в этой скачущей жизни, когда можно обдумать и взвесить все свое прошлое», но ему было трудно говорить, и он лишь остановил свой взгляд на красивом лице врача перед тем, как закрыть глаза. Много хорошего слышал он об известном в городе кардиологе Газизе Галиевне, и вот судьба наконец-то свела их. Спокойная, задумчивая, немногословная, решительная женщина — казалось, самой природой ей бы-

ло определено врачевать людские сердца. Каждый раз, когда она заходила к нему в палату, он с новой силой начинал верить в то, что все-таки выживет, выкарабкается, ибо нельзя подводить врача, который вкладывает в тебя всю свою душу, который лечит тебя не только лекарствами, но и каждым своим движением, взглядом, словом.

Было поздно... Ескендир опустил поднятый воротник пальто и направился в гостиницу. Теперь все-таки пора лечь и отдохнуть. Но только он открыл дверь номера, как зазвонил телефон. Междугородная.

— Папа, вы когда возвращаетесь? — услышал он голос Баян.

— Завтра утром. Как ты там?

— Хорошо. У меня все хорошо. Я вас встречу.

— От Абылая писем не было?

— Вчера получила. Целых три страницы написал...

Ескендир затаил дыхание.

— Хорошее письмо, веселое,— сказала Баян, желая порадовать отца.— И от начальника отряда есть письмо. Он пишет, что Абылай ведет себя хорошо.

— Надо к нему съездить,— сказал Ескендир, помолчав.

— Да,— согласилась Баян и после паузы спросила: — Папа, через три дня Новый год. Что будем делать на праздники? Может, позовем кого-нибудь?

— Кого мы можем позвать? — нахмурился Ескендир.— Вообще-то Новый год — это семейный праздник,—сказал он и тут же добавил: — Если ты хочешь, пожалуйста, я не возражаю.

— Папа...— решилась наконец Баян.— Можно к нам ее пригласить?

— Кого «ее»?

— Газизу Галиевну...

— По-моему, это неудобно,— сказал Ескендир, покраснев. Ладонь у него вспотела, он взял трубку в другую руку, думая о том, как хорошо, что дочь, находящаяся на другом конце провода, не видит его смущения.

— А что такого? Наоборот, она одинокая женщина, ей будет приятно с нами.

— Тем более неудобно звать ее одну. Тогда и еще кого-нибудь нужно пригласить...

— Но мы же решили провести Новый год в семейном кругу?..

— Ну не знаю. Решай сама. Если хочешь, позвони ей, пусть приходит.

— Нет, папа, вы должны сами это сделать. Поверьте, так будет лучше...— Голос Баян зазвучал увереннее. Она явно была довольна, что настояла на своем.

— Ладно, посмотрим,— отозвался он.

Ескендир принял душ и лег в постель, думая о том, что напрасно Баян затеяла все это. Он погасил свет, но сразу заснуть не смог и долго ворочался в постели, то порицая себя, то вдруг радуясь, что через несколько дней вновь увидит Газизу Галиевну, эту милую женщину, которая столько для него сделала.

Устав от своих мыслей, он включил свет и решил написать письмо Абылаю.

«Дорогой сын»,— начал он и остановился. Что сказать ему? О чем написать мальчику, который оказался так далеко от отцовского дома? После болезни врачи строго-настрого запретили Ескендиру курить, но теперь его подмывало выйти в коридор и попросить у первого встречного сигарету: глядишь, с первой затяжкой он понял бы, что хочет услышать от него Абылай. Но сдержал себя. Он долго сидел, теребя седые волосы, и наконец снова взялся за авторучку.

«...Не знаю, почему я вспомнил эту историю. Наверное, потому, что на войне, как и в мирной жизни, бывает много случайностей. Вот служил у нас в роте с сорок второго года молдаванин Михай Боцу. Был он весельчак, хорошо пел, смешно рассказывал. Под Сталинградом от всего батальона нас осталось двадцать человек, а в нашей роте — только мы с Михаем. Как-то он сказал посмеиваясь: «Ескендир, мы, наверное, теперь не умрем. Наша смерть осталась под Сталинградом», и я, кажется, поверил ему. Потому что мы воевали уже на немецкой земле. Все поговаривали о том, что войне конец и вот-вот падет Берлин, но под Веймаром немцы обложили нас сильным артиллерийским огнем. Ты помнишь, как я тебе рассказывал про Веймар? В этом городе жили немецкие гении — Гёте, Шиллер, и я своими глазами видел их дома. Но война есть война, мы должны были во что бы то ни стало взять город. Перед атакой мы с Михаем сидели в глубокой воронке. Точно помню, как Михай снова пошутил. «В одно и то же место снаряд дважды не попадает», — засмеялся он и подмигнул мне. Но тут послышалась команда: «Вперед! За Родину, вперед!» — и мы выскочили из воронки...»

Ескендир отложил ручку и задумался. Засмеялся тогда

Михай? Подмигнул ли?.. Он вдруг заволновался, желая соблюсти точность в каждой детали своего рассказа.

«Может, Михай и не смеялся,— добавил он в скобках.— Я точно этого не помню, зато помню, как он подмигнул мне. Мы выскочили из воронки и оказались в самой гуще боя. Ты не можешь представить себе, что это значит, да человек и не должен такое когда-нибудь видеть!..»

У Ескендира зашумело в ушах, как будто в тихий гостиничный номер внезапно ворвались звуки войны. Он зажал уши, поднялся и стал ходить по комнате. У него дрожали руки, перо больше не подчинялось ему. «Дома допишу», — подумал он, сложив листок вчетверо и спрятав его в карман. Но потом все же совладал с собой и снова сел за стол.

«...Атака захлебнулась. Мы отступили. В разгаре боя я потерял Михая из виду, но мне пришлось идти через те места, где мы с ним прятались. Проходя, я заметил у нашей воронки окровавленного солдата, лежавшего ничком, и сердце у меня забилось. «Мы, наверное, теперь не умрем»,— вспомнил я и, подбежав, перевернул его. Это был Михай. «Быть не может, быть не может»,— шептал я, но он был мертв. Впритык с прежней воронкой черпела новая. Осколок снаряда попал ему в висок.

«Мы, наверное, теперь не умрем». С парнем, который весело сказал эти слова, я распрощался навеки... Мы отступали поспешно, был приказ укрыться в ближайшем лесу, и я не смог своими руками предать земле тело товарища, с которым воевал вместе четыре года...»

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ!

Ю. ГУРЬЕВ

ЭНЕРГИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

ЕЩЕ СРАВНИТЕЛЬНО недавно Армению называли «страной сурового камня». Голые, каменистые склоны гор, прокаленные солнцем долины... Но люди меняют и ландшафт!

...В воскресенье, чуть солнце брызнуло из-за горной вершины, на пустыре близ села Абовян остановилась автоколонна. Из крытых кузовов с шутками, смехом высыпал дружный десант. Закипела работа. Парни долбили неподатливый кремнезем, следом девушки заселяли вскопанные лунки саженцами деревьев. Подъехали автоцистерны с водой для первого полива. Лязг лопат, стук камня, сброшенного на носилки, деловитые переговоры... К вечеру взрыхленную, расчищенную пустошь покрыли посадки будущего парка.

— Мы боремся за право принять памятный эстафетный вымпел «Революционный держите шаг!»,— пояснил секретарь комсомольской организации местного колхоза Ашот Акопян.— А вот почему «темой» Ленинского задания взята посадка парка, об этом, думается, следует рассказать подробней...

В положении о Всесоюзной патриотической акции «Революционный держите шаг!» указано, что главным ее содержанием является классовая закалка молодежи и один из определяющих аспектов — изучение истории революции, традиций острейшей классовой борьбы в период становления Советской власти. Большую пользу урокам истории принесли встречи с ветеранами партии и комсомола. От них-то молодые абовянцы узнали о своем земляке Сурене Аршакяне.

Начиналась коллективизация. Каждый день как на фронте. То убит председатель недавно созданной артели, то без вести пропал комсомольский активист, то совершен бандитский налет на кооперацию. Но множились, крепли ряды комсомола. Конечно, ребята тогда не блистали эрудицией — сами себе торили дорогу к техникумам и вузам. Но сколько в них было огня! И пока билось сердце, они отдавали все силы борьбе за будущее.

Помнится ветеранам, их сельская ячейка наметила строительство школы. Решили, что к такому делу нужно непременно привлечь местное население — тогда люди лучше поймут силу коллектива. Эту задачу поручили комсомольцу Сурену Аршакяну. Как умелый кузнец, он часто помогал крестьянам. И на свадьбах, на праздниках Сурен всегда желанный гость. То захватит он всех огневой пляской, то заставит задуматься или заулыбаться доброй народной песней. А песня, как и правдивое слово, всегда находит путь к сердцам людей.

На призыв комсомольца откликнулась не только молодежь. На стройку школы в свободное время стали выходить целыми семьями. Школа для всех была давней, но еще не осуществленной мечтой.

Враги со злобой следили за стройкой. Они теряли влияние на крестьян и считали Сурена главным виновником. И вот однажды прогремел выстрел...

На похоронах комсомольца собрались жители многих сел. К сурово примолкшей толпе обратился один из самых уважаемых старейшин.

— Убит из-за угла подлой, трусливой рукой,— старик горестно склонил голову.— Прощай, наш сын. Мы найдем и покараем убийц, но не только этим должна утверждаться правда.— Голос старейшины окреп, зазвучал металлом.— Нужно смелей начинать новую жизнь. К этому я вас призываю, честные люди...

После встречи с ветеранами сельские комсомольцы решили посадить парк в память Сурена Аршакяна. Красивей, зеленей станут окрестности родного села, а парк — живое продолжение начатого его поколением дела.

— Решили и, как видите, посадили,— сказал секретарь комсомольской организации Ашот Акопян.— Но, может быть, спросят: какая связь между посадкой парка и изучением классовой борьбы! А связь прямая. В огне классовой борьбы формировались лучшие черты комсомольского характера, традиции комсомола. Суть их честна и строга: сначала думай о революции, о Родине, а потом о себе. Но со временем вместе с уверенностью в благополучии ко

многим из молодых пришла иждивенческая убежденность в том, что они все получат без борьбы и особого труда. Чего греха таить, было много красивых девизов, «громких» начинаний. Но девизы частенько оставались пустой риторикой, начинания глохли в зародыше. В итоге — показуха, прикрытая пышными фразами, другие негативные явления в нашей жизни, в том числе и в комсомольской работе.

А ведь не ослаб, наоборот, ужесточился в мире накал классовой борьбы,— продолжал свою мысль Ашот.— Не случайно XXVII съезд КПСС определил наше время как время самого напряженного, решающего поворота в мировой истории. Не случайно по всей стране проводится комсомольская акция «Революционный держите шаг!». Мы понимаем ее задачи: изучать наследие прошлого не ради изучения, а для того, чтобы сделать боевые традиции комсомола оружием сегодняшних дел. Не идти от слов к слову, а от слов — к делу...

НАКАЗ партии — превращать энергию замыслов в энергию практических действий — прочно входит в жизнь и труд молодежи Армении. Цель общая, но в каждом коллективе энергия практических действий обретает свои формы.

Ереванское объединение Армэлектромаш строит машины для всех республик Советского Союза и социалистических стран. С интернациональной спецификой производства связаны Ленинские задания комсомольцев. Молодые конструкторы, выполняя свои обязательства, внесли и вносят много ценного в создание агрегатов, которые по своим эксплуатационным возможностям превосходят зарубежные образцы; технологи разработали и внедрили процессы, способствующие режиму ускорения; коллективы комсомольско-молодежных цехов и бригад новаторски организовали труд с оплатой по конечному результату. Особую роль в Ленинских заданиях играет изучение, практическое продолжение и развитие интернационалистских традиций комсомола — укрепляются контакты с молодежью тех предприятий в СССР и социалистических странах, куда поступают машины объединения. Самая давняя дружба у ереванцев с молодыми производственниками Украины и Белоруссии: обоюдный обмен делегациями, изучение «в гостях» и использование «у себя дома» ценного опыта. Ну и, конечно же, кроме дела, молодых рабочих и специалистов трех братских республик связали личные, душевные привязанности. Поэтому события в Чернобыле глубоко затронули машиностроителей. В сберкассу при объединении поступали денежные вклады, в партком и комитет комсомола обращались добровольцы с просьбой немедленно послать их на самые «горячие» места ликвидации аварии. Большого труда стоило убедить энтузиастов, что в Чернобыле нужны специалисты иных профессий и помощь общему делу с рабочих мест будет более эффективной.

Такая возможность представилась. Но представилась совершенно неожиданно. 3 мая дежурный по объединению принял телефонограмму из Киева: для работ в Чернобыле нужно срочно изготовить и отправить большую партию передвижных электростанций четырех марок. Генеральный директор немедленно собрал руководителей цехов, секретарей партийной и комсомольской организаций. Распределили обязанности, наметили план: все силы сосредоточить для успешной работы цеха сборки. Коммунисты, комсомольцы подняли людей. На призыв откликнулись даже те, у кого были семейные тор-

жества или неотложные дела дома. И хотя день был еще праздничный, свободный, в цехах заработали поточные линии, многопозиционные программные станки.

На подмогу бригадам комсомольско-молодежного цеха сборки пришли посланцы комсомольских организаций других подразделений. Начальник цеха С. Данелян распределял людей, а на стене появился отовсюду видный плакат: «Заказ Чернобыля — наше ударное Ленинское задание. Ускорение, точность, качество!»

Уже через час в цех начали поступать генераторы, щиты управления, другие узлы электростанций. Смежники с опережением выполняли поставки. В таком же нарастающем темпе шла сборка. В первый же день коллективы мастеров Г. Мурадяна и С. Сукиасяна выполнили по полторы нормы за смену, принявшие от них ударную эстафету бригады Г. Мадояна и Ж. Аракеляна довели выработку до двух норм. «Как раз перед маем у нас была встреча с ветеранами корчагинского поколения,— вспоминает комсомолец сварщик Александр Габрилович.— Они рассказали нам о героике трудовых штурмов двадцатых годов. У нас тоже был штурм, но без штурмовщины. Работники ОТК с особой строгостью проверяли продукцию. Она, как мы требовали от себя в плакате, соответствовала самым высоким требованиям качества и прямо из цеха электростанции шла на погрузку».

7 мая из столицы Украины прибыла колонна КамАЗов. 18 водителей-комсомольцев, работая попарно, урывками отдыхая в кабинах, за 60 часов домчали от Киева до Еревана свои тяжелые автомашины. Грузили электростанции дружно, как будто работали бок о бок годами, сборщики, сварщики, слесари, молодые водители. Через час погрузка была закончена.

— Спасибо друзьям из Армении! — кричали водители из кабин.

— Успеха славным бойцам Чернобыля!

Уже через двое суток после получения срочного заказа был налажен мост братства Ереван — Украина. Для ликвидации последствий аварии машиностроители изготовили и отправили свыше 400 подвижных электростанций разной мощности...

В ЭСТАФЕТЕ дел — текстильщицы. Тугим эластичным потоком льется с машин готовая ткань. Бесстрастные счетчики фиксируют результаты. К полудню приборы показали суммарную цифру 5 тысяч погонных метров — намного больше сменного задания для комсомольско-молодежной бригады Беллы Назарян.

Суконно-ткацкая фабрика переоборудована, работницы получили новые высокопроизводительные станки, освоили новую технологию. Но научно-техническая революция и прогресс не ограничиваются только внедрением соответствующей техники. Занятия в цеховой школе коммунистического труда по основам экономических знаний, участие в работе фабричного общества изобретателей и рационализаторов убедили девушек в том, что технологические возможности машин обычно определяются так называемой «золотой серединой». Возможно ли повысить скорость станков и тем самым увеличить их производительность? Ответ не прост. Ведь скорость станков связана с быстротой их обслуживания. Такая работа «сломя голову» ослабит внимание и вымотает ткачих, что непременно скажется на качестве и может обернуться браком. А ткачество — завершающий процесс в производстве тканей. При браке впустую идет труд сотен людей. И

еще было очень существенное «но»: выдержит ли режим ускорения доверенная им техника!

Своими замыслами и сомнениями ткачихи поделились с начальником участка инженером Норайр Степанян, мастером цеха Аслик Гюрджан. Опытные специалисты помогли сделать расчеты, и выяснилось, что техника способна к ускорению. Поммастера Вреж Егоян обязался перенастроить станки, обеспечить их работу в новом режиме. Но главное, конечно, зависело от самих ткачих. По специальной литературе, журнальным статьям они познакомились с опытом новаторов текстильной промышленности, и в частности с опытом дважды Героя Социалистического Труда Валентины Голубевой. По ее примеру в бригаде составили подробные «фотографии» рабочих мест: определили маршруты перехода от станка к станку так, чтобы не терять впустую ни доли минуты, продумали и нашли возможности совмещения нескольких процессов в единый, способы избавиться от лишних движений. Конечно, не сразу пришел успех. Темпы производительности наращивали постепенно, отбирая лучшие приемы, приобретая сноровку и мастерство. И каждый вытканный сверх задания метр ткани убеждал девушек в том, что в возможностях техники и в методах их труда есть еще неиспользованные резервы...

ИНОГО ХАРАКТЕРА задания у Саака Назапетяна и его товарищей по отряду, носящему имя XXVII съезда КПСС. Молодежь Армении шефствует над стройками Обского Севера. В Тюмени, например, комсомольцы строят энергоблоки мощной ТЭЦ, которая даст первый ток уже в конце этого года, а в Новом Уренгое сооружают жилой район для нефтяников и газовиков. Но не по принципу «построил — ушел». После памятного для всех выступления М. С. Горбачева в Хабаровске комсомольцы приняли дополнительное обязательство — обеспечить жителей строящегося района всеми видами культурно-бытовых услуг, создать оптимальные условия для жизни людей, без которых, как отмечал М. С. Горбачев, самые новейшие фонды, гибкие и роботизированные производства, обрабатывающие центры с ЧПУ и т. д.,— все будет мертво. Поэтому задачи шефства решаются комплексно. Работники торговли Армении взяли на себя регулярное снабжение уренгойцев продуктами, в том числе фруктами, виноградом и другими дарами своей республики; связисты обеспечат телефонную связь; внесут свой вклад в общее дело работники культуры, сферы обслуживания.

На Север едут и уже трудятся там лучшие молодые специалисты республики. Не занимать опыта командиру отряда имени XXVII съезда КПСС Сааку Назапетяну: в составе студенческих строительных отрядов он возводил общежитие и высотную гостиницу в Гори, жилые дома в Йошкар-Оле. Опытен и закален молодой рабочий Орды Озманян, богатырского сложения парень из Даларика; многими специальностями владеет техник-строитель из поселка Нор-Ачин Галуст Карапетян. Это боевое ядро, вокруг которого будет мужать и сплачиваться молодежный отряд. Наказ партии — ковать кадры в действии, в свершениях, и вместе с опытными специалистами в Тюменскую область отправляются выпускники ПТУ, школ, люди, еще ищущие свой верный путь в жизни.

Беседуем с Анной Симонян. В семье девушка не знала невзгод, родные стремились привить ей привязанность к чисто женским про-

фессиям. После десятилетки Симонян закончила курсы машинописи, обучилась вязанию.

— Я знаю: нет мелких дел, но хочется большего, мужественного, настоящего,— говорит Анна,— поэтому я добилась путевки на такую важную для всех стройку. Уверена, что там найду себя, получу профессию по душе и твердо встану на ноги.

С Анной можно согласиться: ответственность задач, нелегкие, быть может, испытания, которые ждут ее на далекой от родных мест комсомольской стройке,— разве это не закалка характера, а дружба с умелыми наставниками — разве не лучшая школа труда!

Девушка взяла с собой в дальний путь фотографии школьных товарищей, книгу из серии «Боевые подвиги сынов Армении». В ней подчеркнуто письмо фронтовика Амасяка Мегробяна.

«Дорогие мои ребята! — писал Мегробян сыновьям.— Эта война Отечественная. Защищая наши семьи, наш народ, мы защищаем то, что завоевано Великой Октябрьской революцией. Если я погибну, помните, за что погиб ваш отец. Как коммунист я выполню свой долг перед Родиной».

Это письмо воина, героически погибшего в бою с фашистами, Анна и ее школьные друзья-следопыты получили от родных Мегробяна и передали для издания книги. «Разве забудешь такое! — говорит Анна.— Я не могу сознавать себя комсомолкой, не выполнив свой комсомольский долг».

Следопыты 15-й средней школы поставили перед собой цель — на документальной основе, на воспоминаниях непосредственных участников событий создать летопись комсомольской и пионерской организаций родного города. Поиск привел ребят в железнодорожное депо, где трудился персональный пенсионер, кавалер ордена Ленина Ч. О. Петросян. Партийный комитет организовал встречу, и Чуто Оганесович рассказал о грозовом 1919 годе. С ранней весны Александрополь (так раньше назывался Ленинакан) стал одним из центров напряженной классовой борьбы. Предательски захватившие власть буржуазные националисты любыми средствами пытались подавить революционное движение. Но, несмотря на жестокий террор, подпольные организации большевиков готовили восстание. Тогда и был создан боевой «Союз молодых рабочих» во главе с коммунистами-ленинцами Багратом Гарибуджаняном и Егором Севяном. В мае пролетарская молодежь с оружием в руках выступила против ненавистных дашнаков.

Ч. О. Петросян был членом подпольной комсомольской ячейки. Он сохранил уникальные документы, фотографии, письма руководителей подполья и передал их следопытам, и от ребят ученые получили дополнительные материалы для работы над историей революции в Армении.

Ценный вклад вносит поиск следопытов в создание книг о Великой Отечественной войне. Сотни собранных ими фронтовых писем ложатся в основу летописи о мужестве, героизме, и велика их духовная отдача. Достаточно вспомнить Анну Симонян, ее решение в выборе жизненного пути.

Революционные, боевые, трудовые традиции нашего народа обретают материальную силу в делах молодых патриотов, превращающих энергию замыслов в энергию практических действий.

...И НАПОИЛА ЗЕМЛЮ ВОДА

ВЫЖЖЕННЫЕ беспощадным зноем степи, пересохшие реки и речушки, растрескавшаяся земля — таким представал Ставропольский край перед теми, кто видел его в начале нынешнего века. Хищническое использование крупными землевладельцами некогда плодородных земель довело экономику обширного сельскохозяйственного региона юга России до крайнего упадка. «Голод гнал крестьян из Благодарненского, Свято-Крестовского уездов, из манычских сел и хуторов,— писал сто лет назад ученый-гидролог А. Л. Сахаров.— На востоке, откуда они шли, тяжело ворочались тучи, заволакивая небо грязно-серым, непроницаемым мраком. Там свирепствовали иссушающие ветры, вздымая пыльные бури... Черным пожаром клубилась пыль, занося брошенные крестьянами приречные села. Вихри рвали с крыш солому, скрипели дверями пустых хат, взметали птичий пух, щепки, наносили у заборов, плетней, стен сугробы серой пыли...»

Напоить землю, возродить и преобразовать край, остановить наступление песков — такова была неотложная задача. Но где взять воду? Известно, что на Ставрополье рек не так уж мало, общая длина их составляет примерно 7700 километров. Рек много, а воды не хватало, так как в летнее время они, за исключением Кубани, Терека и Кумы, пересыхали.

Решить эту жизненно важную проблему можно было только строительством канала. Осуществить вековую мечту земледельца помогла лишь Советская власть. Большое значение мелиорации придавал В. И. Ленин: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

И это преобразование, возрождение края началось на Ставрополье полвека назад со строительства Невинномысского канала, ставшего позже составной частью Большого Ставропольского канала.

По меркам того времени Невинномысский канал считался грандиозным и уникальным сооружением. С его помощью предстояло перебросить воду Кубани в пересыхавший Большой Егорлык. Для этого нужно было на излучине реки, у станицы Невинномысской, построить плотину, затем проложить от нее до Егорлыка канал, способный пропускать до 75 кубометров воды в секунду. Общая длина водной артерии должна была составить почти 50 километров.

Старые, пожелтевшие от времени фотографии донесли до наших дней всенародный энтузиазм, который царил на строительстве. Тысячи хозяйств Ставрополья направили своих посланцев туда, где начиналась борьба за большую воду. Пятьдесят тысяч человек практически из всех районов края, Ростовской области, из Калмыкии, Дагестана, Краснодарского края прибы-

ли на трассу канала. Кирки, лопаты, тачки, носилки, конные повозки да двадцать паровых экскаваторов — вот что было в распоряжении мелиораторов. Но люди проявляли чудеса героизма, преодолевая все преграды, стоявшие на их пути,— велико было желание бросить вызов засухе!

Война прервала работу на канале, но уже в начале 1944 года Государственный Комитет Обороны дал указание Наркомзему СССР приступить к завершению строительства канала, ассигновав на эти цели 20 миллионов рублей.

Крайком комсомола объявил строительство Невинномысского канала ударной стройкой. Лучшие представители молодежи приехали на трассу. Они восстанавливали разрушенные врагом здания, выполняли земляные работы, участвовали в прокладке тоннеля.

Завершение строительства Невинномысского канала было отмечено торжественным пуском воды 1 июня 1948 года. Сбылась вековая мечта земледельцев — кубанская вода пошла в засушливые степи!

Вскоре Совет Министров СССР принял решение о сооружении Кубань-Егорлыкской оросительной системы, которая должна была дать воду в засушливые и безводные степи северо-западной части края. И в 1957 году она была введена в строй. Об этом знаменательном событии напоминает надпись на откосе плотины близ станицы Усть-Джегутинская: «Идет вода Кубань-реки, куда велят большевики».

Шли годы. Расширялся фронт работ у ставропольских мелиораторов. С вводом с эксплуатацию Большого Ставропольского канала на Северном Кавказе возникла крупнейшая обводнительно-оросительная система, давшая воду 718 тысячам гектаров засушливой степи и 35 тысячам гектаров пашни. Первая очередь канала протянулась на север на 159 километров.

Спустя десять лет от села Курсавка пошла вторая очередь канала — еще 67 километров водной артерии. Третья стартовала в 1974 году у села Александровского, ее протяженность составила 42 километра.

Сейчас в разгаре работы на четвертой очереди БСК. Его зона действия распространяется на девять административных районов общей площадью более семи тысяч квадратных километров. По объемам работ эта очередь превосходит каждую из трех предыдущих. Трасса канала пройдет по слож-

Так начинался Невинномысский канал. Не слишком-то богатой была полвека назад строительная техника...

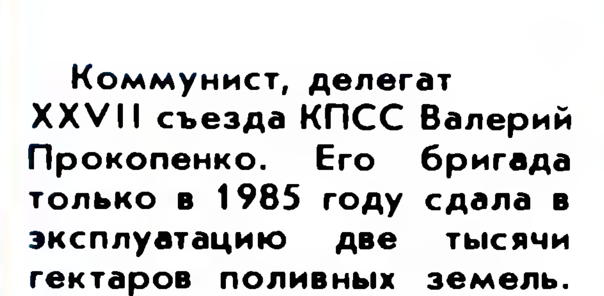

Ветеран стройки заслуженный мелиоратор РСФСР Дмитрий Алексеевич Унтевский.

Идет заливка бетона на Ореховском дюкере.

Коммунист, делегат XXVII съезда КПСС Валерий Прокопенко. Его бригада только в 1985 году сдала в эксплуатацию две тысячи гектаров поливных земель.

Ежедневно до 900 тысяч кубометров воды доставляют на поля, в города и села магистральные и распределительные каналы (снимок слева).

ной местности, где пески и скальные породы перемежаются с многочисленными долинами рек и балками, крутыми склонами и глубокими ложбинами.

Строителям предстоит сделать много насыпных сооружений, достигающих 18-метровой высоты. В состав БСК-4 входит Елизаветинский распределительный канал протяженностью в 50 километров. Стоимость всех сооружений оценивается в 296 миллионов рублей.

По-ударному трудятся мелиораторы на сооружении Грушевского водохранилища емкостью 90 миллионов кубических метров — это один из самых важных объектов БСК-4. Площадь зеркала этого рукотворного моря составит 880 гектаров, длина земляной плотины — 3,5 километра, высота — 32 метра. Воды водохранилища будут орошать 13 тысяч гектаров пашни.

Ввод в эксплуатацию четвертой очереди водной артерии значительно изменит облик сел и населенных пунктов, находящихся в зоне канала. Будет построено много жилья, школ, во всех селах появится водопровод, в городе Благодарном откроется современный торговый центр, Дворец культуры, будут проложены десятки километров дорог с твердым покрытием...

Мелиораторы — люди дела. Мало видеть, как на глазах преображается земля, получив желанную воду, важно ежедневно, ежечасно трудиться так, чтобы своевременно или досрочно сдавать запланированные объекты. А это значит, что сама работа должна вестись продуманно. Мелиораторов касаются самые разные проблемы: как улучшить использование имеющейся техники, как эффективнее применять новые машины и механизмы, их волнует и проблема скорейшего внедрения научных разработок в практику мелиоративного строительства. На сооружении канала широкое применение получил вахтовый метод, позволивший значительно поднять производительность труда.

В ходе строительства возникает немало задач, требующих неотложного решения. Из-за недисциплинированности партнеров, поставки продукции низкого качества нарушается работа по принципу рабочей эстафеты. Мы слышали, с какой обидой говорил молодой бригадир комсомольско-молодежного коллектива плотников-бетонщиков ПМК-28 Юсуф Джандаров о транспортниках, срывающих график подачи бетона: «Мы готовы укладывать в день до ста кубометров бетона, но не получаем и половины. Уже идет монтаж колец дюкера, надо создавать монтажникам фронт работ, но нам не дают бетон...»

Немало нареканий и в адрес машиностроителей, поставляющих технику. Порой мелиораторы тратят до двух недель, чтобы отладить механизмы. На плохом счету у строителей экскаваторы М-5111. Конструкторы не позаботились о теплоизоляции кабины, герметизации практически нет никакой. «Неужели так трудно и сложно подвернуть стекло внутрь кабины так, чтобы не просачивалась вода,— говорил один из лучших молодых экскаваторщиков, Александр Золотарев.— Мы ведь работаем в любую погоду, а если зарядили дожди, то сидишь в кабине всю смену мокрым. И не знаешь, где больше льет — в кабине или на улице... Хочется узнать у тех, кто выпускает эти экскаваторы, есть ли у них рабочая совесть?»

Но, несмотря на трудности, строительство набирает темпы. И это неудивительно: ведь работают здесь настоящие энтузиасты. До сих пор трудятся на трассе ветераны труда, проработавшие по 30 и более лет. Таков знаменитый скреперист, заслуженный мелиоратор РСФСР Дмитрий Алексеевич Унтевский. Это ему было предоставлено почетное право в феврале 1969 года отсыпать первый ковш в русло второй очереди канала.

Четверть века отдал строительству БСК Герой Социалистического Труда Дмитрий Федорович Неслуженко. Сейчас он возглавляет одну из бригад ПМК-16, лучшую в управлении.

Водитель КрАЗа Геннадий Костяков.

Дела ветеранов достойно продолжает молодежь. В 1968 году канал объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Сегодня юноши и девушки успешно управляют современными машинами. Среди строителей широко известны имена Сергея Орача, Екатерины Сычковой, Юрия Филатова, Владимира Черевко, Шахрияра Шахрияр-заде, Юсуфа Джандарова, Александра Золотарева... Большим авторитетом пользуется на стройке молодой коммунист, делегат XXVII съезда КПСС Валерий Прокопенко. Трудовую деятельность здесь он начал с рядового монтажника, а ныне руководит комплексной бригадой монтажников ПМК-46. За 12 лет бригадой сделано немало. Только в 1985 году монтажники сдали в эксплуатацию две тысячи гектаров поливных земель в колхозе «Комсомолец» Александровского района, досрочно выполнили предсъездовские обязательства.

К концу одиннадцатой пятилетки были полностью обводнены все районы, расположенные в северо- и юго-восточной, центральной и южной частях края. Ежедневно до 900 тысяч кубометров воды доставляют на поля, в города и села магистральные и распределительные каналы.

Вода — бесценное богатство, это жизнь. Вот почему сейчас уделяется особое внимание сохранению и рациональному использованию водных ресурсов. Считается необходимым всю водоподачу и водопотребление поставить на автоматические режимы, внедрить в практику поливного земледелия прогрессивные методы орошения. Закрытая поливная сеть уже сооружается на БСК. На территории края решено создать систему регулирующих водохранилищ, которые не только обеспечат равномерную подачу воды на поля в течение сезона поливов, но и дадут ее городам, создадут условия для развития рыбоводства.

Обводнение и орошение положительно сказались на жизни края, на его возрождении и развитии, в том числе и в социальном плане. Приостановил-

ПАМЯТЬ

НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО

СРЕДИ экспонатов музея Н. Островского в городе Шепетовке много экземпляров его книги «Как закалялась сталь». Каждый такой экземпляр причастен к определенному факту истории — истории борьбы за самые высокие идеалы человечества. В последнее время особенно часто приходят в музей памятные экземпляры книги от людей, которые активно выступают против новых планов войны.

Недавно музей получил роман «Как закалялась сталь» из Франции от президента Международного комитета бывших узников Бухенвальда-Дора Пьера Дюрана, которому весной текущего года по поручению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева посольство СССР во Франции передало советский ответ на послание, направленное руководителям СССР и США от имени Международного комитета бывших узников Освенцима, Бухенвальда-Дора, Маутхаузена, Наувейлер-Струтхофа, Нойенгамма, Равенсбрюка и Заксенхаузена.

Книга издана на французском языке, на обороте ее обложки надпись: «Моим друзьям из музея Н. Островского — французский перевод книги, рожденной большевистской революцией».

«Что касается того,— пишет в письме П. Дюран,— как попала книга Н. Островского «Как закалялась сталь» в концлагерь Бухенвальд, я, к великому сожалению, не могу дать точных данных. Но подпольное чтение этой книги усиливало мужество наших товарищей, боровшихся против СС, несмотря на то, что условия, описанные в романе Николая Ост-

---

ся отток населения из сельской местности, вода закрепила людей на обжитых землях и вызвала к жизни новую отрасль хозяйства — поливное земледелие. Многолетний опыт показал, что наибольший эффект, наибольшую отдачу поливной гектар дает тогда, когда на нем выращиваются кормовые культуры. Практика показала, что, во-первых, при поливе с меньшей площади пашни заготавливается кормов больше, чем на богаре, во-вторых, благодаря переводу кормовых культур на орошение высвобождаются дополнительные площади под зерновые.

За годы десятой и одиннадцатой пятилеток в Ставрополье проведена большая работа по переводу кормопроизводства на полив. Развитие кормового земледелия способствовало не только увеличению количества кормов, но и улучшению их качества. Шире стал набор кормовых высокобелковых урожайных культур, усовершенствованы приемы их возделывания, улучшена система семеноводства, расширены площади такой высокоценной культуры, как люцерна. К 2000 году посевы кормовых культур на поливе будут давать не менее двух-трех урожаев в год.

Сегодня орошаемый клин на Ставрополье перевалил за 400 тысяч гектаров. Практика показала, что один поливной гектар дает продукции в 6 раз

ровского, значительно отличались от тех, в которых находились мы. Это произведение было драгоценно для всех, кто боролся с фашизмом с единой целью: свобода или смерть!

Если говорить о себе, то мне нечего сказать, кроме того, что я решил исполнить свой долг, как и тысячи коммунистов Франции.

До ареста я был руководителем движения Сопротивления (нацисты не знали об этом). В Бухенвальде я был помощником товарища Поля Марселя — героя движения Сопротивления, организатора борьбы против СС, будущего министра-коммуниста в правительстве генерала де Голля.

После войны я стал редактором главного отдела газеты «Юманите» — центрального органа Компартии Франции. Я — доктор юридических, политических и социальных наук, автор многих книг по истории второй мировой войны.

Одна из моих работ о контрреволюции против Советской власти после 1917 года печаталась в московском издательстве «Прогресс».

Желаю вам успехов в вашей работе, а также мира вам и вашему народу.

Наше дело общее.

С наилучшими братскими пожеланиями Пьер Дюран, г. Париж».

Слова П. Дюрана набатом звучат особенно сейчас, когда во Франции и в других капиталистических странах Запада появляются менеджеры от бизнеса, которые устраивают так называемые «шоу-лагеря». В них за сумму приблизительно в триста франков богатые гуляки, любители острых ощущений могут провести три дня. Эти места «максимально приближены» к изуверским гитлеровским концлагерям. Предусмотрено почти все: холодные бараки без нар, охрана в эсэсовской форме, сторожевые вышки с прожекторами, ограда из колючей проволоки. В их рекламных проспектах можно прочитать о конечном результате «хобби» — ощущение, что «все было не так уж страшно».

Правда, факты прошедшей войны говорят о другом — о неви-

больше, чем богарный. В период 1971—1980 годов каждый рубль, вложенный в мелиорацию, дал прирост продукции растениеводства на 73 копейки, в то время как на немелиорированных — лишь на 15 копеек.

Уже сегодня Ставрополье вносит значительный вклад в выполнение Продовольственной программы страны. Хлебная нива края занимает более четырех миллионов гектаров пашни. По-ударному работают земледельцы в первом году новой пятилетки. К середине августа текущего года в закрома Родины сдано 2 миллиона 50 тысяч тонн зерна сильных сортов при плане 1 миллион 900 тысяч. Труженики Ставрополья обязались довести валовой сбор зерна до 5 миллионов тонн в год!

Полвека назад началась в крае борьба за большую воду. Тогда первые сотни кубометров воды напоили иссушенную зноем землю. Сегодня эта борьба продолжается. И мелиораторы уверенно идут к конечной цели — превратить сельское хозяйство Ставрополья в высокоразвитую отрасль экономики, застрахованную от капризов природы.

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

данном в истории человечества массовом истреблении заключенных разных национальностей в гитлеровских концлагерях.

Недавно мне довелось побывать в Бухенвальде, где сейчас организован музей. Ознакомился с его экспозицией. Немые свидетели фашистского зверства над людьми — экспонаты музея. Тут можно увидеть засушенную человеческую голову, абажуры для ламп из кожи детей разного цвета, салфетки с татуировками, изготовленными из кожи пленных советских моряков,— любимые сувениры эсэсовцев.

Глядя на эти свидетельства, трудно поверить, что находятся еще изуверы, которые хотят доказать кому-то необходимость кровавых поступков хозяев концлагерей. Но факты остаются фактами: только в ФРГ существует более 150 неонацистских организаций, которые выпускают 109 печатных изданий, где всеми силами их «теоретики» стараются оправдать и приукрасить фашизм. Старых и новых сторонников коричневой чумы бесит то, что человечество не забывает ужасов прошедшей войны и не собирается отступить от клятвы, высеченной на пятидесятиметровой башне национального памятника в Бухенвальде: «Наш лозунг — с корнем уничтожить фашизм! Наша цель — построить новый миролюбивый и свободный мир!»

Музей Н. Островского широко использует экспонаты, переданные музею бывшими узниками фашистских концлагерей многих стран, проводит различные патриотические мероприятия, посвященные борьбе против войны, за мир и дружбу между народами. Память — великая сила. А борьба за мир — дело общее.

В. Г. БРИЦКИЙ,
директор Республиканского комсомольского музея Н. Островского,
г. Шепетовка

ЭТОТ МАРШ начался на привокзальной площади в Ораниенбурге — одном из городов ГДР. Марш был посвящен узникам лагеря смерти Заксенхаузен.

Здесь уместно привести историческую справку.

20 апреля 1945 года в лагере находилось 36 687 заключенных. 21 апреля началась их «эвакуация». В маршевых колоннах по 500 человек из лагеря вывезли 33 тысячи узников к побережью Северного моря — для того, чтобы посадить их на суда и затопить в море. 29 апреля колонны узников сосредоточились в Беловском лесу. Здесь к ним присоединили заключенных женщин из Равенсбрюкского концлагеря. 30 апреля был дан приказ двигаться дальше... Но 3 мая заключенные были освобождены Красной Армией.

...Вот уже шестой год подряд отправляются по маршруту узников Заксенхаузена представители прогрессивной молодежи ряда европейских стран.

Путь их начинается от ворот Заксенхаузена. Звучит похоронный марш Шопена, возлагаются к мемориалу венки.

Этот марш — своего рода психологическое испытание выдержки, силы воли. Ведь достаточно представить себе, как вели себя узники лагеря без воды и хлеба, подгоняемые эсэсовцами, и становится жутко. В дороге молодежь старается ближе понять друг друга. Звучат песни борьбы, старые антифашистские немецкие песни. Вечером на привалах юноши и девушки рассказывают друг другу о себе. Датчан, например, интересует, легко ли в ГДР получить профессию, как молодежь проводит свой досуг. В свою очередь, посланцы Дании рассказывают о массовой безработице среди молодежи. Уже сейчас там насчитывается 100 тысяч безработных в возрасте до 25 лет. Вновь и вновь раз-

говор возвращается к маршу памяти. Многие из немецких парней и девчат читали воспоминания заключенных о том, как обреченные на смерть люди помогали друг другу — насколько вообще можно было помочь в тех нечеловеческих условиях. Узники брали ослабевших в середину, чтобы уберечь их от выстрелов в затылок. Но, даже собрав все силы, им не удавалось спасти всех товарищей. Если кто-либо выбивался из сил и не мог идти дальше, фашисты расстреливали его на краю дороги...

Проходя маршрутом памяти, молодежь видела обелиски, безымянные могилы. Большое потрясение вызвали у юношей и девушек рассказы очевидцев о тех страшных днях сорок пятого... Взволнованно слушали они Герду Гашке, которой в 1945 году было столько же лет, сколько им сейчас:

— Заключенных пригнали в наше село в конце апреля. Обессиленные, лежали они на холодной земле. Шел дождь. У них не было еды. Собравшись с духом, мой дядя бросил мешок картошки в костер, который ему удалось кое-как разжечь. Тотчас же появился эсэсовец и приказал дяде занять место среди заключенных. Позже смертникам предстояло тащить огромную телегу с провиантом и вещами эсэсовцев. Они никак не могли сдвинуть ее с места. Им стали помогать другие истощенные узники. Один из узников, мучимый жаждой, опустился на колени, чтобы напиться воды из лужи. Эсэсовец застрелил его... Вдоль дороги лежали убитые. Потом мы хоронили погибших, их было много. Одному из заключенных удалось скрыться в стогу сена во дворе старухи. Когда туда пришли эсэсовцы, она ничего не могла сказать им, так как, к счастью, ничего не видела. Это спасло ей и узнику жизнь. Этот узник потом стал бургомистром города Херцшпрунга...

Беловский лес — последняя остановка на марше памяти. Многие из узников не вышли отсюда. В память о них здесь открыт мемориал и музей. Участники марша памяти возложили к мемориалу венки...

Это был шестой марш памяти. Его участники расставались с твердой решимостью отдать все силы борьбе против фашизма, не допустить вспыхнуть пожару новой войны.

По материалам зарубежной прессы

СОЛИДАРНОСТЬ

ОНИ СИЛЬНЫ СВОЕЙ СПЛОЧЕННОСТЬЮ

ПОИСК И СВЕРШЕНИЯ МОЛОДЫХ

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

МЫСЛЬ о необходимости создать комплекс угледобычи возникла у Григория Литвинова еще в студенческие годы, когда вместе с однокурсниками он проходил практику на одной из шахт Донбасса. Эту шахту называли «неудачницей», и было за что: забои выдавали на-гора больше породы, чем угля. Винить в том приходилось природу. Она заложила лавы коксующегося угля всего лишь в 60—70 сантиметров шириной. Чтобы применить при добыче машины, приходилось раздалбливать каменную толщу вокруг лав или, при работе вручную, рубить уголек буквально ползком. Непроизводительно, дорого и, главное, тяжело для человека. Проще, казалось бы, прекратить разработку, но таких лав в Донбассе немало. Нельзя терять богатства коксующегося угля. Значит, необходимо было создать технику принципиально нового типа.

Над этой проблемой Литвинов начал работать вплотную уже в качестве научного сотрудника института Донгипроуглемаш. Идея зажгла других молодых ученых, в конструкторский поиск включились коллега Литвинова Алексей Савченко и Георгий Озерянский, специалист по автоматике из института Автоматгормаш.

Начинали, как говорится, с нуля: подобных задуманному комплексу мировая техника не имела. Приходилось рассчитывать только на собственные знания, накапливать свой опыт. Ученые побывали на многих шахтах, познакомились с требованиями проходчиков. Изучая различные агрегаты угледобычи, отбирали приемлемые для новой конструкции узлы и пришли к выводу: в основу комплекса нужно положить принцип ротора с надежной системой гидравлики и автоматической транспортировки.

Идея воплотилась в рабочих проектах, проекты — в металле экспериментального образца. Но бывает и так, что на испытаниях машина покажет себя хорошо, а на практике малопригодна. Поэтому создатели новой конструкции решили испытать ее в условиях обычной эксплуатации, проверить оценками производственников. Ныне на шахте «Добровольская» в Донбассе задействован первый в мире комплекс угледобычи, который полностью заменяет человеческий труд под землей...

...В открытые окна врывается ветерок, блики солнца сверкают на пане-

лях многочисленных приборов, дисплеев, АСУ, аппаратах дистанционно-телемеханического управления. Дежурный оператор нажимает нужные кнопки. И за многие сотни метров в каменной толще гидродомкраты вжимают в угольный пласт зубастую цепь. Зубья особой прочности вгрызаются в лаву, пережевывают уголь и передают его на каретки транспортных линий. Непрерывным потоком «черное золото» течет к стволу, так же автоматически выдается на поверхность к бункерам, под которыми уже стоят готовые к погрузке железнодорожные вагоны.

— Стальной новичок заменяет несколько врубовых комбайнов, труд десятков подземных механизаторов,— сообщил начальник участка Н. Чмыренко.— Управляет всеми агрегатами один оператор, находящийся, как вы сами видите, в достаточно комфортабельной обстановке.

Автоматический комплекс открывает широкие возможности для освоения угольных богатств Донбасса, залегающих в основном тонкими пластами,— продолжал Н. Чмыренко.— Но в процессе эксплуатации опытного образца у нас, практиков, возник ряд пожеланий. Думается, что дистанционное управление станет удобней и проще, если два экспериментальных пульта — индикаторный и управляющий — слить в одно целое, а вместо раздельных циклов рубки угля и передвижки крепи создать совмещенную операцию.

Пожелания практиков учтены. Г. Литвинов, А. Савченко и Г. Озерянский уже нашли способы усовершенствования конструкции.

КРЫЛАТЫЕ АГРОНОМЫ

КАК ИЗВЕСТНО, Калининская область — край лесов, земель переувлажненных и полностью еще не мелиорированных. Отсюда — транспортные затруднения. «Попробуй-ка доберись до дальней бригады,— сетовал один из здешних агрономов.— С весны не дорога — сплошное болото. А я пока еще не Карлсон и пропеллера за спиной не имею».

Вместе с тем агроному может служить вполне реальный пропеллер.

...На проселок среди полей спланировал крошечный самолет. Из застекленной кабины вылез пилот, определил удобренность почвы, проверил состояние посевов. Вскоре самолет-малютка взмыл в небо и приземлился на соседнем участке...

Создание экономичных, простых в управлении летательных аппаратов — одно из увлечений студентов и преподавателей Калининского сельхозинститута. Для них это не просто хобби, а научно поставленная, проблемная работа. В институте создано свое конструкторское бюро, работает небольшая авиамастерская и организованы курсы пилотов. Из года в год авиалюбители совершенствуют свои аппараты, испытывают их в действии, помогая различным службам хозяйств области.

— Этим летом наши пилоты участвовали в работах колхозов Калининского района,— сообщил руководитель кружка Николай Неустроев.— В одном из хозяйств, например, осмотр посевов удалось завершить за полчаса, в то время как обычно на тот же объем работ агроном затрачивает весь световой день.

Хотя еще не совмещаются в широком масштабе профессии агронома и летчика, но авиалюбители успели убедиться: такое совмещение возможно и перспективно. Обобщая полученный опыт, студенты ведут исследования по проблемам использования «малой авиации» в народном хозяйстве.

Практика показала, что самолет-малютка может делать то, что недоступно или невыгодно для большой авиации: «прыгать» с поля на поле, от фермы к ферме над бездорожьем, на малой скорости парить буквально в нескольких метрах от земли для наблюдения за посевами, лесопосадками, линиями электропередачи и при необходимости садиться на крохотном пятачке.

Немаловажен фактор экономичности. Рабочий час на вертолете обходится хозяйствам от 130 до 300 рублей, на аппарате же «малой авиации» — впятеро, а то и вдесятеро дешевле. Расход бензина на 100 километров немногим больше четырех литров. Стоимость постройки? Последняя, наиболее совершенная модель самолета-малютки обошлась авиалюбителям дешевле обычного мотоцикла. Материалы — фанера, клей, дюралевые трубки, тросики, колеса от списанной сельхозтехники и мотоциклетный мотор.

Конечно, к созданию летательных машин нужно приложить руки, нужна увлеченность. «Золотые руки» у «главного авиастроителя» Анатолия Зиновкина и его помощников, в постоянном поиске новых решений студенты из КБ Владимира Александрова, совершенствуют умение летать и обучают товарищей по институту «шеф-пилоты» во главе с Сергеем Николаевым.

Деятельность кружка уже вышла за рамки любительства: созданы, испытаны летательные аппараты, узлы которых могут быть использованы при массовом производстве, разработана методика летной подготовки специалистов сельского хозяйства.

С ПРИЦЕЛОМ НА БУДУЩЕЕ

ЛЕТОМ ГРУППА студентов-геофизиков участвовала в проходке сверхглубокой скважины на Кольском полуострове — уникального «окна» в тайники недр. Мне довелось наблюдать, как однажды после смены студенты, сверяясь с записями в блокнотах, стали наносить какие-то цифры на чертеж, похожий на градуированную планку термометра. Для чего он предназначен?

Мой интерес с согласия товарищей удовлетворил руководитель группы Виктор Сергеев.

— Чертеж действительно выполняет функции термометров,— пояснил Виктор.— Поставлен он, образно выражаясь, «под мышку» земной коре. А вот для чего мы проводим исследования — об этом, думаю, стоит рассказать поподробней.

...В недрах земли, кроме руд, угля, газа и нефти, есть еще одно, пока мало используемое богатство — энергия подземного тепла. Его запасы можно определить только космическими величинами. Ведь во многих местах, особенно в вулканических зонах, земная кора буквально плавает на перегретых почти до 200 градусов водах. Их «вестники» — гейзеры, вырывающиеся под колоссальным давлением на поверхность. Они уже применяются для обогрева жилищ и теплиц, в нашей стране и за рубежом задействованы геоэлектроцентрали, где турбины вращает пар из подземного «котла». Но несравнимо большие запасы тепла содержатся в невулканических зонах — практически повсюду, в так называемом примагмовом поясе. В интересах будущего геоэнергетики важно определить наименьшую глубину, где достаточно тепла для образования пара. Эту цель как раз и преследовали бу-

дущие геофизики, проводя наблюдения на сверхглубокой. Им удалось найти оптимальное удаление от поверхности — от 10 до 11 тысяч метров. «Но наши выводы — лишь сравнительно небольшая часть исследований, которые мы ведем совместно с коллегами из геологического и энергетического институтов столицы»,— отметил Виктор Сергеев.

Студенты накопили обширный материал: определены пояса близкого залегания термальных вод на Камчатке и Курильских островах, в Дагестане, Туркмении, Центральном Предкавказье и Краснодарском крае. Особое значение для исследований имел опыт строительства и эксплуатации первой советской геоэлектроцентрали на Камчатке. Здесь уже на глубине до полукилометра температура воды достигает 160 градусов. Создание ГЭЦ дает пример выгодного использования термальных источников. Рабочая система станции сравнительно проста, состоит из скважин, трубопроводов, сепараторов и турбогенераторов. Из труб пароводная смесь поступает к сепараторам, разделяется на пар и воду. Пар вращает лопатки турбин, вода идет на обогрев соседних поселков, парников и теплиц. На геоэлектроцентрали, естественно, нет трудоемких процессов, сохраняющихся еще на обычных ТЭЦ: топливно-транспортного цеха с его громоздкими разгрузочными устройствами, складов топлива и транспортеров подачи. Не нужны дымососы, вентиляторы, золоулавливатели, агрегаты для удаления шлака. И без этих предохранительных устройств геоэлектроцентраль не загрязняет воздух и водоемы.

ГЭЦ экономична и окупилась уже за год. Производство электроэнергии на ней обходится много дешевле, чем на обычных теплоэлектростанциях. При доводке рабочих узлов уточнились наиболее выгодные способы получения подземного тепла, прошли испытания и отбор различные виды металлов для оборудования и теплопроводов. Все это облегчило студентам работу над проектом более мощной, приспособленной к условиям невулканической зоны геоэлектростанции.

На чертеже представлен в разрезе один из районов Севера, где, как показали приборы геофизиков, в примагмовой близости залегают пласты пористых, рыхлых пород. Сюда, на глубину в 10 тысяч метров, проникнут скважины, в которые будет закачиваться вода из протекающей поблизости реки. Нагретая в подземном «котле», она под давлением в сотни атмосфер по отводящим трубам пойдет на поверхность, вихрем пара закрутит турбины...

Устройство спроектированной геоэлектростанции в сравнении с Камчатской ГЭЦ усложняют насосы закачки. Естественно, для их работы понадобится горючее. Но только на первых порах. С получением тока от турбин насосы переключат на электропривод и станция перейдет на энергетическое самообслуживание. Турбины рассчитаны на гораздо большую мощность, чем на Камчатке. Поэтому в общем итоге выработка тока обойдется даже дешевле камчатского.

Конечно, несколько лет назад такой проект был бы попросту фантастичным. Тогда техника не имела возможности для бурения сверхглубоких скважин. Ныне советские машиностроители уже создали установку, которая проникла в недра Кольского полуострова глубже 10 тысяч метров. На «Уралмаше» серийно делают для нефтяников и газовиков буровые установки — трех- и пятитысячницы, работают над созданием агрегатов для еще более глубокого промышленного бурения. Так что техническая база для использования земного тепла, особенно в вулканических зонах, уже существует.

Ю. ЕВГЕНЬЕВ

НА ЭКРАНЕ телевизора — дети и их родители. «Дети, семья, здоровье» — темы из числа наиболее традиционных для наших телепередач. Что в этом необычного? Необычно то, как эти дети живут.

На экране — зима, заснеженные улицы, а по снегу топает босиком маленький человечек. На лице радость, любопытство, сосредоточенность. Рядом идет папа (в одних плавках) с ведром воды. Они просто идут обливаться.

Папа помнит, как трудно было перешагнуть внутренний барьер первый, десятый и даже сотый раз. Для папы сейчас такое обливание вместе с радостью еще и преодоление, пусть ставшее привычным. Папа «брал» и другой барьер, когда первый раз взял с собой на снег, на мороз ребенка. Он вел его за руку, стараясь ободрить и успокоить, скрывая внутреннее волнение и невольное беспокойство, хотя и знал, что они не первые. А потом произошло «чудо»: оказалось, что для ребенка — это не подвиг и не «барьер», что для него это просто и весело.

Секции «моржей» становятся популярными, и мы все меньше удивляемся, увидев человека в проруби. И даже маленькие «моржата» уже не редкость; к примеру, в Ленинграде есть клуб «Невские моржата», а в Москве прошлой зимой клуб «Здоровая семья» организовал первое массовое купание детей в Москве-реке.

А вот другую картину доводилось видеть совсем немногим.

Представьте: только что закончились роды, на свет появился новый человек. Глаза мамы сияют от радости и счастья этой первой встречи. Что же здесь необычного? Роды проходили в воде! И первое, что увидела мама,— это то, что ее малыш... плывет! Именно плывет. Он не просто пребывает первые несколько минут под водой, но делает ручками и ножками движения, очень похожие на плаванье брассом. Он, едва родившись, просто и естественно делает то, чему ребята постарше да и многие взрослые специально учатся долго и трудно.

Вот малыша поднимают из воды, и он делает первый вдох. Вот он освобожден от пуповины и стал самостоятельным организмом. А после первого свидания с матерью — первый урок, первая помощь взрослого.

Ребенку надо научиться правильно дышать в воде. Можно пойти по простому пути — научить его лежать на воде лицом вверх, на спине, но тогда ему останется только лежать и наблюдать сухопутное окружение. А захочется увидеть что-то в воде, достать со дна игрушку — надо перевернуться или нырнуть. Не беда! Надо с этого сразу и начинать. Поэтому взрослый показывает, как можно, лежа лицом вниз, поворачивать вбок голову для вдохов, как надо подниматься для вдоха на поверхность после ныряния.

Этот двухмесячный малыш уверенно стоит на ножках...

На этом необычном уроке нет «теории». Есть квалифицированная помощь уверенных рук в осуществлении первых движений. Есть чуткий контроль и подстраховка. Есть внимание и поощрение. Прошло несколько уроков. А теперь глядите: малыш ныряет, вовремя задерживает дыхание, малыш плавает лицом вниз, малыш питается под водой (!), малыш спит в воде (!) — спокойно лежит лицом вниз и периодически сам — рефлекторно, когда необходимо,— поворачивает вбок голову для вдоха. Он делает то, что не смогут сделать ни его мама (которая прекрасно плавает), ни даже его помощник-тренер.

Маленький «моржонок» и маленький «дельфин». Не одну ли и ту же загадку задают они нам? Не одну ли и ту же отгадку подсказывают?..

Нам неизвестно имя основателя движения «моржей». А вот имя человека, выдвинувшего целый ряд смелых идей и гипотез о роли водной среды в жизни человека и впервые реализовавшего многие из них, известно. Это наш современник Игорь Борисович Чарковский.

Идеи эти были выдвинуты им в начале 60-х годов. Интересное совпадение: первый человек полетел в космос, и первый человек родился в воде — именно в нашей стране и практически в одно и то же время. Для самого Игоря Борисовича эта аналогия океана и космоса не случайна и более глубока, чем простое совпадение сроков реализации идей.

Водное пространство и пространство космическое дают для человеческого организма свободу от силы тяжести — невесомость. (Физики наверняка уточнили бы эту формулировку: силы тяготения — притяжения к земле — продолжают действовать и в условиях космического корабля, и в водной среде на земле, но они в обоих случаях не проявляются в виде направленного давления на тело человека.) Согласно утверждению Чарковского в обычных родах резкое «обретение» телом новорожденного веса при переходе от водной среды в материнском «аквариуме» на воздух создает эффект «гравитационного удара». Результат — травмирование психики ребенка, разрушение некоторых тонких механизмов нервной системы. При родах в воде этот удар исчезает. Условия пребывания в воде и космосе дают возможность свободного движения во всех трех измерениях (как принято говорить в физике). Это значит, что даже для новорожденного, беспомощного в своих попытках двигаться «на суше», создаются условия для такого активного и свободного движения в пространстве, каких не имеет в обычных условиях и взрослый человек.

Как важно иметь эту возможность с самого начала, когда активно формируется фундамент детской психики!

Новые условия выдвигают и новые требования к физическим возможностям человеческого организма, задают новую «норму» этих возможностей. И эта «норма» кажется нам сегодня неосуществимым «подвигом».

А давайте вспомним: маленький «морж», маленький «дельфин»... Для них

Отдых на воде.

просто и естественно шагнуть в необычный для взрослого человека мир условий.

Может быть, мы упускаем многие скрытые возможности нашего организма еще в детстве?

— Это безусловно и даже именно так,— говорит И. Чарковский.— Взять хотя бы плавательный рефлекс. По нашим наблюдениям, он пропадает у младенца к трехмесячному возрасту. Но его можно закрепить и дать перспективы развития путем ранних тренировок!

Возможно, у кого-то появляется вполне естественный вопрос: а не навязываем ли мы таким путем ребенку образ жизни, от которого он впоследствии вынужден будет отказаться?

Действительно, Жак Майоль сам выбрал путь «человека-дельфина». И в отряд космонавтов люди попадают по собственной воле и имея большой жизненный опыт. Все это так.

Только давайте учтем некоторые аргументы Чарковского; ребенок в этом возрасте не может нам сказать: «Хочу стать дельфином!» И если мы, родители, не скажем это за него с самого начала — этой возможности у него никогда не будет.

— Для того чтобы выбирать самому, мы должны оставить ему возможность выбора,— считает Игорь Борисович.— И если задуматься, мы так и поступаем с развитием многих других способностей ребенка — музыкальных, художественных или спортивных. Не менее важным, а может, даже самым важным обстоятельством использования воды в качестве среды обитания будущей матери и затем новорожденного является то, что при этом образуются наиболее благоприятные условия для развития мозговой ткани организма ребенка — со всеми вытекающими отсюда последствиями физиологического, психологического и даже эволюционного характера. Не вдаваясь в подробности, скажу, что это прогрессивные идеи и они имеют серьезные научные обоснования. Эта мысль принадлежит доктору биологических наук, профессору, заведующему лабораторией эволюционной биохимии АН СССР П. А. Коржуеву.

Водная среда, как известно, благоприятно действует на экстерорецепторы (то есть внешние рецепторы), усиливает кровообращение и тем самым способствует лучшему обмену веществ. В равной степени это относится и к матери, и к ребенку. С любой точки зрения, роды в воде являются наиболее легким и естественным переходом от водного (внутриутробного) существования к земному.

Сегодня роды в воде пока еще столь же редки, как и полеты в космос, и требуют такой же тщательной подготовки, что и космические старты. Только надо признать, что в организационном плане дела освоения водной среды пока отстают от космических.

Первые клиники, в которых принимают роды в воду, уже появились во Франции (под руководством Мишеля Одена), в Новой Зеландии (под руководством Эстеллы Майерс), готовятся к открытию экспериментального центра в США.

Вероятно, и нам, пионерам в этом деле, пора организовать подобные центры и тщательным образом проводить исследования, чтобы потом ответить на многие вопросы.

Сейчас эти исследования ведутся группой энтузиастов во главе с Чарковским. Несомненно то, что здесь нужны объединенные усилия психологов, экологов, социологов, педагогов, чтобы наши дети, а потом и их дети когда-нибудь могли сказать: «Могу стать дельфином!»

Суйниш СРЫМОВ-МАРЬЯМ

В ТВОРЧЕСТВЕ поэта-песенника Виталия Татаринова наиболее стойкой и душевно осмысленной является тема комсомола, тема окрыленной юности. И видимо, это пристрастие не случайное, оно вызрело в нем как ощущение своей причастности к трудовой биографии народа, к героической судьбе комсомола. Может быть, оно зародилось именно тогда, когда комсомолец Виталий Татаринов ехал в первом эшелоне целинников, работал вместе с тысячами молодых энтузиастов на просторах осваиваемых земель грузчиком, трактористом и стал первым студентом, награжденным значком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель».

Во всяком случае, биографически пережитое и накопленное

жизненным опытом так или иначе отразилось со временем в его стихах, ставших песнями.

Ты помнишь первую ночевку
В глуши таежной у костра?
Негромкий голос пел о чем-то,
Качала звезды Ангара.
Звучала песенка простая,
Ее слова ты не сберег,
И где-то след ее растаял
На перекрестках тех дорог.

Однако в душе не растаял, остался навсегда след комсомольского костра, собиравшего вокруг себя юные, ищущие, беспокойные сердца.

В прошлом году в издательстве «Музыка» вышел сборник песен на стихи Виталия Татаринова «Комсомол — моя судьба», а в «Советском композиторе» изданы пионерские песни на стихи этого поэта «Сегодня орлята, завтра орлы!». В них вошло далеко не все написанное поэтом для музыки. Обращают на себя внимание песни, написанные на стихи В. Татаринова такими композиторами, как Евгений Птичкин, Кирилл Молчанов, Юрий Чичков, Вячеслав Добрынин, Алексей Мажуков. Вместе с А. Флярковским поэт создал интересную кантату для солистов, детского хора с сопровождением — «Страна Пионерия», а также несколько циклов детских песен с Е. Птичкиным, А. Киселёвым, В. Киктой.

В предисловии к сборнику «Комсомол — моя судьба» заслуженный деятель искусств РСФСР композитор Евгений Птичкин так пишет о творчестве Виталия Татаринова: «Его стихи словно сами зовут к себе музыку. Но есть у поэта еще и редкая способность: в предложенной мелодии уловить содержание, насытить ее такими строками, что у слушателей рождается ощущение органичного слияния поэтического текста и музыки».

Глубоким лиризмом, романтикой веет от песен Виталия Татаринова, посвященных России, родной земле-кормилице, людям, оберегающим ее мирный покой:

От Амура до Десны-реки
Родина раскинулась крылато.
Здесь со мною служат земляки,
Славные ребята.

В стихах поэта, ставших песнями, ощущается биение пульса нестареющей комсомольской молодости, искренность, приносящая ему любовь и признательность читателей и слушателей, они дороги нам, потому что в них отражаются и наша история, и наша современность.

Это острый ветер боя
И костер в лесной глуши,
Это вечно молодое
Состояние души.
Если снова грянут грозы,
Позови меня, труба!
Комсомол не просто возраст,
Комсомол — моя судьба!

В. ПЕТРОВ

«СОЛДАТЫ УДАЧИ»

43-ЛЕТНИЙ учитель Джордж Брандон из Хилсборо, штат Миссури, застрелил своего гостя и его жену, поджег дом и покончил жизнь самоубийством, не забыв прикончить и собственную жену. Пожарные, приехавшие тушить огонь, вынуждены были искать укрытие: в доме взрывались ручные гранаты и прочие боеприпасы. Брандон, участник движения «Выживание», буквально нашпиговал свое жилище оружием: боеприпасами, амуницией и продуктами на случай катастрофы. В конце концов у него не выдержали нервы.

В Санта-Крусе, штат Калифорния, двое юнцов обстреляли людей у бензоколонки. Причина, по их словам, такая: «Полное непризнание бродяг, коммунистов и автомобилистов».

Оба случая, описанные в американской печати, обращают внимание на наличие в США общественно опасных групп людей, для которых игра в войну и проблема выживания в ней переросли в навязчивую идею и политическое кредо.

Много таких вот групп создал для себя журнал «Солдат удачи», называемый также «журналом профессиональных искателей приключений». Издание, созданное в 1975 году, имеет сегодня 190 тысяч приверженцев, главным образом наемников. Главная арена их деятельности — Латинская Америка. В журнале печатаются многочисленные репортажи из Сальвадора, Гондураса, Никарагуа, Гренады.

Не все наемники авантюристы «без царя в голове», готовые палить во все стороны без разбору. Среди них много опытных военных, прошедших подготовку во Вьетнаме и на других полигонах американского империализма. Главный редактор Роберт Браун служил капитаном «зеленых беретов». Сейчас он в запасе и уже подполковник.

В журнале часто публикуются такие объявления: «Мерс. (сокращенно от «мерсенери» — «наемник»). Делаю все. Работаю один и быстро. Можно доверить любое дело». И адрес во Флориде. Имеются и содержательные руководства по любому виду преступлений — полное собрание грязных трюков, авторы которых — специалисты различных служб и мафии. В журнале печатаются отрывки из книг типа «Шанс для работы на черном рынке» — о контрабанде наркотиков и кражах машин. «Как надо убивать» — сериал из номера в номер.

Со страниц «Солдата удачи» не сходят и атрибуты «третьего рейха», которые в большом почете у его читателей — черные гестаповские фуражки, сапоги офицеров вермахта, бляхи дивизии СС «Викинг». Все это рекламирует журнал.

Издание это тесно связано с другим — «Выживание»,— которое выходит в том же издательстве. Но у него пока 20 тысяч подписчиков, а организация, которую он объединяет, составляет 80 тысяч членов. Они строят бункеры на случай атомной войны или покупают готовые, тренируются со всеми видами оружия и готовы застрелить любого, кто подойдет к ним слишком близко. Как это сделал тот самый учитель, с которого начинается этот рассказ...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА

— Несколько слов о ваших творческих планах...

— Теперь Муравьишка у этой Стрекозы запоет и попляшет!..

Рисунки Ю. МАКАРЕНКО

В ТЕНИ ОБЩЕСТВА

КРОЙЦБЕРГ, Нонинштрассе... Пять лет назад названия этих улиц не сходили со страниц западноберлинских газет. Бездомные жители штурмом захватили дюжину незаселенных домов и заняли свободные квартиры. Полиция силой освободила жилье, выбросив на улицу десятки людей, не имевших крыши над головой.

Дешевое жилье западноберлинцы ищут и поныне, и сейчас стоят пустыми роскошные квартиры в новых зданиях города. Внешний вид Кройцберга изменился: фасады старых строений отреставрированы, окрашены в приятные светлые тона. Но, как и раньше, на свежеприпудренных стенах то и дело появляются написанные «спреями» (пульверизаторами) лозунги вроде такого: «Новые фасады — старые проблемы».

В последние годы реальные доходы трудящихся упали здесь и в немецких семьях, и среди «гастарбайтеров». Социальной проблемой номер один стала безработица. Несколько лет назад многие и не подозревали, что это такое долговременное явление. Сегодня 82 тысячи безработных в Западном Берлине (эта официальная цифра занижена примерно на 10 тысяч) составили наивысший за последние 35 лет уровень — на 25 процентов выше, чем пятилетие назад.

Нередко здесь и такое: семья вся безработна и существует только за счет пособия. «А что касается наших иностранных граждан, то среди них есть семьи, которые вообще не получают ничего»,— говорит 24-летняя служащая Сузанна Б. Она живет в каморке на заднем дворе Нонинштрассе и вместе со студенткой педагогического института за 230 марок в месяц снимает эту комнатушку.

Сузанна закончила практику в районном молодежном клубе, где изучала проблемы безработицы среди юношества. «Власти не желают принимать во внимание ужасающие масштабы этого явления,— говорит Сузанна.— Страшно то, что ребята, заканчивающие школу, сразу же попадают в ряды лишних людей. Кое-кто не мешкая отправляется на биржу, но большинство знают от своих старших братьев, родителей и знакомых, что это дело практически безнадежное. Опыт показывает, что каждый второй безработный предпочитает утаивать от друзей и родственников, что он «не занят». Потому что многие — и это чудовищное заблуждение! — считают виновными за происходящее не общественную систему, а самих себя. И задача нашего клуба — раскрывать молодым людям глаза на истинное положение вещей, вырывать их из плена иллюзий, будто бы «пройдет черная полоса «невезухи» и все обернется удачей»...

Мало от кого добьешься обстоятельного рассказа о своих злоключениях. Вот история 22-летней Петры А.

Дочь богатых родителей (ее отец художник), она в 1979 году окончила 10 классов и поступила на курсы садоводства, которые

закончила на полгода раньше — «за отличные успехи в учебе». Но забронированное для нее место в садоводческом ведомстве оказалось занятым. «И вот я в 1981 году оказалась на улице вместе с такими же, как я, ненужными специалистами. Шесть месяцев биржа выплачивала мне пособие — треть той суммы, которую я получала, будучи ученицей. Спасибо родителям, они одевали и кормили меня. Поначалу я говорила себе: «Суетись, ищи работу».

И вот нашла работу на сезон. Старалась как могла, лишь бы понравиться. Думала, примерная работа поможет мне приобрести постоянное место. Но сенат принял решение сократить на 40 процентов рабочие места. И после полугода сезонной работы последовал год «ничегонеделания»... Потом нашлось место флориста в цветочном магазине. Иначе говоря, была девочкой на побегушках — с раннего утра и до ночи. Но я была рада и этому. Так прошло 9 месяцев, и вот я снова без работы. Три месяца мне удалось прокормиться, собирая и сдавая пустые бутылки и выполняя мелкие поручения пенсионеров. Но голодать приходилось частенько...

Однажды я пошла в банк узнать, не перевели ли на мой счет немного денег с прежней работы. Передо мной у кассы стояла пожилая дама, она получала со счета 10 тысяч марок. Положила их в сумку. И, забыв закрыть ее, отошла к какому-то рекламному плакату. Каким-то чудом я удержалась, чтобы не запустить руку в ее ридикюль! Да, голод и безработица убивают человека прежде всего морально...»

По статистике 1985 года, в странах Общего рынка около 12 миллионов 165 тысяч безработных (без Греции). Это на 380 тысяч больше, чем в 1984 году. 10,7 процента работоспособного населения живут без постоянных занятий. 36,5 процента молодежи, не достигшей 24 лет, не имеют работы. Растет число тех, кто лишен заработной платы более чем год. Из 2,2 миллиона безработных в ФРГ 730 тысяч — «годовики», так называют тех, кто более года живет с семьями на пособие.

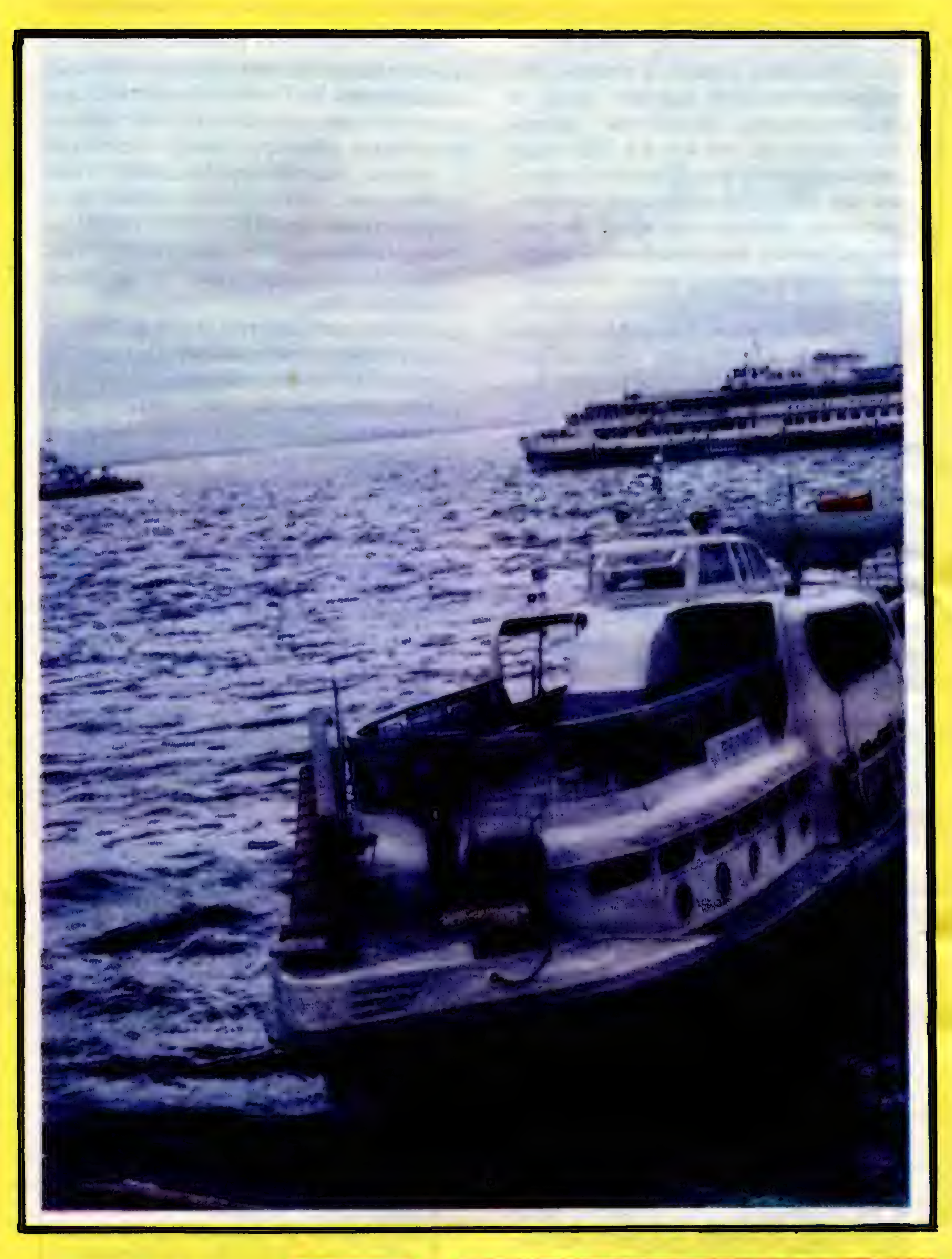
Каждый шестой житель Западного Берлина зависит сегодня от пособия по безработице. Из 50 тысяч молодых безработных в возрасте от 16 до 25 лет все большее число вступает в ряды лишних людей прямо после школы.

По данным экспертов, из 5 миллионов молодых людей, которые окончат школу в десятилетие с 1980 по 1990 год, только 2,5 миллиона будут иметь шанс получить работу.

Молодой печатник Алф Роджерс, отец четырех детей, выражается однозначно: «Мы у порога гибели. Мы не в состоянии обеспечить детям будущее». Алф живет в восточном квартале Манчестера и уже шесть лет сидит без работы; 250 тысяч безработных в графстве Большой Манчестер разделяют его судьбу.

Первая страница обложки «Товарища»: механизаторы Геннадий Беляев (слева) и Александр Золотарев отлично трудятся на строительстве четвертой очереди Большого Ставропольского канала (статью «...И напоила землю вода» читайте на стр. 136). Фото А. ЕГОРОВА

Четвертая страница обложки «Товарища»: Амур мой широкий... Фото Н. ВАСИЛЬЕВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КРИК

Роман

Продолжение. Начало на стр. 20.

Ескендир действительно не знал, зачем он все это пишет и интересно ли будет читать про войну Абылаю там, где он сейчас находится, но он понимал одно — не нравоучений и пустых советов ждет от него сын, а чего-то другого, более существенного, земного, искреннего. И может, опаленное войной прошлое отца как-то поможет ему? Ведь память не только бередит старые раны, память лечит, память крепит волю к жизни...

Он немного рассказал Абылаю о домашних делах, поздравил его с Новым годом и поставил точку.

Когда Баян приехала в аэропорт, по радио сообщили, что алма-атинский рейс задерживается на полчаса. Баян зашла в буфет, взяла чашку кофе и села за столик. Стены буфета сотрясались от гула самолетов, но с годами Баян стала спокойнее относиться к этим звукам. Путы тяжелого горя в последнее время как будто бы ослабели, и хотя тоска по Омару все еще бередила душу, но сердце уже не так неистово металось в безумных попытках вернуть прошлое. Она наконец-то поняла — прошлое не возвращается, и в своем горьком одиночестве тщательно лелеяла ростки своей любви к мужу, восстанавливая в памяти те счастливые минуты их жизни, которых было не так уж много за то время, что им довелось пробыть вместе. И еще она поняла — Омар занимает в ее жизни особое место, и она никогда больше не встретит человека лучше, чем Омар, хотя все дорогое, что связано с его именем, заново обрело плоть и душу лишь после его смерти,

когда она потеряла его навсегда. Но ведь есть еще Кайрат? Вернее, был Кайрат. Так был или есть?

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Баян подняла глаза. У стола, вплотную приставленного к стене, сидел мужчина с густой седеющей шевелюрой. Он распахнул полушубок, горло его было плотно завязано длинным пушистым шарфом. Он не отвел своего взгляда от Баян, наоборот, стал присматриваться к ней еще более внимательно, но в поведении его не было ничего навязчивого, и Баян даже почудилось, что она читает в этом взгляде доброту и расположение.

Она увидела этого человека еще раз, когда они с отцом уже садились в машину. Он стоял под высоким деревом и, прижав шарф ко рту, натужно кашлял.

Машина тронулась.

— Вы, наверное, устали, папа? — сказала Баян отцу.

— Ничего... — Ескендир покачал головой и повернулся к ней. — А ты как тут одна жила? Не страшно тебе было?

— Папа, у вас что-то случилось? — осторожно спросила Баян.

— Нет, — Ескендир погладил руку дочери, — простонапросто задумался. Ты куда сейчас, на работу?

— Я хотела, чтобы мы сначала позавтракали. А у вас какие планы?

— Мне нужно в горком.

— Папа, я давно хотела вас спросить... — замешкалась Баян.

— Спрашивай.

— Правда, что вас снимают с работы?..

— Не знаю. Наверное... — Ескендир пожал плечами. — Я написал заявление, чтобы мой вопрос рассмотрели на бюро горкома. Я считаю, что не могу больше занимать свой пост.

— Папа! — Баян поцеловала отца. — Нет никого на свете лучше вас! Я ждала от вас только такого решения.

— Обычно дети огорчаются, когда их родители теряют крупные должности, а ты радуешься... — Ескендир удовлетворенно смотрел на дочь.

— Разве это не ваша фраза: «Ничто так дорого не ценится на земле, как правда»?

— Да, конечно... — подтвердил Ескендир. — Наверное, моя...

Бюро горкома партии освободило от работы председателя городского суда Ескендира Калиева по его просьбе. Его вопрос был последним в повестке дня, и на этом заседание закончилось. Члены бюро поднялись и вместе с Ескендиром направились к выходу.

— Ескендир Калиевич, задержитесь на минутку, — сказал первый секретарь горкома Васильев.

Они остались одни в просторном кабинете.

— Курите, Ескендир Калиевич, — предложил Васильев.

— Спасибо, я бросил, — отозвался Ескендир.

Васильев, легко ступая, подошел к окну, раскрыл форточку и стал расхаживать по кабинету. Он явно был в затруднении, не зная, с чего начать разговор, и, попыхивая сигареткой, лишь испытующе поглядывал на Ескендира.

— Павел Васильевич, давайте без церемоний. Можете не жалеть меня, говорите все начистоту, — сказал Ескендир.

— Простите, Ескендир Калиевич, — Васильев, улыбаясь, подошел к Ескендиру. — Я вас ценю именно за эту вашу прямоту. Садитесь, пожалуйста...

Они уселись у длинного стола.

— Ескендир Калиевич, — наконец сказал Васильев. — Может, вы уже присмотрели себе какую-нибудь работу? Поставьте нас в известность, мы поможем вам...

— Павел Васильевич, я для начала хотел бы пару месяцев отдохнуть, я совсем измотался, да и сердце до сих пор пошаливает...

— Ну хорошо, отдыхайте пока, — Васильев поднялся и, улыбаясь, протянул Ескендиру руку.

— До свидания, — сказал он.

— До свидания, — ответил Ескендир.

Выйдя на улицу, он почувствовал легкость во всем теле и, с удовольствием оглядевшись по сторонам, направился к набережной Иртыша.

«Все кончилось, — подумал он. — И все кончилось правильно».

На реке никого не было, лишь вдалеке на острове виднелись фигурки лыжников. Он шел вдоль берега. Чистый снег кругом, чистый белый снег. Макушки деревьев, речной лед, асфальт на тротуарах, бетон набережной — все было покрыто свежевыпавшим снегом. Пушистый легкий снег, он готов слететь с деревьев, стоит дунуть легкому ветерку!.. Луч солнца, выглянувшего из-за туч, отража-

ясь на снегу, сверкнул так сильно, что Ескендир на секунду зажмурился. А когда снова раскрыл глаза, то увидел, что мир в один миг стал ослепительно ярким.

Глаза Ескендира, смотревшего на сверкающий снег, заслезились, и он прикрыл их ладонью.

14

Выйдя из редакции, Баян свернула за угол, чтобы зайти в гастроном, и сильно вздрогнула, когда из-за дерева вдруг вышел тот самый человек в черном полушубке, которого она встретила в аэропорту.

Человек в полушубке заметил ее смятение и, подходя к ней, сказал:

— Баян, дочка, не пугайся. Ты, наверное, не узнаешь меня?

Баян, немного успокоившись от таких слов, еще раз внимательно посмотрела на него. Из-под шапки виднеются седые виски. Усы у него тоже седые. Под глазами залегли глубокие морщины. На худом усталом лице резко выделяются спокойные умные глаза.

— Я не испугалась, — сказала Баян. — Но я действительно вас не узнаю.

— Пройдемся чуть-чуть, если ты сможешь уделить мне немного времени...

— Хорошо, — сказала Баян, мельком глянула на часы и подумала об отце.

— Мы виделись в Кокчетаве, когда ты приезжала навестить мать. Утром я тебя сразу признал, да и немудрено — ведь ты вылитая Айша... — Он остановился и посмотрел на Баян, как будто желая убедиться в точности своих слов. — Когда я тебя встретил, мне показалось, что я вновь вижу Айшу. А ее мне никогда не забыть...

Только теперь Баян вспомнила этого человека. Действительно, они встретились в Кокчетаве, и он лечился в том же санатории, что и мать. Мама несколько раз говорила о нем, но только сейчас уже трудно восстановить, что именно. Помнится лишь интонация — мама отзывалась о нем с теплотой и сердечностью. Как-то они втроем даже ходили в горы. Да, она узнала этого человека, но кто он?

— Ты, наверное, даже не помнишь моего имени. Меня зовут Досбол. Я недавно переехал сюда.

Он закашлялся. Все чаще попадались им навстречу люди с новогодними елками, и они оба подумали об одном и том же: скоро праздник.

— Еще один год прошел, — пробормотал Досбол и спросил: — Ты не замерзла?

— Нет, я внимательно слушаю вас. Вы начали говорить о маме.

— Да... Она была необыкновенной женщиной, особенным человеком, — подтвердил Досбол. — Наше знакомство с ней было таким коротким, но иногда мне кажется, что именно она вернула меня к жизни...

Досбол рассказывал, и Баян слушала его, затаив дыхание.

Увлеченная разговором, она не заметила, как зажглись фонари и улица стала шумной, суетливой: громко переговаривались студенты, хозяйки спешили сделать закупки к празднику, гудели машины.

— Ты, наверное, устала, Баян? — наконец-то спохватился Досбол. — Ты ведь после работы?

— Ничего. Сами-то вы как себя чувствуете, Дос-ага? — спросила Баян.

Досбол посмотрел на нее с умилением и радостью. Его, почти незнакомого ей человека, она называет Дос-ага *. Айша называла его Досеке, ее дочка — Дос-ага. Дос-ага — сколько тепла и заботы в этом обращении!

— Дос-ага, как хорошо ты мне это сказала. Называй меня так всегда. Ладно, Баянжан? — обратился он к ней.

— Пусть будет так, — согласилась Баян. — Пусть будет так, Дос-ага.

— Ты сядешь в автобус?

— Нет, я пойду пешком.

— Проводить тебя?

— Я боюсь, что вы простудитесь, ведь мы столько времени провели на морозе. Спасибо, Дос-ага.

— Если я позвоню, когда окончательно здесь устроюсь, ты не обидишься на меня?

— Почему я должна обидеться? — удивилась Баян.

У самого дома она вспомнила, что не позвонила Газизе Галиевне, и подошла к телефону-автомату, не желая говорить из квартиры в присутствии отца. В будке стоя-

---

* Дос — друг. Ага — брат.

ли парень и девушка. Парень что-то толковал в трубку и, улыбаясь, поглядывал на свою спутницу. Девушка, узнав Баян, вышла и поздоровалась с ней, пряча глаза.

— Здравствуй, Сауле! Что-то ты перестала заходить к нам? — сказала Баян.

— Некогда. Экзамены скоро, — ответила Сауле, водя носком сапога по твердому снегу.

— Абылай пишет тебе?

— Нет. — Сауле не поднимала головы.

— А ты ему?

— Я? Я уже устала ему писать! — Голос ее дрогнул, на глаза навернулись слезы. — Он мне не отвечает!.. — Сауле не смогла справиться с волнением, повернулась и побежала.

— Сауле! Ты куда?! — крикнул парень, в котором Баян только сейчас узнала Салима. Сауле не остановилась, услышав его голос, побежала еще быстрее. Салим бросился вслед за нею.

Баян, недоуменно глядя на них, набрала номер.

— Газиза Галиевна, здравствуйте.

— Здравствуй, Баян, — услышала она.

— Газиза Галиевна, я вот что хочу вам предложить — давайте Новый год встретим у нас.

— А что говорит папа?

— Папа вас и приглашает, — солгала Баян.

— Мне... трудно поверить тебе, Баян, потому что я уже довольно хорошо изучила Ескендира Калиевича, — засмеялась ее собеседница.

— Я серьезно... говорю... — не хотела отступать Баян.

— Не знаю... Мне как-то неудобно... И ты меня, наверное, понимаешь. Да, Баянжан?..

— И все-таки встретим Новый год вместе?..

Газиза Галиевна задумалась.

— Баянжан, мне кажется, будет неудобно, если я пойду к вам. Приходите лучше вы ко мне.

— Газиза Галиевна!

— Все! Договорились, Баян?

— Я боюсь, что папа обидится.

— Я ему позвоню и сама приглашу его. Ну, до свидания.

Баян повесила трубку. «Какая женщина! — невольно

подумала она. — Уравновешенная, спокойная, все делает, все говорит обдуманно. Мне бы хоть чуточку ее спокойствия. Не умею я смотреть вперед, не могу принять правильного решения, не разум, а чувства руководят мной, а хорошая женщина должна подчиняться голосу разума. Наша бабушка была такая...»

— Вы ужинали? — спросила она отца, когда вошла в квартиру.

— Да. Ждал, ждал тебя и не дождался.

— Простите, я задержалась, у меня была важная встреча, но об этом потом. Вы мне главное скажите — как с работой?

— Мое заявление удовлетворено.

— Ну и ладно! — облегченно сказала она и, приподнявшись на цыпочках, поцеловала отца в щеку.

Зазвонил телефон.

— Да, — сказала Баян.

— Это я, Сауле...

— Я слушаю тебя, Сауле.

— Мне нужно встретиться с вами.

— Может, перенесем наш разговор на завтра? Если, конечно, тебе не к спеху.

— Какие же вы все жестокие люди!.. — С этими словами Сауле бросила трубку.

Баян растерялась. Отец окликнул ее.

— Это кто звонил?

— Сауле, — сказала Баян.

— Что она говорит? Абылай пишет ей?

— Не знаю. Нас прервали, — сказала Баян.

— Последнее время она совсем о нас забыла. Ты бы взяла ее под свою опеку.

Баян ушла в свою комнату, села за письменный стол, но, секунду поразмыслив, снова вышла в прихожую и набрала номер Сауле.

— Сауле, я чем-то обидела тебя? Прости. Приходи ко мне сейчас же, я буду ждать тебя.

Сауле молчала, и в трубке было слышно лишь ее дыхание. По-видимому, она не знала, как и что ей ответить.

— И вы меня простите. Давайте встретимся во дворе.

— Нет. Я безумно устала. Приходи, посидим вдвоем, чайку попьем.

Сауле не ответила.

— И папа говорит, что давно не видел тебя.

— Я стесняюсь его.

— Приходи, мы будем наедине.

— Хорошо, — сказала Сауле. — Я сейчас.

Баян открыла дверь в комнату отца.

— Входи, входи, — сказал Ескендир, отложив книгу.

— Папа, вы опять читаете лежа, — укорила его Баян.

— Ты хочешь сказать, что это привычка некультурного человека? — улыбнулся Ескендир. — Ладно, встаю.

— Вот, теперь все правильно, — засмеялась Баян. — Мне кажется, другого такого дисциплинированного отца нет на всей земле.

— Не хвали, а то я тут же снова лягу с книжкой. Ты лучше послушай эти слова: «...ты заставляешь время остановиться, и иногда тебе кажется, что оно совсем остановилось, и потом, уже после, ты ждешь, когда же оно снова придет в движение, и оно медленно, медленно оживает...»

— Я вижу, вы всерьез увлеклись Хемингуэем, а в прошлом году мне казалось, что вы подшучивали надо мной, когда его хвалила.

— В этих словах его есть истина. И вообще, мне кажется, что там, где нет правды, нет и литературы. Ты права, Хемингуэй мне понравился окончательно и бесповоротно. Я понял — этот бородач обладает недюжинной силой, и все мысли его — о человеке и человечестве. «Но чувства одиночества у меня нет, потому что, если ты любил ее радостно и без трагедий, она будет любить тебя всегда; кого бы она ни любила, куда бы ни ушла, тебя она любит больше всех. И если ты любил в своей жизни женщину или страну, считай себя счастливцем, — даже, когда ты умрешь, твоя смерть ровно ничего не изменит».

— Папа, — перебила его Баян. — Сейчас должна прийти Сауле. Мы хотели поговорить с глазу на глаз.

Ескендир посмотрел на нее с удивлением, но потом кивнул головой.

— Садись, не стесняйся, — Баян предложила Сауле стул.

— Спасибо, — прошептала Сауле.

— Я сейчас принесу чай, а ты пока убери газеты со стола. У меня есть куырдак*, может, разогреть тебе?

---

* Казахское национальное блюдо.

— Спасибо, я ужинала...

Баян принесла чайник, налила чаю в маленькую пиалу и подала ее Сауле, мельком обратив внимание на то, как расцвела девушка.

Но лицо ее выражало сильное волнение и смущение. Ясно было, она что-то глубоко переживает, что-то мучает ее. Баян молчала. Она не хотела мешать Сауле и предоставляла ей полную свободу действий.

— Я уже говорила вам, Абылай мне больше не пишет, — выдавила наконец из себя Сауле.

— А почему перестал? Как ты думаешь?

— Наверное, потому, что знает теперь всю правду...

— Какую правду? Правду о чем?

— Этого я вам не могу сказать, — быстро ответила Сауле, подняв голову.

Баян подумала, что когда-то и она, как Сауле, была резкой и категоричной, точно так же рубила сплеча и точно так же обижалась на Кайрата, как Сауле теперь обижается на Абылая. Сколько раз она клялась себе, что никогда не станет больше с ним видеться, но стоило ему дать знак, она готова была лететь к нему хоть на край света.

— Мама говорит, чтобы я выходила замуж за Салима, — сказала Сауле, отводя глаза в сторону. — Я пришла поговорить с вами.

— Думаешь, легко быть советчицей в таком деле, Сауле? Ты должна решить это сама. Только ты можешь решить это.

— У меня нет никого, кроме вас. С кем я еще могу посоветоваться?

— Ты любишь Салима?

— Не знаю... Нет... Весной он будет поступать в аспирантуру. Мама хочет, чтобы я поехала с ним в Алма-Ату и доучилась там в университете.

— А что говорит Салим?

— Он ждет моего согласия...

«Что сказать ей? Как поддержать ее, когда мне и самой иной раз становится тошно жить, когда я сама постоянно нуждаюсь в чьем-то слове, участии? Могу ли, имею ли я право давать ей советы?»

Баян хотелось заплакать вместе с этой поникшей, растерянной девушкой.

— Хочешь, я напишу Абылаю? — спросила она.

— Нет!.. — Сауле испуганно вскочила. — Ни в коем случае! Простите меня...

— Посиди, куда ты?

— Спасибо, уже поздно. До свидания...

Она пошла к двери и тут же возвратилась обратно.

— Слушайте, — вдруг сказала она, вплотную приблизив к Баян свое пылающее лицо, — я обещала Абылаю, что приду к нему в белом платье и белой фате... Теперь не смогу... Хотя и не по своей вине... Вы понимаете меня?.. Вот... Вот в чем причина... И он знает обо всем этом...

Она быстро вышла из комнаты. Хлопнула дверь в прихожей.

— Прости меня, девочка, — прошептала Баян.

15

Люди, столпившиеся у свежевырытой могилы, бросили в нее по горсти земли, и лишь потом в ход пошли лопаты. Вскоре все начали расходиться, направляясь к машинам, стоявшим у подножия холма, на котором было расположено это казахское кладбище.

Кайрат посмотрел на отца Даулета. Лицо академика, потерявшего сына, было бледным, глаза покраснели, веки припухли, но держался он как обычно, прямо, расправив плечи, а когда кто-то хотел поддержать его, отстранил руку и, чуть сгорбившись, зашагал вниз.

Последний раз Кайрат встретился с Даулетом на его квартире, разговор шел о ближайших планах.

«Мать у меня приболела, надо в аул съездить», — сказал он Даулету, разливавшему кофе.

«Долго там пробудешь?»

«Хочу немного отдохнуть. Может, и ты со мной?»

«После. Сейчас времени нет. Я должен готовиться к выставке в Киргизии, так что не обижайся...»

«Если успею возвратиться из аула, поеду с тобой. Не возражаешь?»

И вот Кайрат на похоронах Даулета... Нелепая, случайная гибель в автомобильной катастрофе...

Солнечный майский день набирал силу, и к полудню воздух совсем прогрелся. С могильного холмика поднимался еле заметный ветерок. Кайрат и сам не заметил,

как остался на кладбище один, но это не удивило его, ибо душа его томилась и жаждала одиночества. Удивило другое: неподалеку стояла его бывшая жена Катира. Кайрат быстро посмотрел на нее, но еще быстрее опустил глаза.

Кайрат давно не видел Катиру, но она мало изменилась. Все те же рельефные скулы, настороженные карие глаза, смуглое лицо с сеткой мелких морщинок, тонкие губы, готовые скорее презрительно сморщиться, чем приветливо улыбнуться — все такая же...

Лишь опущенные плечи выдавали ее сегодняшние переживания. Он вспомнил, как в ту ночь, уже под утро, она сказала:

«Выслушай меня, Кайрат, и не перебивай. Ты сам утверждаешь, что у меня лишь временами проясняется разум. Сегодня я поняла окончательно, что мы не должны жить вместе. Давай разойдемся».

«Почему?»

«Так надо. Ты ведь учил в школе физику: однородные заряды отталкиваются друг от друга... Так будет лучше для нас обоих...»

«Я не буду разводиться...»

«У казахов есть хорошие правила, которые не позволяют им бросать жен, но ты видишь, что вместе нам жить нельзя, зачем же нам и дальше мучить друг друга?»

Это были первые и, может быть, единственные толковые слова, сказанные Катирой за все время их стычек. Редко она принимала разумные решения, но внезапная твердость ее намерений убедила Кайрата. Только начало совместной жизни принесло им радость — слишком быстро в их быт вошли серые будни, и вскоре оба они начали с ужасом понимать, что их соединяет не любовь, а супружеский долг. Неприязнь, которая исподволь накапливалась в них, постепенно перешла во вражду. Именно тогда он и перестал систематически работать...

Баян... Разве думал Кайрат в легкие дни своей жизни, что так отчаянно и безнадежно будет искать встречи с ней? Да, он был влюблен в нее, мечтал о ней, хотел ради Баян оставить Катиру, но когда жена сказала ему, что у них будет ребенок, все это отошло на задний план, и Кайрата целиком захватило его новое состояние.

Ему было неожиданно приятно чувствовать себя в роли будущего отца, и он целыми днями не отходил от Катиры. Что нужно? Минеральной воды? Сейчас... Кефиру? Вот он, кефир... Молока? Какой разговор? Он сбе-

гает и все принесет. Кайрат только и делал, что сновал между магазином, рынком и той двухкомнатной квартирой, которую они недавно получили. Это были чудесные, незабываемые дни их жизни с Катирой.

Кайрат невольно вспомнил последние слова Баян, когда она срочно улетала из Усть-Каменогорска к своему заболевшему отцу: «Кайрат, не надо меня неволить, потому что все перемешалось в моей несчастной голове. Я здорова, красива, но внутри у меня холод, глыбы льда. Я, наверное, никогда не смогу забыть Омара. И жизнь, и людей, и радость, и горе, и счастье, о котором так много пишут, говорят, но еще больше мечтают, — все это я вижу теперь глазами Омара, ощущаю его душой и сознанием. Живые всегда беспомощны перед мертвыми, перед их памятью, поэтому пойми меня и будь справедливым. Для меня ты — мираж: ты поманил, увлек меня, но так и не дал мне возможности быть с тобой. А он и в жизни был человеком, и после своей смерти остается им, и тебе больше не взять верха над ним, потому что он навеки ушел к непобедимым, обязав и меня стать непобедимой. Я — женщина, я всего-навсего женщина, Кайрат, и если тебе нужна одна из тех, кто носит юбку и покрывает голову платком, то таких много, Кайрат, но мне кажется, что тебе нужна не просто женщина, что ты в этой жизни ищешь только жену. Правильно говорила моя бабушка Макпал, мало родиться женщиной, надо суметь стать женой. Я стала женой, но я жена другого, Кайрат. И не кляни меня за правду, не унижай ни меня, ни себя...»

Все это Баян высказала хладнокровно, единым духом.

«Пусть последнее слово останется за мной», — сказал тогда Кайрат.

Баян ничего не ответила, поцеловала его в щеку и пошла на взлетное поле...

...Они шли по окраине среди майского белого цветенья деревьев, Катира и Кайрат, давно разведенные супруги, подавленные тяжелым горем. Гибель друга свела их не для того, чтобы возродить прошлое, а как бы предупреждая о том, что в долгой жизни им еще не раз предстоят такие встречи.

— Надень берет, — сказала Катира.

Кайрат, не обращая внимания на ее слова, шел с непокрытой головой.

Всю зиму Кайрат провел в ауле и лишь два дня назад

возвратился в Алма-Ату. Приехал он по телеграмме Даулета. Но в тот вечер, когда самолет Кайрата приземлился в аэропорту, Даулет, ехавший с дачи на машине, столкнулся на загородном шоссе с громадным КрАЗом, неожиданно выскочившим на повороте. Смерть наступила мгновенно.

Попрощавшись с Катирой, Кайрат остановился на красный свет, но машин не было, и он перешел улицу. «Хорошо в ауле, — подумал он. — Нет этих машин, беспрестанно снующих, нет светофора, который руководит тобой... «О чем еще может мечтать счастливец, живущий в ауле? Все его желания сбылись: он находится в раю», — вспомнил он изречение кузнеца Бекболата и его самого, здоровенного старика, которому уже давно перевалило за семьдесят, но который до сих пор не отставал от своего дела — крепкий, ловкий, веселый, он целыми днями возился у себя в кузнице. Когда Кайрат уезжал в Алма-Ату, Бекболат шутливо сказал ему: «Глаза меня что-то беспокоят, вот летом приеду к тебе в гости, веди меня к врачу, посмотрим, на что вы, городские, способны...»

Впервые со времени окончания школы Кайрат так долго пробыл у матери в родном ауле. Они вставали рано, неторопливо пили чай, иногда вдвоем, а иногда с сестрой матери, которая вместе с мужем жила в домике напротив и охотно помогала им управляться с пузатым, ярко начищенным самоваром.

«Раньше, бывало, вас не дозовешься, а как явился Кайрат, вы сразу ко мне зачастили...» — важничала мать перед родственниками, но настроение у нее было хорошее. С приездом сына она перестала жаловаться на болезни и, казалось, обрела наконец-то душевный покой.

Все это время Кайрат напряженно работал. Он написал портрет матери и к весне закончил картину, главным героем которой стал кузнец Бекболат. Он показал картину старику, и тот долго, кропотливо изучал ее.

«Ну, Кайратжан, — наконец сказал он. — Теперь я понимаю, что труд твой — воистину уважаемый и честный, что ты не зря топчешь землю и ешь хлеб. Видишь, как заговорили у тебя мои старые мехи, а как здорово нарисовал ты молот и наковальню. Это мы одобряем. Но вот краски, которые ты потратил на меня, мне лично что-то не очень нравятся. Понимаешь, когда старый человек смотрится в зеркало, он не очень доволен своим ли-

цом, а я смотрю на твою картину, как в зеркало, и все думаю — ну что бы ему хоть немного омолодить меня...»

И Бекболат засмеялся, радуясь своей незамысловатой шутке.

«О чем ты только думаешь, черный старик?» — укоряла его мать Кайрата, подавая Бекболату пиалу с ароматным чаем.

«Ты правильно говоришь, Кулия, и я принимаю твои слова, — согласился кузнец. — Когда старый глупец садится на коня, он воображает себя юным джигитом и только позорится, вызывая смех у людей...» Его лучистые глаза, все еще не утратившие веселого огня, загорелись, и Кайрат вдруг поразился — лицо Бекболата исчерчено морщинами, волосы поседели, а глаза... глаза совсем молодые. Кайрат тут же достал лист бумаги и карандаш, чтобы закрепить увиденное, но, сколько он ни старался, ему так и не удалось воспроизвести этот живой свет стариковских глаз.

Работая в кузнице, старик, столь говорливый дома и в гостях, помалкивал, и из него трудно было выдавить хотя бы слово. Брови его топорщились, смахивая рукавом пот со лба, озаряемый отблесками раскаленного железа, он играючи управлялся с тяжелым молотом и мехами.

Кайрат улыбнулся, вспомнив, как однажды, когда он пришел в дом к Бекболату, старик пожаловался на то, что не может больше петь, хотя помнит множество давно забытых кюев и умеет исполнять их. Он снял со стены домбру. Его широкая, твердая как железо ладонь накрыла струны, и казалось, что пальцы сейчас раздавят инструмент.

«Рука огрубела, в свое время я здорово играл, — вздохнул старик и отставил домбру. — В последнее время молодежь плохо поет наши песни. Прошлым летом приезжали из твоей Алма-Аты в наш аул такие вот патлатые, длинноволосые, послушал я их, и в сердце у меня закололо...»

«Ладно, хватит тебе плакаться, — обиделась его старуха. — Наломал дров — до сих пор людям в глаза стыдно смотреть...»

«Подожди, не будь заслонкой для моего рта. Семьдесят с лишним лет без устали работает в гортани мой красный язык, как ты думаешь, долго ему осталось шевелиться?» Старик строго посмотрел на жену и повернулся к Кайрату.

«Стыд какой — осрамил меня, до сих пор совестно людям на глаза показаться, и теперь болтает... болтает...» Старуха сорвалась с места и вышла из комнаты.

Бекболат проводил ее недовольным взглядом. «Байбише права, действительно получилось не совсем красиво, — признался он после некоторого молчания. — Но ты понимаешь, вышли эти длинноволосые сыны мои на сцену и ну — жужжать, ну — ухать да пиликать... Ты спросишь, что меня возмутило? А то, что они и слова, и мелодии народных песен так исковеркали, что можно было подумать — эти парни не в Казахстане родились, а... уж я и сам не знаю где. А я музыку люблю, я сидел в самом первом ряду. Долго я крепился, но все же не выдержал и закричал: «Ну, немедленно прекратите это безобразие...»

Старик отхлебнул из пиалы, вытер пот, и Кайрат, глядя на него, вспомнил фразу Экзюпери: «Стоит лишь услышать песни крестьян пятнадцатого века, как сразу понимаешь, до чего мы докатились».

«...Длинноволосики посмотрели на меня и, видать, решили — что нам сделает этот глупый старик? И снова завыли-завопили. Тот, который стучал в огромный барабан и медные тарелки, и вовсе удержу не знал, прямо пыль от него столбом. Я встал, а деятели из нашего аула принялись меня урезонивать: «Как вам не стыдно, агатай! Что вы себе позволяете! Чего вам надо! Садитесь или уходите!» Есть пословица: «Беги оттуда, где тебя обидели», но мне эта пословица не нравится, и я сильно разозлился на своих аульчан. Значит, этим патлатым, которые глумятся над песней, не стыдно, а мне должно быть стыдно? Подошел сын Карабека, милиционер, порядок наводить, а эти все орут со сцены, а наши дураки все сидят да слушают. Никогда еще не был я так унижен!.. В руках у меня был посох с железным наконечником, ну я размахнулся и запустил им прямо в барабан так, что пробил его насквозь. Тут мои аульчане вскочили, загалдели, и никудышный сын Карабека, который милиционер, стал угрожать мне. Я ему сказал: хочешь арестовать меня, приходи ко мне вместе с отцом и со своей родней. Никогда еще не был я так зол! А утром является ко мне председатель аулсовета, и с ним эти длинноволосики. Как ты думаешь, что они мне сказали? — усмехнулся старик. — Плати, говорят, деньги за барабан, да такую сумму назвали, старуха аж прямо ах-

нула. Кто же знал, что эта погремушка дороже жизни стоит...»

«Ну и чем кончилось? Вы заплатили?» — не утерпел Кайрат.

«Погоди, не спеши... Хотя справедливость была на моей стороне, закон, оказывается, охранял их интересы... Уплатил, как не уплатить... Они такие злые пришли, эти горе-музыканты, аж глаза у них кровью налились. Да еще председатель — плати, говорит, потешил душу, теперь плати... А я разве тешил душу?»

Кайрат расхохотался, с восхищением глядя на задиристого старика.

«Но ты дальше слушай, как было. — Глаза Бекболата хитро сощурились, и он взял в горсть свою коротковатую бороду. — Отсчитал я им всю сумму, председатель ушел, а я велел своей старухе, которая не знала, куда от стыда деться, поставить чай, чтобы напоить этих азаматов. Старуха молча поплелась на кухню. Ведь ей, по совести сказать, сильно было жалко, что ее желтоухие (так она называет рубли) покинули ее сундук. «А вы будете сидеть, с места не тронетесь», — сказал я длинноволосым. Они зашумели: «У нас концерт, у нас концерт!..» — но я показал им свой посох и сказал, что в моем доме все будет так, как я велю. Посох был им уже знаком, и они умолкли. Сначала они нехотя слушали мою домбру, но когда я заиграл «Кокжалторе» *, они у меня размякли, вернее, как спичинки переломились. Теперь уже я нравился им, а они, как ни странно, мне. Один из парней сбегал и принес такую коробку «микрофон-магнитон». Два часа играл я им, и они все это записали в этот «магнитон», а потом дали мне послушать... Ничего, хорошо было слышно... Напились мы чаю, поблагодарили они меня и ушли. А вечером вернулись, и этот ихний руководитель, молодой такой, статный парень, хоть и длинноволосый, возьмите, говорит, назад свои деньги. Я не беру. Я, говорю, вас в убыток ввел, так что потратьте их на свои нужды. Купите, говорю, себе новую погремушку и колотите в нее. А деньги, говорю, это пыль земная. Может, для кого-нибудь возвратившееся богатство и станет благом, но только не для меня... И тогда этот парень сказал хорошие слова. Я их тебе сейчас повторю, пусть они и тебе запомнятся. «Аксакал, — сказал он. —

* Знаменитый старинный кюй. Одна из вершин казахской струнной музыки.

Вы своими кюями доказали нам нашу вину, и теперь мы понимаем, что вы были правы, когда вчера так возмущались. Но будьте снисходительны к нам. Казахская пословица спрашивает: «Как, не запыхавшись, достичь своей мечты, высокой, как небо?» У нас тоже есть своя мечта, но путь к ней не близок...» Красиво сказал, да?.. Точное слово нашел, сочное слово... Но, хитрец, сладко говорил, прощался, руку мне жал, а деньги все-таки всучил тайком во дворе старухе, та и рада, старая ведьма! Добро бы сразу сказала мне об этом, так ведь затаилась и только на другой день, к вечеру мне сообщила, когда эти степные скитальцы уже уехали и поздно было их искать. Вот так я и остался должником...»

«Вы не должник. Кюи, которые они услышали, стоят и не таких денег», — сказал Кайрат.

«Искусство не продается», — коротко отрезал старик.

«Да, но вы вернули им их же песни, которые они забыли», — поправился Кайрат.

«Это верно», — сказал старик и, довольный рассказанной историей, рассмеялся.

Перед отъездом Кайрата в Алма-Ату Бекболат пригласил их с матерью к себе в гости. За дастарханом он был немногословен, больше слушал, чем говорил, и Кайрат почувствовал, что старику грустно расставаться. С нарастающим волнением он смотрел на Бекболата, наблюдая за каждым его движением, ибо за время пребывания в ауле тоже привязался к нему.

«Я как-то привык к тебе, — вырвалось наконец у Бекболата. — Теперь мне трудно придется. Сейчас редко встретишь хорошего собеседника. Своих сверстников я пережил, а карасакалы * и молодежь сторонятся меня».

«Приезжайте ко мне в Алма-Ату», — только и нашелся что ответить Кайрат.

«Буду жив — приеду. А это мой подарок тебе, — сказал старик и пальцем указал на оправленные в серебро уздечку и седло, которые незадолго до этого принес и положил на стол его внук. — Береги их, как мои глаза, и пусть они будут для тебя памятью о вздорном казахе из омского аула».

Кайрат невольно залюбовался чистотой работы и благородством линий орнамента.

«В молодости я увлекался ювелирным делом. Ведь эти

* Карасакал — буквально чернобородый мужчина среднего возраста.

цацки моей старухи — кольца, браслеты — тоже дело моих рук. Когда-то в Сарыарке не было мастера лучше моего отца. Да и весь наш аул славился искусными ремесленниками...»

«Вот как? А я не знал», — удивился Кайрат.

«А ты думаешь, откуда в тебе талант художника? Когда-то наш аул назывался аулом зергера * Балмырзы. А Балмырза — имя моего отца. В свое время мы растяпами оказались, не сумели сохранить вещей, которые выковал мой отец. Сколько колец, перстней, браслетов, подвесок исчезло. Многое мы поменяли на хлеб, когда кочевали из Чингистау к Омску в голодные тридцатые годы. Был голод, и мы должны были сделать это, чтобы не умереть».

Старик помолчал, откашлялся, приложил к глазам платок.

«Как-то ты сказал мне, что для искусства нужен характер, ин-ди-ви-дуальность, — с трудом выговорил он непривычное слово. — Прости, но я не согласен с тобой. Я много думал о твоих словах и считаю, что характер, о котором ты толкуешь, слишком близко лежит от той показухи, которой грешили раньше, но увлекаются иной раз и сегодня. По-моему, для искусства не характер нужен, потому что само оно и есть этот характер, инди... — снова хотел было произнести он, но, не справившись, махнул рукой. — Для искусства нужен ум, вот что. По-моему, лишь ум способен постичь эту жизнь, чтобы руководить ее действующими механизмами, «нажимать кнопки», как нынче говорят. Я не хвастаюсь, но вот эта рука, — он положил на стол широкую, как лопата, ладонь, — эта рука с помощью труда достигла наконец мастерства. Ведь что есть человек? Человек — это ум, труд и душа. Человека с малых лет нужно приучать к труду и мышлению, но и о душе не нужно забывать. И ум и труд зависят от человеческой души. У человека с чистой душой чисты и совершенны помыслы, труд его приносит богатые плоды. И не следует забывать о душе человека, которая может вспыхнуть огнем, которая может защитить тебя, которая дает тебе возможность радоваться и плакать, то есть быть человеком. А мы часто забываем об этом, и мне иногда кажется, что мы больше думаем о своем бренном теле, а души наши остались беспризорными, погрязли в дремотном покое...»

---

* Зергер — золотых дел мастер.

После этой длинной тирады он замолчал и до самого конца вечера не промолвил ни слова.

Зато на другой день, когда Кайрат уже шел к маленькому Ан-2, который должен был доставить его в Омск, чтобы он смог вылететь оттуда в Алма-Ату, Бекболат подскакал на своем рыжем иноходце прямо к той площадке за аулом, куда садился самолет, и, свесившись с коня, обнял Кайрата, прижал к сердцу...

Подходя к дому, где жил Даулет, Кайрат посмотрел на ярко освещенные окна его квартиры, и у него вновь сжалось сердце. На балконе стояли незнакомые люди. «Как мы любили этот дом, — подумал он. — Этот дом был для нас бесценным пристанищем и местом исцеления. Мы приходили сюда со своими обидами, горестями, печалями, а уходили бодрыми и здоровыми. Теперь этого дома нет, ибо нет больше его хозяина...»

К утру, когда гости разошлись, Кайрат, Нурлан и Керим вышли во двор.

— Как переживет эту весть Султан, что с ним будет? — сказал Керим.

— А вы отправили ему телеграмму?

— Отправили. Но он далеко в горах и сможет приехать только завтра,— сказал Нурлан.

— Пройдемся немного, я что-то устал, — предложил Керим.

Они пошли по улице, но какая-то сила удерживала их около дома Даулета.

— Мы все в большом долгу перед Даулетом, Кайрат. И ты, и я, и Султан, и Керим, и другие ребята,— сказал Нурлан.— На нас теперь падает двойной груз. Все мы должны работать и за себя, и за Даулета.

Только услышав эти слова, Кайрат понял, как возмужал его друг, к которому он привык относиться с некоторой снисходительностью, как к младшему.

— Я люблю тебя и люблю Султана, — продолжал Нурлан.— Но я не пойду ни по твоим, ни по его стопам. Я проложу свою дорогу, и ориентиром мне будет служить та высота, которой достиг Даулет. Пока мы блуждали, загорались и гасли, он работал и, работая, нашел свою дорогу, обрел свой голос, одному ему присущий взгляд художника на мир.

Нурлан повлажневшими глазами смотрел вверх, на лучи поднимающегося из-за высоких домов солнца.

Друзья молчали.

— Что нам делать в пустой квартире Кайрата? Идемте лучше ко мне, позавтракаем, чаю выпьем, — нарушил молчание Керим.

— Нет, не стоит беспокоить твою жену,— отказался Нурлан.

— Да, лучше мы побудем в одиночестве у меня, так будет правильнее, — поддержал его Кайрат.

...Они сидели в комнате Кайрата и молча слушали пластинку «Лес» Чюрлениса. По их лицам было почти невозможно угадать, какие думы их сейчас обуревают.

Керим посмотрел на Кайрата и увидел, что его друг целиком ушел в себя. «Эта смерть всех нас потрясла,— подумал Керим.— Эта смерть под многим подвела черту, она стала для нас каким-то итогом...»

Кайрат вышел на балкон. Погода со вчерашнего дня резко переменилась. Серое утро встретило его...

Как это пасмурное тяжелое небо не дает путнику определить свой путь по звездам, так и им, всем им что-то мешает идти вперед, и они бредут по кругу, спотыкаясь и блуждая.

Многое им еще предстоит — они будут делать ошибки, путаться, метаться, расшибая лбы и обдирая локти, но они не дрогнут, не отступят, не устанут, они найдут свою дорогу, и этому порукой сама их жизнь, их честность, их стремление сделать что-то для себя и своего народа.

Ежась от ветра, Кайрат мысленно поклялся в этом перед памятью Даулета и перед собственной совестью.

Перевод с казахского автора.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Георгий ЗАЙЦЕВ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Поэма

> Личное дело — собрание документов, относящееся к какому-нибудь лицу.
> Личное дело — дело, осуществляемое лично.
>
> С. И. Ожегов.
> Словарь русского языка

ПРОЛОГ

Вся жизнь уместилась
в моей анкете:
Все, что мучило,
что болело,
Все, чем был занят
на белом свете, —
Личное дело!
Воспроизводит
корявый почерк
Дорог изгибы
и перевалы:
За каждой строчкой —
судьбы кусочек,
Который время
в себя впитало.

Я — на странице,
как на экране...
Строка — к строке —
на исходе дня.
И пониманье,
что все же станем
Далеким прошлым,
гнетет меня.
И с новой силой
горит желанье —
Оставить детям
не только строки,
А все, что было:
мое страданье,
Мое сомненье,
судьбы уроки.

Всю жизнь
вместила одна страница:
Все, что мучило,
что болело...
Да нет же, нет же —
не уместиться
Личному делу —
в «Личное дело»!

И потому я
пишу поэму —
Как комментарий
к судьбе обычной.
Она — типична,
но все ж — не схема:
Судьба всеобщая — единична.

1

Стиль — телеграфный:
«Пошел учиться...»
Родная школа,
учитель,
парты,
Моих друзей закадычных лица.
Два полушария — глаза карты.

Голодные годы после войны,
Но мы —
худющие пацаны —
Читаем громко стихи о воле,
О вечной боли,
о трудной доле.
В «Крестьянских детях»
России дети
Нам говорили о том,
что мы
Живем недаром на белом свете —
Сейчас, оттачивая умы.

...Урок окончен.
Суббота ныне.
Нас поджидают дела лесные.
В лес — на санках:
дрова нужны!
Г-голодно,
х-холодно после войны!
Я знаю:
мама моя права,
Что, словно воздух,
нужны дрова,
Что лютый холод
задушит нас...
Ходил тогда я
в четвертый класс...
Чтоб одарила
печка теплом —
Шел по сугробам я
напролом:
Искал сухие дрова в лесу...
Сквозь время —
бремя забот несу.
Тяжкое бремя,
горькое время.
Печка гудела —
личное дело!

2

За буквой — буква:
«Работать начал...»

Всего два слова,
но это значит,
Что я подростком пошел в поля,
Меня тянула к себе —
земля.
Она дышала,
она ждала,
Она решала судьбу села,
Она творила судьбу мою,
И сотворила — на том стою...

Пыль полевая —
она везде!
Понабивалась
и в рот,
и в уши.
Взросленье сердца
на борозде
И труд,
врачующий наши души.
С остервененьем тяну рычаг —
Вписаться надо на повороте,
Свинцовая тяжесть в моих плечах,
Еще не скоро конец работе.
Привозят ужин —
я лежа ем:
Дозаправляемся —
я и трактор.
И снова пашем —
покажем всем
Свое упорство
и свой характер.
Работа сутками —
не пустяк:
К рассвету ближе —
уже кемаришь
На этих мизерных скоростях.
Она упряма —
степная залежь...
А тело упасть на траву хотело —
Оно звенело,
оно гудело
На протяжении страдных дней
И становилось чуть-чуть сильней.

Ну а душа,
уставая,
пела —
Личное дело!

* * *

Помнишь девчонку?
Не шла, а летела,
Крыльями платья
шурша в тишине.
Как говорила,
смеялась
и пела
Девочка эта!..
Все — словно во сне:
Сердце мое —
воробей на холоде —
Сжалось в комочек — и
ни гугу!
Ах, до чего ж тогда
были мы молоды!..
Юность —
иголкой в большом стогу...
Я непонятным волнением скован.
Завтра записку я Ей напишу,
Как я люблю,
как я люблю!
Ну, словом,
все по порядочку
Ей расскажу...
Вздрогнула в садике старая вишня —
И обрывается ниточка грез.
Как же так вышло —
стал третьим лишним? —
Это мой личный,
жестокий вопрос.
Мне и теперь
вспоминается часто
Та
всколыхнувшая чувства весна,
Слово «прощай!».
Им короткое счастье

Перечеркнула беспечно ОНА.
Помню —
тогда я дошел до предела, —
Жить не хотелось.
Бессонница.
Боль.
Миг постижения:
личное дело —
Самая первая
в жизни любовь!

3

Пишу заученно:
«Служба в армии...»
Перед глазами
дороги дальние,
Отлично помню
колонны ротные
От пыли — серые,
от бега — потные.
Снаряды помню
в два пуда весом —
Я их разглядывал с интересом.
Моя задача —
попасть в мишень,
Но как в копеечку —
в белый день.
Потом на стрельбище
первым выстрелом
Разил мишени я
смутно-быстрые.
Меня похваливал старшина:
«Пару сапог
сберегла страна» *.
...Как в кинохронике —
марш к границе
И танков длинные вереницы,
И вот у Эльбы
мой танк завяз:

---

* В танковых войсках бытует мнение, что один артвыстрел равноценен паре кожаных сапог.

По горло —
то есть по башню —
грязь.
Да, было трудно вот здесь отцам!..
Снимаю куртку и лезу сам
В густую жижу,
тяну тросы.
«Не вешать,
черт побери,
носы!» —
Кричу ребятам.
Тянусь к крюкам.
Ох, достается моим рукам!
Иголки троса во мне кричат,
Мои занозы кровоточат,
Но надеваю я трос на крюк —
Уже не слышу я боли рук...
Рванули танки в десяток тяг —
Сейчас не кто-то —
болото враг.
У капитана лицо —
как медь:
Машину сгубим —
ему седеть:
Танк стоит дорого:
будь здоров! —
С полсотни новеньких тракторов...
Как бы всплывает из грязи танк.
И вновь дорога,
и гром атак!..
А руки
словно в огне горят,
Но как оставишь одних ребят?
Ученья наши —
не в парке тир,
А я не кто-то,
я — командир:
Терпеть — и точка!..
И вот привал.
Наш санинструктор меня «клевал»
Иглою тонкой,
как волосок...
В мозгу и в сердце
тот марш-бросок:

Дороги трудные,
команды зычные,
Строкой вошедшие
в «Дело личное».

4

И снова запись:
«Студент журфака...»
Пять лет науки —
не фунт изюма!
Мала «стипешка» моя.
Однако
Когда получишь —
большая сумма...
Но и сегодня я вспоминаю
Дух переполненного трамвая.
Читалки воздух и...
стройотряд,
В котором сорок,
как я,
ребят.
И Приишимье —
широкий дол,
Где пыль как порох.
Нет, хуже — тол!
Взрывоопасна она в глазу —
Ту пыль степную
в душе несу...
Мехток совхоза —
передний край:
От нас зависит наш каравай.
Носилки носим,
а в них — бетон —
Перетаскай-ка десяток тонн!..
Мозоли — алы,
ладонь — огонь.
Давай,
ребята,
не охолонь! —
Взгрохочет гулко
стальной мехток,
И хлынет в бункер
зерна поток...

Мы всей артелью
поем «Катюшу».
Прораб поддел нас,
царапнул душу,
Скользнул ухмылочкой шепоток:
«Тонки поджилки —
создать мехток!»
А пыльный ветер —
до темноты.
Прораб под вечер —
со мной на «ты»:
«Ты парень крепкий,
я зря ругал,
Ведь я другое предполагал:
Слезу уронишь — и
нырь под тент,
И не догонишь тебя,
студент!..»

Сияло солнце,
машины шли,
Мехток работал —
мы все смогли!
Душа светилась,
хрустело тело —
Все, что вершилось, — личное дело!

5

Пишу привычно:
«Женат, дочь — Оля...»
Мой стаж семейный —
двенадцать лет.
Какая Оле выпадет доля —
Вопрос тревожит.
Ответа — нет!
Врага ракеты готовы к старту —
Они готовы упасть на нас.
И снится часто:
вот дочь за партой,
И вдруг
во мглу исчезает класс.
Как это страшно!
Рыдает сердце

Так, словно просится из груди!
Ты небо чистое —
символ детства:
Заходишь, солнце,
но вновь взойди!
Очаг мой хрупок,
он может мигом
Разбиться в щепки
о злобу дня —
О гром ракетный...
Мрак станет игом —
Любой родитель
поймет меня.
Моя надежда,
мой лучик нежный!
Ночей бессонных неспешный ход —
Ты помнишь, дочка?
Так будь прилежной!..
А дочке минул десятый год.
Смышленей стала
и смотрит зорко.
Уже мальчишки глядят хитро.
Хочу на свадьбе я
крикнуть «Горько!»,
Хочу внучатам
носить «ситро».
О детство, детство!
Ты — солнца лучик.
И потому я, наверно, злюсь,
И потому меня совесть мучит,
Что в Дом ребенка войти боюсь.

Боюсь, не выйду —
откажет сердце:
Там дух сиротства
и горький плач...
О мать,
укравшая сына детство, —
Не символ жизни ты,
а палач!

Я сам не ведал отцовской ласки,
Я лишь в пятнадцать пришел к отцу.

О жизнь в сиротстве —
театр без маски,
Где слезы детские —
по лицу!
Не потому ли ценю безмерно
Жены улыбку
и дочки смех?
Не потому ли на сердце скверно
За материнский —
сиротства! —
грех.
И нам с женою несладко было —
Поднять ребенка
непросто,
нет!
Но мы считали:
дочь жизнь продлила
И нам,
и миру
на сотни лет.
Мой Олененок,
расти для счастья,
Но знай:
у жизни есть свой предел,
Спеши, родная,
принять участье
В приумножении
личных дел.

6

А в новой строчке пишу:
«Поэт...»
Какой оставлю на свете след? —
Я отвечаю за Белый Свет!..
О чем ты строчкою возвестишь?
Кого покажешь?
Кого взрастишь?
О мать-планета,
куда летишь?
В какие штормы,
в какую ширь?

Поэт — не кто-то,
а поводырь!
Что явишь миру в своей строке —
Луч света ночью на маяке?
Иль мглою хладной она дохнет,
И не поможет,
и не спасет?
Под гулы века
и гром ракет
Я отвечаю за Белый Свет —
За мир всеобщий,
без передела...
Честное слово —
личное дело!

7

Партийность? —
Член КПСС!
В деталях помню то собранье:
В горячем сердце —
ликованье,
Рабочих рук неровный лес.
Я ликовал,
но все земное
В тот миг нависло надо мною —
Невидимый,
тяжелый груз:
Под взглядом Ленина лучистым
Звучало:
«Стал ты коммунистом!» —
Казалось мне —
на весь Союз.
И понял я,
что значит это! —
Огонь бессмертный партбилета
Носить у сердца на груди,
Что значит первым быть в атаке,
Не глядя на различий знаки,
Сказать душе своей:
«Иди!»
Иди и требуй:
«Правды,
правды!»

И если прав —
твёрди, что прав ты,
И не давай убить мечты!..

И я шагал, не уставая,
Порой до солнца доставая,
Порой не видя высоты.
Казался всем
вороной белой,
Когда не очень-то умело
Я силе шел наперекор,
Но трудно было карьеристам
С таким ершистым коммунистом
Тогда...
И, впрочем, до сих пор.
И в том пути
Матросов Саша —
Взыскующая совесть наша —
Со мной был рядом
в трудный час.
А рядом с ним
вставала Зоя —
Моя землячка...
Впрочем, что я? —
Я земляком считаю вас —
Узбек,
казах,
грузин,
татарин —
Моя великая родня!
Горжусь,
что мой земляк — Гагарин,
Что мне Отчизны мир подарен —
Мир,
возвышающий меня...
Я светлый образ рядового —
В любых делах передового —
Солдата партии храню,
Чтоб люди новых поколений
Несли,
как знамя,
имя Ленин
Навстречу завтрашнему дню.

Чтобы назвалась
личным делом —
Моим,
твоим,
достойным,
зрелым —
Сегодняшняя наша суть,
Чтоб в «Личном деле»
за строкою
Узрел пространство непокоя
Потомок,
выбирая путь!

ЭПИЛОГ

Вся жизнь уместилась
в моей анкете:
Все, что мучило,
что болело,
Все, чем был занят
на белом свете, —
Личное дело!

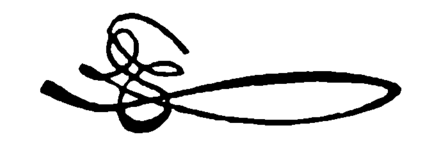
Мати моя!
Я с тебя начинаюсь.
Только счастливым
ты видеть хотела
Сына.
Ну что ж, я живу и не каюсь. —
Личное дело!
И не грущу я
вечерней порою,
Тяжко вздыхая,
что жизнь пролетела,
Что не начнется
другая —
Второе
личное дело!
В этом одном я хочу проявиться
Как гражданин —
как бы жизнь ни вертела...
Если сумею —
тогда состоится
Личное дело!

ПОСТСКРИПТУМ К ЭПИЛОГУ

«Прямо святой!
Остроты бы в поэму!» —
Слышу укор.
Так мне совесть велела —
Дегтем не мазать
высокую тему
Личного дела!
Да, не святой!
Сожалею, что было
То, что душа
говорить не посмела
В этой поэме.
Его не вместило
Личное дело!

Плюсы у памяти
все на замете,
Минусы вдруг
позабылись всецело:
Доброе семя, что сеял на свете, —
Личное дело!
Если и ты так считаешь,
товарищ,
Строя судьбу свою —
пусть неумело, —
То непременно
ты миру подаришь
Важное,
нужное
Личное дело!

Вместе нам «строить и месть».
Выходи же!
И начинай,
чтобы песней звенело
И становилось отчетливо ближе
Общему делу —
Личное дело!

ПОЭЗИЯ

Владимир **КОСТРОВ**

ПЕСНЯ, ЖЕНЩИНА И РЕКА

* * *

О близкой весне затрещала сорока,
Проклюнулся звонкий цыпленок
в овраге.
Я слышу броженье древесного
сока —
Как пиво в коргаче,
Как солнце во мраке.

Ах, белое с синим —
Российские гжели.
Прощается вялость,
Ломается снулость.
И гулкая ломкость, скажи, неужели
В тебе не проснулась?
Тебя не коснулась?

Победная травка взойдет по соломе
И первой росой твои очи не выест.
Звенят бубенцами сосульки на доме,
Где мусор — навынос,
А песня — на выезд.

Последняя вьюга свистит что есть мочи.
Все было и будет, и все как впервые.
Загоним в санях эти белые ночи,
А летом пролетку помчат вороные.

Так сладки душе глухариные драки,
И вешней водой наполняются реки.
И белые льдинки пройдут, как варяги,
По Черному морю отправятся в греки.

Сервиз этот зимний расколем на части,
Разуем снега, чтоб цветы не прокисли,
Так, чтобы очнулись для нежной напасти
И свежие чувства,
И свежие мысли.

* * *

В керосиновой лампе — клочок огня.
Все у меня под рукой.
Ты, Россия моя, наградила меня
Песней, женщиной и рекой.

Нет. Поля и леса не пустой матерьял,
Да и солнышко вдалеке.
Но себя я терял, когда изменял
Песне, женщине и реке.

У собрата денег полон кошель,
Пуст карман моего пиджака.
Но с годами все так же прекрасна цель —
Песня, женщина и река.

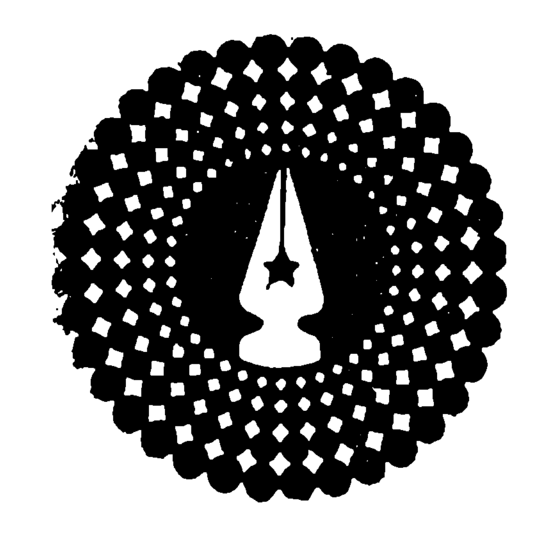
И когда, с последним ударом в грудь,
Сердце станет на вечный покой,
Я хотел бы услышать не что-нибудь —
Песню женскую над рекой.

Эта жизнь — рефрен,
Эта жизнь — повтор,
Прекрасная маета.
Ты надежда моя и мой укор.
Завещание и мечта.

* * *

Есть. Есть в Отечестве моем
Любви моей предмет,
Которому, как и любви,
Цены на свете нет.
Он не отбрасывает тень.
Но излучает свет.
Не лазер,
Не алмаз,
Не скань.
Не радий. Не свинец.
Он сам, не рассекая ткань,
Доходит до сердец.
И сокрушающий его,
Им будет сокрушен.
Не принимающий его,
Да будет обольщен.
Бесплотный, он являет плоть
Перед лицом невежд,
И волчье солнце не взойдет
Над кладбищем надежд.
Он как вина и как судья
Передо мной предстал.
Предмет словесности. Судьба.
«Магический кристалл».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

БОЙЦЫ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

Г. ПОДОПРИГОРА

«ТАМ, ГДЕ ТЯЖЕЛЕЕ...»

I

Историческая ночь 3(16) апреля 1917 года. К перрону Финляндского вокзала медленно подходит поезд. В дверях показалась фигура Ленина. О первых минутах пребывания Владимира Ильича после долгих лет эмиграции на родной земле Н. К. Крупская вспоминала: «Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей. В числе их с красной перевязью через плечо Чугурин — ученик школы Лонжюмо; лицо его было мокро от слез... Тот, кто не пережил революцию, не представляет ее величественной, торжественной красоты».

И хотя не так уже много осталось в живых участников той волнующей встречи, автору этих строк посчастливилось беседовать со старыми большевиками — ленинградцем В. П. Виноградовым и москвичкой А. А. Янышевой, которые видели и слышали Ильича в тот исторический час. Как свидетельствуют их рассказы и документы, события развивались следующим образом. Подъезжая к Петрограду, Ильич беспокоился по поводу запаздывания поезда.

— Верно, и извозчика не найдется? — терялся он в догадках.

И надо понять то удивление, которое испытал Владимир Ильич, увидев на перроне ряды замершего почетного караула и сотни радостных, улыбающихся лиц. Ленин сразу узнал Ивана Дмитриевича Чугурина и спросил:

— А чей караул?

— Наш, Владимир Ильич, на площади и броневики наши, — ответил Чугурин.

Иван Дмитриевич, один из руководителей Выборгской районной парторганизации, пожал руку Ленина и, сдерживая волнение, сказал:

— Владимир Ильич, мне поручено в ознаменование вашего приезда на Родину вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей организации.

Ленин бережно взял билет.

— Благодарю вас, товарищ Петр. — И Владимир Ильич обнял и расцеловал своего ученика.

В сопровождении тысяч питерцев Ленин отправился в здание ЦК партии (дворец Кшесинской). В кругу близких товарищей и друзей Ильич провел здесь почти всю ночь. Перед самым рассветом он напомнил о проводах в Лонжюмо и предложил спеть. Усталый, но счастливый И. Д. Чугурин оказался в кругу самых видных соратников Ленина. Пели они те же русские и революционные песни, что и над Сеной, в Париже.

Читатель догадался, что «товарищ Петр» — это партийная кличка Ивана Дмитриевича Чугурина — одного из активных деятелей Октября, большевика-ленинца.

15 (28 августа) 1883 года в семье сормовского рабочего-кровельщика Дмитрия Ивановича Чугурина родился мальчик, которого нарекли Иваном. Когда Ване минуло семь лет, родители отдали его в частное приготовительное училище. Через два года расторопного мальчугана переводят в церковноприходскую школу сразу в третий класс. Через год, осенью 1894 года, Чугурин-младший становится учеником кровельщика в вагонном цехе сормовского завода. Ему шел в ту пору одиннадцатый год. А в тринадцать — он уже заводской рассыльный, в пятнадцать — член рабочей артели отца. К слову сказать, старшинство в артели не давало преимуществ в заработке, но свидетельствовало о доверии рабочих.

Тяжелый труд и бесконечные материальные лишения рано состарили Дмитрия Чугурина. Он умер, когда сыну не исполнилось еще и семнадцати. Ивану Чугурину претила роль связного между администрацией и рабочими. Он отказался после смерти отца от предложения возглавить артель и ушел в фонарный цех. Здесь он быстро сдружился с мастеровыми. Вскоре случилось такое, что взбудоражило все Сормово. Заводчик затянул выдачу зарплаты. Семьи рабочих голодали, и их терпение лопнуло. Они дружно выступили с протестом. Толпой подошли к конторе и стали требовать заработанные деньги. Не скоро появился на крыльце управляющий и объявил, что зарплаты не будет. Среди собравшихся прокатилась волна возмущения. Они начали бить окна конторы и остановили электростанцию. А потом разгромили полицейский

участок. Это было первое массовое выступление сормовичей против самодержавных порядков. И хотя оно возникло стихийно, в нем таился заряд будущих революционных бурь. Юноша Иван Чугурин принимал в нем участие.

Год за годом зрела пролетарская сознательность. Совершенствовались методы борьбы. Многие сормовичи участвовали в знаменитой первомайской демонстрации 1902 года, ярко запечатленной в романе Горького «Мать».

— Я, — вспоминал Иван Дмитриевич, — тоже вышел на улицу. Очень уж тянуло меня к демонстрантам — товарищам по работе, хорошим и честным людям. Алексей и Семен Барановы несли полотнище с надписью «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». Видел Петра Заломова, Дмитрия Павлова, Ивана Савина, братьев Князевых и Дмитрия Супягина. Потом налетели каратели. Жандармы и солдаты окружили демонстрантов. Арестовали Петра Заломова. Но он был спокоен и высоко держал в руках алое знамя со словами «Долой самодержавие!».

После демонстрации 1902 года активный революционер Александр Князев ввел 19-летнего Чугурина в марксистский кружок Федора Рыбникова, который работал нелегально под руководством Нижегородского комитета РСДРП.

Среди слушателей кружка было немало рабочих, которых Иван Чугурин знал и которым верил, как себе. Иван Савин, Федор Рыбников, Александр Князев, Иван Опарин — друзья испытанные, на первомайской демонстрации они шли первыми. В кружке Чугурин впервые встретился с Ильей Чернышевым — человеком начитанным, образованным. Именно он пробудил в молодом, революционно настроенном рабочем живой интерес к теории Маркса, дававшей четкие и ясные ответы на волновавшие его вопросы.

Хорошо уяснив, что теория без практики мертва, Чугурин весь отдался опасной нелегальной работе. «Какое бы поручение мне ни дали, — вспоминал впоследствии Иван Дмитриевич, — я старался его выполнить аккуратно и как можно лучше». Это качество Иван Чугурин пронес потом через всю жизнь.

Для молодого Чугурина это было время активного самообразования, изучения марксистской философии и одновременно начало практической революционной деятельности: ведется большая агитационная работа по привлечению в кружок новых товарищей.

Хорошо присмотревшись и изучив своего напарника Михаила Золина, с которым он работал у одного горна, Чугурин убедился, что товарищ живет теми же мыслями и настроениями, что и он, полон желания бороться с угнетением и несправедливостью. Иван Дмитриевич привел Золина на тайное собрание кружка, которое произвело на молодого рабочего большое впечатление. Оказывается, с хозяевами можно бороться, царизм — злейший враг всех людей труда, и он должен и будет свергнут. Но чтобы это произошло, рабочему классу нужно организоваться и иметь свою партию.

Позже агитатор Чугурин вовлек в нелегальный кружок рабочих Павла Кошелева и Максима Щеголева. Так полнились ряды нижегородской организации РСДРП.

Но не дремала и царская охранка. Вскоре за решеткой оказались Дмитрий Павлов и Федор Рыбников. Но кружок обезглавить было уже трудно. В нем выросли новые агитаторы и организаторы. Руководить кружком стал Иван Савин. Чугурин был его бли-

жайшим помощником. Провалы научили кружковцев быть более бдительными в революционной работе. Ведь от слов переходили к делу: началась подготовка членов партии. Одновременно усиливалась пропаганда передовых идей в рабочей среде.

В 1903 году подпольщики решили купить печатную машину. Но не хватало денег. В это время на Нижегородской ярмарке пел Ф. И. Шаляпин. Революционеры решили обратиться за помощью к нему. Но как это сделать? Яков Свердлов, Иван Чугурин и А. Е. Воробьев поехали к Алексею Максимовичу Горькому посоветоваться. Писатель подумал, одобрил идею и отправился со всеми к Федору Ивановичу Шаляпину. В театре шла репетиция «Фауста». Великий певец исполнял партию Мефистофеля. Шаляпин встретил гостей в своей артистической уборной. Горький изложил просьбу.

— А это не опасно? — спросил Шаляпин. — Ведь риск огромный!

Горький ответил, что просители — народ опытный.

Шаляпин сказал, что даст ответ на следующий день, а ходоков пригласил в оперу. Через три дня Я. М. Свердлов сообщил, что деньги получены и печатный агрегат закуплен.

Свердлов и Горький знали Чугурина еще на заре его революционной деятельности и относились к нему, к девятнадцатилетнему партийцу, с большим доверием.

Шел 1905 год. Незадолго до вооруженных выступлений пролетариата Петербурга и Москвы в Нижнем Новгороде собрались на свой съезд учителя. Большевики-нижегородцы не преминули воспользоваться легальной возможностью выступить и поговорить откровенно с просвещенной интеллигенцией, призвать ее поддержать рабочих в их нелегкой борьбе против царизма.

Агитаторы прошли в зал заседаний. Прозвучали приветственные речи. Попросил слова Иван Савин. Говорил он кратко, взволнованно, делая упор на политические задачи: учительство не может оставаться глухим к нуждам рабочих. Президиум съезда не ждал такой речи, и председательствующий поспешил лишить оратора слова. Но Савин готовился и к этому и не покинул трибуну, пока не закончил речь.

Понимая, что царские ищейки следят за ним, представитель сормовских рабочих попытался выбраться из зала. Полицейские преградили путь, Чугурин бросился товарищу на помощь. Но было уже поздно. Савина отправили в полицейский участок. Тогда Чугурин вернулся в зал и стал настаивать, чтобы съезд заявил свой решительный протест против ареста рабочего, выразившего справедливое возмущение войной и тяжелым положением трудового народа.

В отсутствие полицейских президиум съезда оказался более сговорчивым. Учителя вступили в переговоры с властями. Тем временем подошли сормовичи... Полиции пришлось освободить задержанного.

Царизм усиливал репрессии. Расстрел мирной демонстрации 9 января в Петербурге всколыхнул всю страну, в том числе и сормовичей. В революционную борьбу втягивались уже не десятки, а сотни и тысячи рабочих, ремесленников, служащих. Этому содействовала боевая большевистская агитация. Чугуринский дом, в котором жил и Савин, превратился в своеобразный штаб революции в Сормове. Сюда приходили многие рабочие, готовые

драться с царизмом до конца. Толчком этой решимости стали драматические события, происшедшие здесь еще в апреле 1905 года. В один из воскресных дней под видом отдыхающих на берегу Волги собрались рабочие. Они пришли послушать Якова Михайловича Свердлова. Он рассказывал о бездарности царских генералов, обнажившейся в войне с Японией, призывал не посылать своих сынов умирать за капиталистов и помещиков, а на насилие царя ответить насилием...

Показалась полиция, но рабочие не дрогнули и не выдали оратора. Всей массой двинулись в сторону города с революционными песнями. Произошла стычка. Шестеро рабочих получили ранения. Но шествие продолжалось. Женщины подавали своим мужьям камни. Те, у кого было оружие, стреляли. Полиция не на шутку испугалась и едва унесла ноги. На сормовских улицах набатом зазвучала песня «Замучен тяжелой неволей». Многие плакали, проклиная палачей, раздавались призывы идти и разгромить полицию.

Именно в этот период в Сормове появляются первые пролетарские народные суды. Прямое участие в их организации принимал Чугурин. В пролетарских судах дела разбирались по своим еще неписаным законам трудящихся. Для поддержания порядка была создана и своя милиция. Сормовичи поднимались на борьбу организованно, сказывалась напряженная, активная работа большевиков-ленинцев среди рабочих.

Всеобщая забастовка перерастала в восстание. Вот что писал по этому поводу В. И. Ленин:

«Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну. Встает Крым (Симферополь) и юг. Бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний)...»

Вождь выражал твердую уверенность в силе тех, кто вооружается и кто поднимает за собой рабочие массы. Сормовичи действовали по-революционному решительно. Но, несмотря на героизм восставших, их выступление было сурово подавлено. Перед царским судом предстало 16 революционеров. Чугурину и Савину, бросавшим бомбы в жандармов, удалось скрыться. Скрыться, чтобы появиться в Перми, где Иван Чугурин по поддельным документам устроился на Мотовилихинский завод.

II

Пермь. На одной из явочных квартир идет заседание комитета РСДРП. Посреди комнаты стоит худощавый черноволосый юноша в пенсне и что-то убедительно доказывает.

— Яков! Свердлов! — не в силах сдержать радость от столь неожиданной встречи, воскликнул Чугурин.

Товарищи настороженно переглянулись.

— Здравствуй, — повернулся оратор, — только Свердлова здесь нет, а есть гражданин Лунц. А теперь устраивайся и продолжим работу, товарищ...

— Константин Алексеевич Вощинин, мещанин Мурома, Владимирской губернии, — как можно тверже сказал Чугурин, и Свердлов одной улыбкой дал понять, что он все понял.

Двадцатилетний Яков Свердлов представлял в то время

ЦК РСДРП на Урале. Его деятельным помощником и членом Пермского комитета стал Иван Чугурин. К сожалению, совместная работа продолжалась недолго. По доносу провокатора начались аресты. Схватили и Чугурина.

При аресте он оказывал жандармам отчаянное сопротивление, и его сильно били. Рассказывают, что, когда революционера привезли в тюрьму, начальник тюрьмы, привыкший и не к такому, пожурил сыщиков: «Ну зачем же так, не конокрад же, а политический — умрет ведь без допроса!»

Но Чугурин выжил. Очнулся в тюремной больнице. Вскоре начались допросы. Они следовали один за другим. Становилось очевидным — в организацию, в Пермский комитет, проник осведомитель. Охранке известно многое, хотя настоящую его фамилию жандармы еще не знают.

Почти пять месяцев шло следствие. Ничего нового охранка от арестованного не узнала. Единственное, чем мог похвастать следователь, так это тем, что удалось установить: Чугурин и Вощинин — одно и то же лицо.

В тюрьме Иван Дмитриевич просидел полтора года, пока наконец следствие передало дело в Казанскую судебную палату, которая приговорила его к одиночному заключению в крепости.

Три с половиной года просидел в тюрьме Чугурин. Ему шел тогда двадцать шестой год. Своих товарищей по борьбе Иван Дмитриевич снова увидел только осенью 1909 года.

Еще в тюрьме И. Д. Чугурину дали явочный адрес в Киеве. Здесь его вскоре избирают членом Киевского комитета РСДРП. Как разносчик газет он стал появляться в пролетарских кварталах города. Здесь были полулегальные рабочие клубы. Одаренный пропагандист часто выступает в них, ратует за сохранение партийных рядов, за накопление сил для грядущих боев, за единство партии. Чугурин страстно боролся с ликвидаторами и отзовистами.

Активная деятельность только что вернувшегося из тюрьмы революционера привлекла внимание стражей царизма. Как докладывал по инстанции начальник Киевского губернского жандармского управления 31 декабря 1910 года, «Чугурин агитировал среди членов клуба в целях возобновления деятельности Российской социал-демократической партии и готовился быть пропагандистом и организатором кружков...». Вскоре его снова арестовывают.

Генерал-майор киевской жандармерии Леонтьев докладывал губернатору, что задержанный и допрошенный им Чугурин «является активным участником событий в Сормове», что он «лицо вредное для общественной безопасности». Шеф киевских жандармов просил губернатора выслать «смутьяна» за пределы юго-западного края империи. Над революционером-профессионалом нависла тень строжайшего негласного надзора.

Иван Дмитриевич вынужден тайно покинуть Киев и переехать в Екатеринослав. Но и здесь незамеченным он долго не остается. Чтобы оторваться от слежки, Чугурин покидает и этот город и возвращается на Волгу, к товарищам-сормовичам.

Он, конечно, тогда еще не знал, что вскоре ему придется снова и надолго покинуть родные края и что в самом недалеком будущем судьба его озарится великим вдохновением от встреч с вождем русского пролетариата. В это время под непосредственным руководством ЦК шел отбор кандидатов в заграничную школу про-

пагандистов, известную теперь как партийная школа Лонжюмо. Сормовичи рекомендовали на учебу за границу Ивана Дмитриевича Чугурина.

III

В горьковском архиве сохранилось перлюстрированное письмо И. Д. Чугурина от 12 февраля 1911 года, которое он послал своим друзьям в Киев с радостным для него известием, что его направляют в ленинскую школу под Парижем. Хорошо понимая важность замысла партийного руководства подготовки кадров из числа испытанных рабочих-революционеров, он на правах старшего советовал киевлянам отобрать в школу лучших товарищей. При этом, зная, что письмо может попасть и в руки охранки, он никого полным именем не называл. К примеру, «Д. Ш.» он не считал подходящим кандидатом, а вот «детину на Д» — лучшим из лучших.

Письмо это — документ высокой партийной ответственности И. Д. Чугурина, его тесной связи с жизнью тех парторганизаций, в которых приходилось работать. Уже будучи в Париже, Чугурин продолжает переписку с киевскими товарищами. Так, в письме от 11 июня 1911 года (тоже перлюстрированном!) он сообщает им:

«Мы сейчас очень продуктивно ведем чтения. Общее чтение дает лучшие результаты, чем в отдельности. Читают теперь по политэкономии Ленин, по искусству и литературе Луначарский, о профдвижении — товарищ Николай (нижегородский подпольщик Н. А. Семашко *. — **Авт.**). Очень хороший знаток профдвижения... Практические занятия заключаются в том, чтобы приучить лучше излагать статьи, говорить, вести пропаганду...»

От старших товарищей по партии Иван Дмитриевич много слышал о Ленине, жадно читал его статьи, книги, смело нес ленинские идеи в массы. И вот теперь в Лонжюмо ему выпала счастливая возможность слушать Ленина, разговаривать с ним, советоваться по животрепещущим вопросам революционной борьбы. Впервые об этой яркой странице своей жизни он рассказал в газете города Георгиевска Ставропольского края «Сталинское слово» 25 января 1941 года. Более подробные воспоминания Чугурина об этих и других встречах с Владимиром Ильичем Лениным несколько позже были переданы женой Ивана Дмитриевича Г. Э. Чугуриной в Музей Октябрьской революции в Ленинграде. Так как полностью и даже частично они нигде не публиковались — приведем их с некоторыми сокращениями.

«...Я знал, что преподавать в школе будет товарищ Ленин. Чувство радости и тревоги охватило меня: под силу ли мне освоить марксистскую науку, подготовлен ли я к этому? Не зря ли будут затрачены средства?

Сомнения росли. Успокоение вносило то, что преподавать согласился сам Ильич, вождь рабочего класса. Он знает, что нужно всем нам, чтобы научиться бороться против гнета капитала.

Прибыв на явку в Париж, я сразу же стал спрашивать товарища, когда увижу Ленина. Старался узнать, как он принимает рабочих и очень ли он строг. Встретивший меня успокаивал, что Ильич очень внимательный, свой, и все страхи рассеются при встрече.

На другой день я переступил порог квартиры Ленина. Встре-

---

* Н. А. Семашко — после победы Октября первый нарком здравоохранения Советской Республики.

тила Надежда Константиновна. Приветливо поздоровалась, попросила подождать, Владимир Ильич умывается.

— А у нас гость из России! — крикнула она ему...

По мягкому голосу я почувствовал, что бояться нечего, и стал понемногу успокаиваться. Окидываю взором квартиру Ленина: маленькая кухня с газовой плиткой, где едва могут поместиться двое. Несколько больше столовая с четырьмя простыми стульями. Вижу стол, на котором лежат газеты, а в глубине шкаф с книгами и этажерка. Скромная обстановка импонировала мне, простому рабочему.

Вышел Ильич с полотенцем на шее. Немного картавя, подал руку:

— Здравствуйте, товарищ, откуда? Как приехали? Какие приключения были в дороге?

Эти вопросы сняли напряжение. А Ильич стал расспрашивать: когда и где вступил в партию, сколько просидел в тюрьме. Расспрашивает, а сам незаметно усаживает за стол и подвигает чай, хлеб, просит покушать. За чаем я рассказал о работе в киевском легальном рабочем клубе. Очень насторожился Ленин, когда я стал говорить о поведении легалистов и меньшевиков. Потом рассказал, как мы, большевики, используем клубы для пропаганды марксизма и вовлечения рабочих в партию.

Ильич предложил мне написать об этом в рабочей газете, подчеркнув, что это очень важно. Присутствовавшей здесь Надежде Константиновне Ленин сказал: «Отбери материал, он очень ценный, мы покажем им (меньшевикам), как они предают интересы рабочего класса».

Просьбу Ильича я выполнил, и в газете «Гудок» мои заметки о соглашательстве меньшевиков и ликвидаторов были опубликованы.

Из ленинской квартиры меня направили в общежитие, куда обещал прийти в два часа В. И. Ленин.

Так же просто, непринужденно вел себя наш учитель и на занятиях. Сперва он разъяснял «Манифест Коммунистической партии». Мы уселись вокруг него. Он стал читать и задавать вопросы. По ответу одного спрашивал другого — верно ли ответил товарищ, потом вносил свои поправки.

После занятий — расспросы: как мы провели утро, куда ходили — и тут же советовал побывать там-то и посмотреть то-то. Уходя, извинялся, говорил, что очень занят.

А товарищи все прибывали. Нас перевели в Лонжюмо, и здесь занятия стали регулярными. К школе переехал и Ленин. Он ежедневно приходил в десять утра и заставал нас в сборе. Тут же мы и столовались с Ильичем.

Усевшись, Ленин брал «Капитал» и разъяснял абзац за абзацем. И все у него получалось кратко и ясно. По «Капиталу» он прочитал 29 лекций.

В воскресные дни мы совершали прогулки в лес, к Сене. Здесь собирали и завтрак, а потом пели и отдыхали. Очень любил Ильич народные песни о Степане Разине, другие волжские напевы. Песни эти о русском просторе, силе и задоре мы все знали и исполняли умеючи. Вокруг нас собирались французы, и Ленин объяснял им содержание русских песен.

Мы получали письма из России и прочитанным делились с Лениным. Если приходили дурные вести, наш учитель не давал унывать, подавал добрые советы.

А на уроках — всегда живых и интересных — он любил над кем-нибудь подшутить. Нравилось ему, когда мы сами вступали в спор. Чаще всех это делал Серго Орджоникидзе.

После четырех месяцев учеба закончилась. Наступил прощальный вечер. Сидим, переговариваемся. О том, как вернемся домой и начнем работу, где и когда встретимся: на баррикадах ли или в ссылке, а может, и на каторге?

Последним слово берет Ильич. Он еще раз убеждает, что революция в России не за горами, что на этот раз крестьянство поддержит нас более энергично, потому что царское правительство и Дума не решили и не могут решить крестьянский вопрос. Одна революция, во главе которой будет рабочий класс, может это сделать».

Школа, которую закончил Чугурин, была единственной в своем роде, без аналогов. Она оставила в каждом из слушателей неизгладимый след. Ученик гордился ею всю жизнь. В анкетах и автобиографии Иван Дмитриевич неизменно записывал: «Закончил ленинскую школу».

В 1911 году, незадолго до Пражской конференции большевиков, Ленина беспокоила ошибочная позиция Плеханова в вопросах теории и практики революционной борьбы. Авторитет Георгия Валентиновича был высок не только в России, и Владимир Ильич искренне хотел помочь ему освободиться от многих ошибок и заблуждений.

После окончания занятий в Лонжюмо, где Плеханов преподавать отказался, Ленин подготовил нескольких выпускников школы и, предварительно списавшись, направил их в Женеву, к Плеханову. Прощаясь, Ильич просил Чугурина и его товарищей рассказать Георгию Валентиновичу, как ведут себя в России ликвидаторы и меньшевики. Это, заметил Ленин, для Плеханова будет очень ценно, так как сведения, которые он получает, передаются случайными проезжими, не связанными с рабочими. Сам же Георгий Валентинович переписывается с двумя-тремя интеллигентами да с братом, который может ему сообщить лишь о том, как живут липецкие помещики. И вот, будучи оторванным от жизни, Плеханов пытается влиять на практическую линию партии, а по существу, мешает ей.

Чугурин и Савва (кличка Якова Давидовича Зевина, тоже выпускника ленинской школы, затем участника Пражской партийной конференции и бакинского комиссара, казненного в сентябре 1918 года) встретились с Плехановым и беседовали с ним о партийной жизни в России. Рассказывая о линии меньшевиков и ликвидаторов, Чугурин недвусмысленно заявил: они больше думают о разных соглашениях, нежели о реальной борьбе. Дело дошло до того, что ликвидаторы запрашивают у полиции разрешения на прочтение лекций и очень уж пекутся, чтобы не испугать самодержавие. Бывали случаи, говорил Чугурин, когда меньшевики и ликвидаторы позлее жандармов набрасывались на большевистских ораторов, когда те поднимались на трибуны, чтобы вести речь о повседневных нуждах пролетариата. Даже полиции выдают...

Плеханов внимательно выслушал учеников Ленина и разволновался. Он заявил, что согласен с тем, что партия должна быть нелегальной, если царизм объявил ее вне закона, но и с другими надо считаться...

— Даже если эти другие готовы душить революцию? — наступали ученики Ленина.

Спор шел на берегу Женевского озера. Плеханов возражал и доказывал, что надо быть терпимее к инакомыслящим, а потом, задумавшись, предложил встретиться с одним видным западным социал-демократом. При встрече Плеханов, представляя гостей, подчеркнул, что это рабочие из России. Западный деятель расспрашивал Чугурина и Зевина о пролетарском движении в их стране и роли в нем интеллигенции. Гости отвечали подробно, со знанием дела. А интеллигенция, развел руками Чугурин, активности не проявляет, потому как лучшая ее часть в тюрьмах да в ссылках.

Последовал еще один вопрос: как рабочие России смотрят на то, что их друзья на Западе, выступая против реакции, поддерживают прогрессивные законы и видят в этом рост общей культуры? А чем культурнее страна, тем легче жить рабочим и тем меньше надо тратить сил на борьбу с реакцией...

Плеханов перевел вопрос, улыбнулся: «Ну как, ответите?»

— Скажите этому господину, — начал Чугурин, — что в России нет таких рабочих партий, которые опирались бы на интеллигенцию и просвещенных капиталистов. У вас, на Западе, буржуазия имела большое влияние на пролетариат и не раз загребала жар его руками, мы же с помощью Советов выкинули всех либералов и колеблющихся за борт. Нет, не через влияние буржуазных идей, а через жестокую борьбу с маловерами и ликвидаторами лежит путь создания боевой пролетарской организации.

Разговор в этом духе продолжался, и Плеханов с нескрываемой гордостью переводил. И вдруг неожиданный, заковыристый вопрос:

— А друзья Плеханова — действительно простые рабочие? Очень уж грамотно рассуждают...

Услышав такие слова, Чугурин показал западному деятелю свои руки, мозолистые, со следами копоти, изъеденные кислотой (Иван Дмитриевич и в Лонжюмо работал жестянщиком, заработками делился с товарищами).

— Теперь мне ясно, — сказал социал-демократ, — что дела русского самодержавия плохи.

На обратном пути Плеханов разговорился как-то просто и естественно, без тени нравоучения:

— Как хорошо я себя чувствую, как хорошо дышится...

Чугурин и его товарищ задержались еще на несколько дней в Женеве. Георгий Валентинович часто навещал их в гостинице. Он согласился прочитать несколько лекций по теории познания и о материалистическом понимании теории. К ленинским ученикам примкнуло еще несколько эмигрантов.

Но скоро пришло время расставаться. Ученики Ленина спешили домой, они рвались в бой. Не дремала и царская охранка. Через своих осведомителей она узнала о месте и времени перехода границы Чугуриным. Он был схвачен. Министр внутренних дел распорядился о ссылке революционера в далекий и глухой Нарымский край.

Как опаснейшего преступника конвоировали Чугурина к месту ссылки. На всем пути следования от западной границы до нарымского села Парабели охранка буквально не сводила с него глаз.

Из томской тюрьмы пароходом ссыльные прибыли в Колпашево. На берегу толпились люди — всем хотелось встретить первый ве-

сенний пароход. Во все глаза смотрели и пассажиры. Но разглядеть кого-либо было трудно. И только когда с берега раздался звучный голос: «Откуда вы, товарищи?» — Иван Дмитриевич сразу узнал Свердлова.

Чугурин быстро сошел на берег и сразу же увидел Якова Михайловича. Они обнялись. Соратники по борьбе не виделись более шести лет.

— Прямо из Парижа — в Нарым! — взволнованно рассказывал Чугурин. — Закончил школу в Лонжюмо, встречался с Лениным и Крупской. Готовится партконференция, разрыв с меньшевиками — полный!

— А мы тут Первого мая массовку устроили, жандармы вне себя, — отвечал Свердлов.

В 30 километрах от Нарыма, в Парабели, Чугурина высадили. Здесь ему предстояло отбывать ссылку. Но такая перспектива не устраивала профессионального революционера. И он разрабатывает план побега. Не собственного, а по законам партийного братства — в первую очередь Свердлову.

Якову Михайловичу побег удался. Он благополучно добрался до Петербурга. А Чугурина задержали в Туле, где он делал пересадку, намереваясь попасть к киевским друзьям. Желанной свободы пришлось ждать долгих пять лет.

IV

В одной из анкет Иван Дмитриевич записал: «В тюрьмах и ссылках просидел в общей сложности около 11 лет». С таким «багажом» осенью 1916 года он прибыл в Петроград. Еще в Сибири друзья снабдили его адресами надежных людей. Товарищи по партии встретили Ивана Дмитриевича тепло. Помогли устроиться на завод «Промет» жестянщиком. На заводе было около трех тысяч рабочих, но без партийной организации. Условия труда были тяжелыми. За малейшую провинность — штраф, заработанных денег не хватало даже на пропитание.

Чугурин сумел выявить революционно настроенных рабочих и вместе с ними организовал забастовку. В военное время сделать это было нелегко. Зачинщика нашли. Грозили отдать под суд. Пришлось скрываться. С помощью подпольщиков перебрался на машиностроительный завод «Айваз». Здесь действовала крепкая большевистская организация, к голосу которой прислушивались рабочие, словом и делом поддерживали ее. Партийцы, зная о заслугах Ивана Дмитриевича в первой революции, кооптировали его в состав нелегального Выборгского райкома партии, а затем и в исполнительную комиссию Петроградского комитета РСДРП(б).

В январе 1917 года, в годовщину Кровавого воскресенья, было решено провести общепитерскую забастовку. Извещение готовились размножить типографским способом. Но из-за налета полиции на типографию его получили только на Выборгской стороне. Потом к выборжцам присоединились демонстранты Невского, Петроградского и Московского районов. На улицы и площади столицы вышло около двухсот тысяч человек. Это был большой успех большевиков.

В дни крушения самодержавия И. Д. Чугурин показал себя исключительно энергичным и организованным бойцом-ленинцем. Он

работал тогда с такими испытанными большевиками, как Н. И. Подвойский, Н. Ф. Агаджанова, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. П. Виноградов. Товарищи высоко оценили его незаурядные качества организатора и практика революционной борьбы. Не случайно в апреле 1917 года ему было оказано высокое доверие вручить на Финляндском вокзале В. И. Ленину партийный билет № 600 большевистской организации Выборгской стороны Петрограда.

Приезд Ленина в Россию ускорил подготовку к социалистической революции. Занятость у вождя в то время была огромной. Но он выкраивал время для встреч со старыми друзьями. Не раз он виделся и с Чугуриным. Об этом периоде Н. К. Крупская, которая с первых дней возвращения на родину работала рядом с Чугуриным на Выборгской стороне в управе, написала воспоминания. Как-то Чугурин пожаловался на обилие дел судебного порядка и предложил создать свой пролетарский суд.

«Такие суды проводились кое-где в революцию 1905 года, — писала Н. К. Крупская, — например, в Сормове. Тов. Чугурин, которого я хорошо знала по партийной школе под Парижем, в Лонжюмо, и с которым мы теперь работали вместе... был сормовец. Он предложил начать организовывать такие суды и в Выборгском районе».

В этих же воспоминаниях Надежда Константиновна рассказывает и о первом заседании рабочего суда в помещении Народного дома. Народу набралось уйма. Выступали многие работницы и рабочие, произносились горячие речи.

«По существу дела, — заключает Крупская, — это был не суд, а общественный контроль над поведением граждан, выковывалась пролетарская этика. Владимир Ильич чрезвычайно заинтересовался этим судом и выспрашивал у меня все детали его».

С именем И. Д. Чугурина связано и рождение в России пролетарского союза молодежи. Весной 1917 года трудящиеся массы впервые легально встречали Первомай. В ходе подготовки подростков-рабочих петроградских заводов «Русский Рено», «Новый Леснер» и других предприятий Выборгской стороны появилась мысль выйти на праздничную демонстрацию вместе со взрослыми, но отдельной колонной, со своими знаменами и лозунгами.

«Мальчики завода «Русский Рено», — читаем мы в «Правде» от 11 апреля 1917 года, — обратились к Выборгскому районному комитету с просьбой предоставить им 18 апреля особо демонстрировать при группе одних малолетних всего Выборгского района впереди всех рабочих со своими оркестром и флагами... Районный комитет постановил удовлетворить их просьбу и передал разработку плана в организационную комиссию, которая, со своей стороны, обращается ко всем мальчикам, работающим на фабриках и заводах Выборгской стороны, чтоб они избрали из своей среды представителя для обсуждения совместного празднования Первого мая».

Редакционная заметка в «Правде» заканчивалась обращением соответствующей комиссии районного комитета партии ко всем комитетам РСДРП(б) Петрограда «организовать среди мальчиков таковые демонстрации».

11 апреля 1917 года при поддержке выборгских большевиков фабрично-заводские ученики и подростки провели общерайонное собрание, на котором рассмотрели вопросы организации их пер-

вомайской демонстрации. Представителей рабочей молодежи принял И. Д. Чугурин. По его предложению райком партии решил создать первый в Петрограде районный союз рабочей молодежи. Иван Дмитриевич открывал и первое районное собрание фабрично-заводских подростков и приветствовал их от имени райкома РСДРП(б).

Работу по организации пролетарской молодежи И. Д. Чугурин вел на Выборгской стороне, конечно же, не в одиночку. Этим много и активно занималась Надежда Константиновна Крупская. Это она почти тогда же предложила проект Устава пролетарского союза молодежи. Его положения были изложены в статье «Как организоваться рабочей молодежи».

Статья явилась ответом на запросы самой жизни: по примеру выборжцев пролетарские союзы начали создавать молодые рабочие во многих других городах и районах России.

В бурном семнадцатом И. Д. Чугурин окончательно легализировался и стал выступать под своим настоящим именем. В первую русскую революцию он скрывался в Перми по подложному паспорту на имя Вощинина. В Лонжюмо прибыл как «товарищ Петр». В 1914 году в Туле жандармы изъяли у него документы на имя крестьянина Томской губернии Сергея Игнатовича Панкратова. Теперь, после свержения самодержавия, он носил у сердца точно такой же, как и у Ильича, партийный билет Выборгской организации большевиков на имя Ивана Дмитриевича Чугурина.

В сложнейших условиях разгула реакции «временных» прошел VI съезд партии, охрану которого нес Чугурин со своими красногвардейцами. Руководящий съездом Я. М. Свердлов сказал: «Только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить съезд здесь, в Петрограде». Высокая и справедливая оценка. Выборгская сторона и в самые критические моменты оставалась оплотом большевистской партии. Чугурин и его соратники раньше других были ознакомлены с письмом Ленина, в котором вождь революции определял настоящий момент как наиболее подходящий для взятия власти. Это письмо выборжцам передала Н. К. Крупская. Райком партии поддерживал постоянную связь со Смольным — штабом вооруженного восстания.

К полудню 25 октября перешедшие на казарменное положение рабочие получили команду: «Красногвардейцы — по местам!» И отряды тотчас отправились по намеченным пунктам. Выборжцы заняли исходные позиции у Конюшенной площади и Певческого моста, на подступах к Зимнему. Затем — новый приказ: левой колонне на охват Главного штаба, правой — к Зимнему!

Правой колонной, штурмовавшей последнюю цитадель Временного правительства — Зимний дворец, командовал И. Д. Чугурин.

Взяв власть, большевики взвалили на свои плечи колоссальные заботы, которые появились при создании нового мира. Прибавилось дел и у Чугурина — секретаря Выборгского райкома (должность эта часто менялась и называлась по-разному: председатель, ответорганизатор, секретарь). Довелось тогда Ивану Дмитриевичу заведовать и коммунальным хозяйством. Кроме работы с молодежью, надо было думать и о том, как накормить людей и откуда достать топливо. И жилья не хватало, и правопорядки нуждались

в пристальном внимании новых властей. Во весь рост вставала проблема ликвидации неграмотности, над этим работала Надежда Константиновна Крупская. В таком водовороте срочных и сверхсрочных дел партийцы находили время и для другого. На открытие новогодней елки 1 января 1918 года для ребятишек Выборгской стороны пришел сам Ильич.

А однажды революционные матросы и солдаты Выборгской стороны захотели, чтобы перед ними выступил с концертом Шаляпин. Театры тогда не отапливались. Зрители приходили на концерты в валенках и пальто, смотрели представление не раздеваясь. В таких условиях Шаляпин петь не соглашался.

На переговоры к великому певцу отправился его земляк — Чугурин. Иван Дмитриевич верил в успех своей миссии — пятнадцать лет назад Шаляпин помог сормовичам купить печатный станок. Но Федор Иванович заупорствовал:

— Я не могу рисковать голосом, вот ежели натопите помещение...

— Да где же взять столько дров? — ответил Чугурин. — Вот наладится жизнь, оттопим и театр.

Шаляпин долго упорствовал, а потом все же согласился. Сошлись на том, что Чугурин пообещал хоть немного протопить Народный дом, а Шаляпин — потеплее одеться.

V

В Москве, в самом центре, неподалеку от Малого театра, есть здание, на котором висит мемориальная доска, рассказывающая, что здесь в июле 1918 года В. И. Ленин и Я. М. Свердлов приняли питерских рабочих, отправляющихся на Восточный фронт. Руководители Советского государства разъяснили представителям питерского пролетариата высокие задачи первого продовольственного отряда в связи с надвигающимся на крупные промышленные центры голодом.

Чугурину и его товарищам из Петрограда были вручены удостоверения уполномоченных правительства по продовольственным делам. Владельцам удостоверения предоставлялось право выступать политкомиссарами при военачальниках и предписывалось «без промедления передавать их телеграммы в адрес Совнаркома и ЦК». Документы подписал Владимир Ильич Ленин.

Прибыв в Казанскую губернию, Чугурин воочию убедился, что борьба за хлеб переросла в борьбу за власть Советов. Подняло голову кулачье — оно прятало хлеб, терроризировало активистов, объединялось с контрреволюцией.

Обо всем этом было доложено в Совнарком. Владимир Ильич внимательно выслушал Чугурина, прибывшего в Москву с эшелоном хлеба, и предложил ему выступить в Моссовете с докладом о положении на самом главном в ту пору Восточном фронте.

Через несколько дней выборжцы вновь под Казанью. На этот раз они политработники действующей Красной Армии. И. Д. Чугурин возглавил политотдел 5-й армии.

В сентябре 1918 года Иван Дмитриевич Чугурин выступил на Всероссийском совещании руководителей политорганов Красной Армии. Он поделился опытом работы политотдела и критиковал Троцкого, приезд которого на фронт привел к напрасным жерт-

вам и необоснованным репрессиям. Вывод начальника политотдела разделил реввоенсовет армии, о чем было сообщено в письме лично В. И. Ленину.

Обстановка на фронте сложная. Не хватает преданных революции военных специалистов, не налажено как следует вещевое и продовольственное снабжение. И вдруг тревожная весть из Москвы: совершено злодейское покушение на жизнь Ленина. Словно по уговору в эти же дни началось крупное наступление белых.

На самых опасных участках фронта появились комиссары. Личным мужеством поддерживали они красноармейцев в бою. Плечо к плечу с товарищами шел в цепях и Чугурин. Однажды случилось сойтись с хвалеными каппелевцами. Не дрогнули красноармейцы и открыли по врагу плстный огонь. Враг попятился назад.

— Пусть новые победы станут лекарством от ран дорогому Владимиру Ильичу! — раздавался часто призыв краскома Чугурина.

Вскоре от белых были освобождены Чистополь и Бугульма.

7 сентября 1918 года из штаба 5-й армии на имя Ленина ушла телеграмма за подписью Чугурина и его давнего друга, лично известного Владимиру Ильичу сормовича — Каюрова. Краскомы желали Ильичу скорейшего выздоровления и обещали передать следующее донесение из отбитой у белых Казани.

Через три дня, 10 сентября, Казань была освобождена. Надо ли говорить, какой радостью была для Ильича эта новость. И он телеграфировал Чугурину, Каюрову и другим руководителям 5-й армии: «Выздоровление идет превосходно...»

После успешных боев под Уфой, в марте 1919 года, по указанию Ленина Чугурина вызвали в Москву. Сдав дела, Иван Дмитриевич поспешил на квартиру тяжело больного Свердлова, где встретил Ленина. Ильич поинтересовался его планами, на что Чугурин скромно ответил: куда пошлет партия... 27 марта 1919 года в соответствии с постановлением Пленума ЦК Иван Дмитриевич Чугурин назначен членом коллегии ВЧК. Соответствующий документ подписал В. И. Ленин. На этом посту Чугурин пробыл сравнительно мало — чуть больше трех месяцев. Дзержинский поручил ему курировать транспорт — главный нерв сражавшейся республики.

О работе воспитанника ленинской школы рядом с Дзержинским свидетельств немного. Известно, например, что Феликс Эдмундович с первых же дней проникся глубоким доверием и уважением к Чугурину, ставил его в пример за умение быстро ориентироваться в сложной оперативной обстановке и «читать» человека до окончания следствия. Поэтому уже после первых недель работы в ВЧК Чугурин стал еще и ответственным секретарем коллегии.

В воспоминаниях Чугурина о В. И. Ленине есть один эпизод, связанный с этим периодом его деятельности. В одно из воскресений, когда Иван Дмитриевич нес дежурство по ВЧК, ему позвонили, что Ленин выезжает на какое-то собрание. Иван Дмитриевич немедленно отправился в Кремль и стал ждать Ленина. Вскоре появился Ильич. Он поздоровался с Чугуриным и пригласил его поехать в полк, отправлявшийся на фронт. В полку, пока производился сбор, Ленин и Чугурин зашли в клуб и присели на скамейки рядом с красноармейцами. Владимир Ильич начал расспрашивать солдат о службе и о том, что пишут из деревни.

Тем временем собрался личный состав, и митинг открылся. Ле-

нин говорил о международном положении, о защите республики, о том, что такое Советская власть, кому она нужна и кто ее враги. Ленина слушали с огромным вниманием. Каждое его слово буквально окрыляло бойцов, придавало им новые силы.

Как и многие другие соратники Ленина, Иван Дмитриевич нередко переводился туда, где особенно было трудно. Так, в августе 1919 года его вновь направляют на фронт, в политотдел 4-й армии, помогающей утвердиться Советской власти в Туркестане.

Испепеляет августовская жара, в бескрайней степи иссякают запасы воды. Плохо с продовольствием и обмундированием. Две трети красноармейцев слабо вооружены, многие разуты.

Об этих проблемах Иван Дмитриевич откровенно написал Н. К. Крупской, товарищу по работе на Выборгской стороне. Ничего не приглаживая, называя вещи своими именами, Чугурин проявил глубокое понимание временной природы всех трудностей. У Красной Армии мало конницы, писал он, но Республика Советов в этом пока ничего изменить не в состоянии. А вот обмундирование и штыки поискать можно.

И в этом же письме — непоколебимая уверенность в красных воинах, которые все преодолеют и над всем Туркестаном будет реять Красное знамя. Иван Дмитриевич хорошо понимал силу и значение массово-политической работы, воспитания бойцов в духе преодоления трудностей и лишений, презрения к опасностям. Этому учил его Ленин.

Поэтому такая неожиданная концовка письма Чугурина: Иван Дмитриевич просит прислать в действующую армию... литературу на местном языке и музыкальные инструменты.

30 сентября 1919 года письмо легло на стол Ленина. С карандашом в руке Ильич прочел его и сделал подчеркивания. Одни слова — дважды, а другие — и трижды. А в правом углу наложил следующую резолюцию:

«Снять копию и завтра же (1.X.) послать Фрунзе... с припиской от меня, что я прошу отзыв и рекомендую Чугурина, как превосходного партийца. Ленин».

Ленин всей душой ненавидел в людях позу и рисовку — вождя интересовала только правда и еще раз правда. Факты, изложенные в письме Чугуриным, — образец правдивой, честной постановки дела. Он доложил все, что видел и знал, не сглаживая острых углов и фактов, совершенно не задумываясь о том, что это где-нибудь и кто-нибудь может истолковать не в его пользу. И Владимир Ильич письменно засвидетельствовал свое глубоко уважительное отношение к принципиальному, гражданскому поведению товарища по партии. Только люди честные, глубоко преданные делу, революционным идеалам, считал он, способны создать новое, социалистическое государство.

VI

Председатель Уральского ревкома — последняя военная должность Чугурина. В конце 1919 года партия посылает его на восстановление угольной промышленности Сибири.

После разгрома Колчака в Томске учреждается правление треста Сибуголь. Во главе треста — вчерашний армейский комиссар Иван Дмитриевич Чугурин. Предприятия — 15 рудников и 40 шахт —

разбросаны от Иртыша до Лены. Хозяйство немалое, но всюду — запустение, разруха. Без угля транспорт и заводы. Такую обстановку застал Чугурин, став руководителем треста.

Почти весь двадцатый год Иван Дмитриевич в Сибири. Опираясь на коммунистов, передовых рабочих, он добивается подъема добычи угля и возрождения промышленности обширного края.

К этому времени от белогвардейцев очищена южная часть Украины, в частности Донбасс с его богатыми запасами каменного угля. И партия посылает Чугурина, как опытного, зарекомендовавшего себя организатора, на восстановление важнейшего народнохозяйственного участка. Решение о переводе Чугурина на новую работу было принято на заседании Политбюро 19 февраля 1921 года, где председательствовал Ленин.

В январе 1921 года прошел месячник содействия Донецкому угольному бассейну. Из Москвы, Петрограда и других городов сюда поступала различная техника, приезжали люди. Коммунисты, все трудящиеся южной «кочегарки» стремились как можно быстрее восстановить заводы, шахты. Но было и немало помех. Недобитые белогвардейцы и атаманы, особенно из числа бывших хозяев, изо всех сил мешали налаживанию мирной жизни. К рабочим центрам подкрадывался голод. Такую обстановку застал Иван Дмитриевич в Юзовке. И он повел борьбу на два фронта: восстанавливал шахты и громил бандитов. Созданные боевым комиссаром из числа рабочих отряды самообороны стали грозой для врага.

В Донбассе И. Д. Чугурин работал сравнительно недолго — всего девять месяцев. За это время пошла в гору добыча угля, наладилась жизнь на многих предприятиях, подчиненных Юзовскому рудоуправлению.

В одном из первых приказов Чугурина по управлению ставилась задача выполнить задание VII Всероссийского съезда Советов досрочно и добыть угля на 320 тысяч пудов больше, чем по плану. Задание горняки выполнили. За что управление было награждено Красным знаменем ЦИК Украины.

Выступая перед делегатами на IX съезде Советов 24 декабря 1921 года, В. И. Ленин, скупой на положительную оценку проделанной работы, заметил: «Мы достигли немалых успехов, это в особенности показал, например, Донбасс...»

В столетний юбилей И. Д. Чугурина (август 1983 года) на знаменитом своими революционными, боевыми и трудовыми традициями Сормовском заводе открылась мемориальная доска, посвященная большевику-ленинцу Чугурину. Потомки чтят память человека, не только выросшего и приобщившегося к революционной деятельности на их родном предприятии, но и немало сделавшего лично в трудные годы разрухи для возрождения завода.

В Сормово Иван Дмитриевич получил назначение в октябре 1921-го. Направил его сюда возглавлявший в то время Государственное объединение машиностроительных заводов страны активный участник Октября Влас Яковлевич Чубарь. Был он лично знаком с Чугуриным и по-товарищески рассказал ему о тяжелом положении предприятия. Накануне первой мировой войны сормовичи ежемесячно собирали 15 паровозов, а в 1921-м и за год не дали столько. Раздавались голоса закрыть завод. Но Центральный Коми-

тет партии решительно воспротестовал — армия безработных и так велика.

К трудностям экономическим прибавились и политические. Голову подняла так называемая «рабочая оппозиция». Возглавил ее известный Чугурину еще по Петрограду Шляпников. В самый канун губернской конференции коммунистов оппортунист состряпал «заявление 22-х» и внес раскол в ряды крупнейшей парторганизации страны.

Решительную отповедь оппозиционерам дали партийцы с дореволюционным стажем. Бывший секретарь здешнего губкома А. И. Микоян всегда с благодарностью вспоминал высокие заслуги Чугурина в разгроме оппозиции.

В 1922 году И. Д. Чугурин был избран делегатом X Всероссийского съезда Советов, ставшего на последней стадии и I Всесоюзным. Здесь 30 декабря Иван Дмитриевич становится членом ЦИК СССР первого созыва.

В феврале 1924 года, вскоре после кончины Ленина, Оргбюро ЦК партии направляет Ивана Дмитриевича директором Северных судоверфей в Ленинград. В стране приступали к закладке советского торгового флота, в частности, рефрижераторов для международных линий.

На Северных судоверфях (ныне завод имени Жданова) Иван Дмитриевич проработал почти четыре года. Многочисленные документы позволяют оценить ту энергичную деятельность, которую развернул Чугурин по созданию отечественного торгового флота. Приведем один из них — телеграмму председателя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского от 25 марта 1925 года, которую он направил в Ленинград в связи со спуском на воду первого грузо-пассажирского судна, предназначенного для обслуживания линии Ленинград — Лондон.

«Уверен, что вслед за вашей крупной победой, — телеграфировал судостроителям Феликс Эдмундович, — последует ряд других, и недалеко то время, когда насущнейшая задача — создание мощного коммерческого флота нашими усилиями будет решена полностью...»

В 1967 году в Ленинграде вышла книга «Корабельщики Нарвской заставы» о пятидесятилетней истории завода имени Жданова. Немало страниц ее посвящены и Чугурину, красному директору судоверфи. Поскольку о хозяйственной деятельности ученика Ленина написано пока очень мало, приведем некоторые выдержки из этой книги.

«Более чем за полвека существования завода на нем работало много замечательных, выдающихся рабочих, инженеров, ученых, хозяйственных руководителей. И одним из них был директор верфи в 1924—1927 годах Иван Дмитриевич Чугурин — активный участник трех революций, стойкий ленинец.

Три с половиной года — срок и по тому времени не так уж большой. Но в коллективе судостроителей об Иване Дмитриевиче Чугурине, как умелом организаторе, человеке высоких душевных качеств, и сейчас вспоминают с большим уважением и теплотой».

«Передо мной, — поведал не так давно один из видных организаторов советского машиностроения, Валерий Викторович Белокриницкий, — отчетливо вырисовываются образы двух замечательных большевиков, с которыми я встречался и у которых многому научился. Это были Орджоникидзе и Чугурин».

В. В. Белокриницкий в середине двадцатых был практикантом на Северной судоверфи и видел, с какой самозабвенностью, энергией и убежденностью проводил Чугурин в жизнь ленинскую мысль о формировании у рабочего класса чувства хозяина. Производственные совещания, которые проводил Иван Дмитриевич, по меткому выражению судостроителей, представляли собой «залпы необыкновенной силы по халатности, нерадивости и равнодушию». Директор учил руководителей производства всячески помогать рабочим, чтобы раскрылись их организаторские способности, призывал через низовой хозяйственный расчет пробуждать у пролетариев чувство хозяйской причастности и ответственности. Обычно Чугурин подчеркивал, что этому учил В. И. Ленин еще в школе Лонжюмо.

В начале тридцатых годов Чугурин вновь на Волге, в родном Нижнем, где он возглавил завод «Красный двигатель», выпускавший дизели для надводного флота. Затем строил речные суда в Рыбинске. В скорбные дни прощания, в феврале 1937 года, с одним из лучших учеников В. И. Ленина — Серго Орджоникидзе, Чугурин рассказал в рыбинской городской газете, как он оказался на Ярославщине.

Он пришел на прием к наркому 17 лет спустя после встречи с ним в огненном 1919 году, когда работал в ВЧК. Явился по его, Орджоникидзе, вызову. «Не узнает, наверное», — волновался товарищ по школе в Лонжюмо. Но волнения отлегли, когда переступил порог наркомовского кабинета.

— А, Петр! — поднялся Григорий Константинович и пошел навстречу Чугурину. Горячо обнял, усадил и стал расспрашивать о жизни, семье, работе. Конечно же, вспомнили встречи под Парижем, занятия в ленинской школе.

Беседа с наркомом тяжелой промышленности до глубины души взволновала Чугурина. И когда Орджоникидзе спросил: «А где бы ты хотел работать?», Иван Дмитриевич ответил по-партийному:

— Там, где тяжелее...

Ответ понравился Орджоникидзе, и он тут же объявил: «Я сам подберу тебе завод... Поедешь в Рыбинск, большое и новое дело ждет тебя».

Эта встреча произошла 23 августа 1936 года.

К началу сороковых Чугурин был направлен на новую работу. На этот раз он едет на юг, в Ставрополье, в город Георгиевск.

Уже позади Ростов-на-Дону, Батайск, Кавказская, Невинномысская. А вот и знаменитые Минеральные Воды. Проводник предупредил, что следующая станция — Георгиевск.

Вещей у нового директора арматурного завода было немного — небольшой чемодан. Легко спрыгнув с подножки вагона у беленького двухэтажного здания вокзала, зашагал в сторону города.

На привокзальной площади его ждала служебная «эмка», старенькая, но хорошо отлаженная.

— Здравствуйте, — сказал Иван Дмитриевич, протягивая руку шоферу.

Миновали центральную улицу, городской сад. Вот и светло-коричневый дом заводоуправления арматурщиков. Здесь его ждали главные специалисты, лучшие рабочие предприятия. После короткого совещания первое знакомство с заводом, его людьми.

Из того, что сказали Ивану Дмитриевичу еще в Москве, в Наркомате общего машиностроения, и здесь, в Георгиевске, явствовало одно: предприятие работает неритмично, большинство срочных заказов под угрозой срыва. В такой ситуации необходимо было предпринимать энергичные действенные меры.

Новый директор сутками не уходит с завода. Здесь его штаб, он в постоянном контакте со специалистами, опытными кадровыми рабочими, коммунистами. Внимательно выслушивает советы, предложения. Начинать приходится с малого, без чего невозможна серьезная организация производства.

— Бывало ведь как, — вспоминает бывший контролер чугунолитейного цеха С. С. Стрекозов, — чуть дождик покрапает, а у нас уже стержни сыреют и разваливаются.

Чугурин старый кровельщик и как залатать крышу знает. С этого и начал он однажды свой рабочий день. Почин директора поддержала молодежь. Скоро накрыли цех хорошо, добротно.

Иван Дмитриевич прекрасно понимал, что в нужном ассортименте и количестве необходимой арматуры не произвести без современного чугунолитейного цеха, о чем он и сообщил в наркомат подробной запиской. В наркомате рассмотрели докладную, и уже в начале Великой Отечественной войны на площадках нового цеха началось производство необходимой продукции.

— За долгие годы работы на арматурном заводе я встречался со многими директорами, — делился воспоминаниями бывший начальник технического отдела Н. Ф. Байдалин, — но ни один из них не проявлял столько энергии и беспокойства о производственном плане, как Иван Дмитриевич Чугурин. Однажды он пригласил меня к себе в кабинет и познакомил с пухлой папкой входящих документов с пометкой «срочно». В каждом — категорическое требование немедленно поставить той или иной стройке арматуру. А выпускалось ее у нас намного меньше, чем требовалось.

— В этом бумажном вихре, — сказал тогда Иван Дмитриевич, показывая на папку, — надо как-то разобраться и подготовить наркому обстоятельное письмо. Не всем же стройкам все нужно в один день. Кому же отправлять арматуру в первую очередь — судить наркомату. Вот об этом и напишите. В оценках не стесняйтесь, главное, чтобы все было правдой.

В центре прислушались к нашему совету и нашли способ упорядочить отправку арматуры.

Иван Васильевич Вениаминов, бывший начальник ремонтного цеха, жил неподалеку от завода и не раз засиживался с Чугуриным за кружкой чая. И его, рассказывал ветеран гражданской войны и труда незадолго до кончины, всегда поражал очень скромный образ жизни директора, полное безразличие к благополучию и исключительная отзывчивость и внимание к подчиненным.

Превыше всего у директора всегда было дело. Случись какая-нибудь поломка или трудность — будь это в пересмену или на рассвете — звони в дирекцию, и в трубке всегда раздастся: «Чугурин слушает».

Каждое утро Иван Дмитриевич обходил цеха и проверял, что сделано за предыдущий день. У многих рабочих мест задерживался, здоровался с людьми, расспрашивал, как идут дела, что мешает работать лучше.

Ветеран Великой Отечественной войны Николай Петрович Григорьев вспоминает, что в начале сороковых годов он работал на

заводе токарем. Рядом трудился и его брат Борис, которого вскоре призвали в армию. Строгальный станок остался без хозяина. Младший брат, комсомолец, решил обслуживать сразу два станка. Ему шел тогда восемнадцатый год.

— Молод еще для таких дел, — не поддержал Николая начальник цеха.

Тогда Григорьев-младший решил обратиться за помощью к директору. Иван Дмитриевич внимательно выслушал рабочего, подробно расспросил о задумке, а потом сказал:

— В твои годы я тоже с двойной ношей ходил, принимай станок брата!

Одобрительное слово старого партийца окрылило Николая, и он стал обслуживать сразу три станка. Директор не упускал из виду ударника и поддержал его предложение создать на участке стахановскую бригаду молодых.

Скромный по своей натуре, директор не любил рассказывать о себе. Но старые коммунисты знали о его встречах с Лениным и часто просили поделиться воспоминаниями. В сердца сослуживцев И. Д. Чугурина навсегда запали его воспоминания об учебе в ленинской заграничной школе и о хлебе, который он зарабатывал на чужбине (жестянщики нужны и в Париже), а потом делился с товарищами по учебе. А о величайшем счастье, выпавшем на его долю — вручить на Финляндском вокзале по поручению выборжцев первый в жизни Ленина партийный билет, — об этом Иван Дмитриевич рассказывал арматурщикам и на комсомольском собрании, писал в местной газете.

...Прошел почти год. Возраст Ивана Дмитриевича приближался к пенсионному, заметно ухудшилось здоровье. Сказывались лишения при царизме, ссылки, голодовки. Семья оставалась в Москве, а он очень тосковал по детям. Старшему, Игорю, шел тогда одиннадцатый год, дочке Наде было два года. Это имя она получила в честь большого партийного друга Надежды Константиновны Крупской.

Когда было выполнено задание наркома и производство спецпродукции наладилось, Чугурин сдал завод и вернулся в Москву. Через несколько дней у него побывал начальник заводского планово-производственного отдела М. А. Степаненко — он сдавал в главке годовой отчет. План 1940 года выполнили арматурщики на 110 процентов.

Степаненко привез экземпляр георгиевской газеты «Сталинское слово» от 25 января 1941 года со статьей И. Д. Чугурина «Мои встречи с Лениным». Первая публикация о жизни и учебе рядом с великим вождем пролетариата.

В годы Великой Отечественной войны, уже серьезно недомогая, Иван Дмитриевич работал в Чарджоу, а затем в Ульяновске. Трудиться не переставал до самой своей кончины. Уже после войны избирался секретарем первичной парторганизации старых большевиков в Москве. Похоронен он в подмосковном городе Раменском. Над его могилой шефствуют ученики одной из местных средних школ, пионерская дружина которой носит его имя.

Имя Ивана Дмитриевича Чугурина чтут и в других местах, где он жил, боролся, работал.

Торжественно отметили вековой юбилей превосходного пар-

тийца ленинградцы. В музейном здании на Болотной, 13, в том самом здании, где состоялось историческое заседание ЦК партии, принявшее решение о вооруженном восстании, открыта новая экспозиция, посвященная И. Д. Чугурину. В Выборгском районе учрежден переходящий вымпел имени Чугурина, который ежегодно вручается лучшему производственному коллективу.

В Георгиевске на здании арматурного завода вывешена мемориальная доска. Улица, ведущая к предприятию, названа именем Чугурина.

Недавно в «Ленинградской правде», в кемеровской областной газете «Кузбасс» и в «Социалистическом Донбассе» опубликованы обстоятельные материалы о жизни и борьбе человека, которого знал и высоко ценил Ленин.

Любопытная деталь: в Донецке и Кемерове статьи о Чугурине сопровождены необычной фотографией 1920 года. Этот снимок Иван Дмитриевич послал в Кремль 5 июля 1920 года с трогательной дарственной надписью: «Товарищу Ленину Владимиру Ильичу от школьника Лонжюмо Петра». Дар Чугурина по указанию Ленина был переслан в Центральный партийный архив и через много лет был передан для экспонирования в музее Георгиевского арматурного завода.

«Чугурин живет в наших делах», — записали в книге почетных посетителей заводского музея учащиеся ленинградских профессионально-технических училищ — будущие рабочие, пролетарская смена, внуки революционера.

Его жизнь, полная решительной бескомпромиссной борьбы за высокие коммунистические идеалы, преданность делу революции, личная нравственная и моральная чистота делают его образ особенно близким и понятным нам, живущим в нынешнюю переломную эпоху, когда партия призывает каждого из нас — простого труженика, комсомольца, партийца честно и пристально взглянуть на собственные дела и поступки, решительно отмести все лишнее, наносное, косное, рутинное, мешающее нашему движению вперед — ускорению всей нашей социально-экономической жизни. В этом смысле жизнь большевика, преданного ленинца И. Д. Чугурина — пример, достойный для подражания. У бойцов ленинской гвардии мы должны учиться жить и работать в современных условиях.

●

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» НА ШЕФСКОЙ ВАХТЕ

Валерий МИТРОХИН,
руководитель писательского поста на строительстве Крымской АЭС

СУДЬБА АЗОВА

В зиму 1974 года на побережье Азовского моря шторма выбросили десятки тысяч трупов осетровых рыб. Погибли в основном крупные осетры, севрюги, белуги — иные размером от трех до шести метров.

Накануне нового, 1977 года начался еще более масштабный замор. По приблизительным подсчетам, потери достигли сотен тысяч. Все побережье Арабатского и Казантипского заливов было усеяно тушами поразительных размеров. Среди прочих был почти семиметровый гигант (белуга с икрой) весом до полутора тонн.

В этот второй замор гибла рыба и «мала и велика».

Забыть такие беды нам, родившимся и живущим у Азова, не дают не только память, не только останки жертв моря, которые до сих пор вымывают из песчаных могил все те же шторма. Не было еще ни одной зимы, последовавших за теми опустошительными, чтобы в разных местах побережья не случалось локальных заморов.

Позапрошлым летом мы с друзьями навестили Азов. Погода в августе неожидан-

но испортилась. Подул норд-ост, и у Казантипа накопилось несметное количество медуз. Истерзанные ветром, разлагающиеся, они блокировали побережье, не позволяли войти в воду людям ни в Казантипском, ни в Арабатском заливах.

Узким Керченским проливом из Черного моря, несомые густосоленой водой, начинают по первому теплу идти в мелководный Азов сонмища медуз, чтобы в течение лета процедить его, то есть поглотить фитопланктон, и там же с первыми холодами упасть на азовское дно смрадным грузом, отпугнув рыб от «зимних квартир».

В 1974 году общий вес медуз, проникших в Азов, составил 5 миллионов тонн. В 1976 он уже равнялся 14 миллионам тонн. К 1980 году биомасса медуз достигла 22 миллионов тонн.

Гибель рыбы в заморах, проникновение медузы в Азов — два основных признака начавшейся тридцать лет назад деградации этого некогда уникального по рыбным богатствам моря.

С чего и когда началась трагедия Азова? Что убивает его фауну? Гербициды, проникающие с полей бассейна? Токсины, канцерогены, которые миллионами кубометров сбрасываются с техническими водами промышленных предприятий Таганрога, Жданова, Ростова? Да, нельзя сбрасывать со счетов и эти серьезные факты безжалостного отношения человека к Азовскому морю. Десятилетиями именно таким образом подтачивалось здоровье Азова-кормильца. Но есть самая большая беда — резкое осолонение моря.

Рыб Азова убивает то, что помогает жить медузе, что позволило ей и другим хищникам проникнуть в богатое кормами Азовское море.

От чего же солонеет Азов?

В 1951 году Цимлянской плотиной перекрывается Дон — первая из крупных рек, питавших Азовское море. Летом 1952 года значительная часть донской воды стала использоваться для поддержания необходимого навигационного уровня в судоходном Волго-Донском канале. Другая часть ее пошла в Донскую оросительную систему. До появления плотины Дон давал от 12 до 52 кубокилометров стока в год. Цимлянское водохранилище забрало у Азова 80 процентов вешней воды, что привело к уменьшению площадей нерестилищ осетровых, сельди, рыбца и повышению солености моря.

Еще более усугубило возникшие сложности в бассейне Азова развернувшееся ирригационное строительство на реке Кубань. Зарегулирование Дона и Кубани посадило Азовское море на голодный паек. Если прежде на весну приходилось 60 процентов годового стока, то после строительства гидроузлов на этих реках доля весеннего стока уменьшилась до 40 процентов. Это сразу привело к снижению кормовых запасов Азовского моря.

Многолетняя недостача пресной воды пополняется в Азове более солеными водами Черного моря. По усредненным данным из Азовского моря ежегодно вытекает 49,2 кубокилометра воды, а в него поступает 33,8 кубокилометра черноморской. С уменьшением речного стока в Азов нарастает приток воды из Черного моря. Это и приводит к неуклонному прогрессирующему осолонению Азова, увеличению плотности его воды. Ныне в море преобладает высокая соленость в 13—14 промилле. При повышенной солености воды образование льда на Азове задерживается, при этом море

для его фауны опасно охлаждается на всю свою незначительную глубину. У рыб, оказавшихся в смертельно холодной для них купели, замерзает полостная жидкость, свертывается кровь.

Угнетающе на обитателей Азова действует и увеличение плотности воды. Такая вода не поддается достаточному ветровому перемешиванию. Застойные явления у дна создали еще один — и теперь уже кислородный — дефицит: голодный режим, причем на значительных пространствах Азова.

Что же предпринималось и предпринимается для спасения или хотя бы облегчения участи азовской морской фауны?

Во второй половине 50-х годов, поскольку естественных площадей для нереста практически не стало, появились в бассейне Азова и стали действовать нерестово-выростные хозяйства. Они выпустили в бассейн 4,7 миллиарда штук молоди частиковых рыб и 7,4 миллиона штук молоди осетровых. Ежегодно осуществлялась рыбохозяйственная мелиорация, призванная спасать эту молодь от так называемых отшнуровывающихся пойменных водоемов. Объемы работ росли большими темпами. Капитальная мелиорация нерестилищ Дона и Кубани потребовала от государства огромных затрат...

Что же из этого вышло?

В 1968 году в низовьях Кубани на полях в 8,5 тысячи гектаров было найдено более 10 миллионов штук малька промысловых рыб. А на следующий год в Кубанскую и Марьевскую оросительные системы попало 2 миллиона штук молоди севрюги. Искусственное рыборазведение, увы, пока не дает значительного эффекта.

Для спасения Азовского моря и его фауны вынашивается идея строительства плотины на Керченском проливе. Шлюзы этой плотины преградят доступ в Азов соленой черноморской воды и медуз. Что же касается хамсы и других черноморских рыб, которые не могут прожить без Азова, то те же шлюзы впустят их в малосоленое море весною, а выпустят из него в Черное осенью.

У этого проекта немало уязвимых мест. Хотя бы такое. Плотина, возможно, и облегчила бы участь моря, если бы Азов мог получать необходимые объемы пресной воды. Для этого ему надо ежегодно 30 кубокилометров речного стока. Зарегулирование Дона и Кубани позволяет этим рекам давать в лучшем случае от 11 до 23 кубокилометров своей воды. Строить плотину на проливе — значит, сооружать дорогостоящие каналы для переброса пресной воды откуда-нибудь с севера. Не проще ли было бы убрать плотины с Дона и Кубани? Тогда бы и Керченский гидроузел не понадобился. А так снова надо будет идти на колоссальные затраты и вновь без полной уверенности, что они окупятся.

Вспомним же, во что нам обошлись ирригационные мероприятия в бассейне Азова в 50-х годах! Вспомним и другие потери. Под Цимлянским морем погибли навсегда великолепные черноземы; уникальные цимлянские виноградники — еще одна невосполнимая потеря. А сколько рыбы задохнулось в Цимлянском море! Выловить ее из искусственного водоема не представлялось возможным, ведь под водою остались сады и строения. В такую воду нельзя было идти с самой простой снастью.

Что же Кубань-река? Кубанское водохранилище родило туманы. Были подтоплены станицы. Засолонились почвы. На корню пропали сады. Понизилась продуктивность черноземов. Сбросовые воды понесли все в тот же Азовский бассейн гербициды...

Цимлянская ГЭС не вырабатывает и 200 тысяч киловатт-часов в год. Ныне эта станция не играет в отечественной энергетике сколько-нибудь важной роли...

Мне скажут: сейчас не играет, а раньше играла. Но если мы думаем о будущем, то мы должны учесть происшедшие изменения.

Мы должны учитывать и то, что ежегодно в водоемы Азовского бассейна сбрасываются миллионы кубометров сточных вод. Многие речки превращены промышленными и коммунальными предприятиями Таганрога, Жданова, других населенных пунктов в сточные коллекторы...

Мы должны помнить и о новой угрозе здоровью моря. В июне 1982 года под Бердянском взорвалась вследствие мощного выброса газа буровая. Колоссальный факел горел несколько месяцев. Скважину заглушили, однако утечка газа продолжается. Гибнут дельфины, рыбы. Сегодня потери исчисляются миллионами рублей. На счастье, в ту зиму на Азове не было льда. Будь он, газ бы пошел под ледяной панцирь, и тогда бы случился еще один страшный замор, возможно, положивший бы конец остаткам азовской морской фауны.

Когда наконец человек осознал, что сотворил с Азовом, когда он, кинувшийся искать выход, понял, что бессилен, то наступило молчание. Знавшие роковые беды Азова старались не посвящать в них ничего не ведающих.

Нарушило это молчание известие о том, что на Казантипе затевается строительство атомной станции. Поскольку атомная станция строится в непосредственной близости от Азовского моря, у многих невольно возникало опасение: а не усугубит ли такое соседство и без того серьезное состояние здоровья моря?

Чтобы это понять, необходимо хотя бы на самую малость вникнуть в существо современной АЭС. Атомная станция нуждается в значительных объемах воды, которая будет использоваться для охлаждения ее внешнего контура. С этой целью Крымская АЭС и сооружается. Озеро соленое. Его сейчас углубляют. Постепенно оно превращается в пруд-охладитель с площадью зеркала 24 квадратных километра. Специальный насос будет подавать на конденсаторы АЭС в год до 160 тысяч кубометров воды. Как, вероятно, все понимают, пруд-охладитель станет нуждаться в подпитке, ибо с его зеркала уйдут в атмосферу десятки и сотни кубометров влаги в виде пара.

Для ограничения солесодержания в воде пруда-охладителя, а соленость ее, как полагают специалисты, будет достигать 29 промилле, предусматривается ныне отвод продувочных вод в Казантипский залив Азовского моря. Главрыбвод считает, что со сбросом продувочных вод АЭС начнется интенсивное осолонение сначала залива, а затем и всего моря. К чему это приведет, мы уже знаем. Замечу только, что концентрация соли свыше 12,5 промилле в районе предполагаемого сброса — основном регионе зимовки осетровых — прямая предпосылка для массовой гибели этих рыб. Постоянный сброс продувочных вод в Казантипский залив в теплый период года сформирует устойчивую зону с дефицитом кислорода, что усугубит и без того тяжелые условия обитания и воспроизводства фауны.

И все-таки реальные пути решения Азовской проблемы должны быть. Давайте поищем их вместе. Рассмотрим, например, такой. Его суть: построить на Керченском проливе опреснитель (пусть их

будет несколько — комплекс опреснительный). Он бы перерабатывал черноморскую воду, исправно по необходимости пополнял пруд-охладитель новыми объемами. Время от времени часть «обращенной» воды можно было бы давать столь нуждающемуся в пресной подпитке Азову. Думается, опреснитель или опреснители обойдутся не дороже той самой плотины через Керченский пролив, которая вряд ли изменит положение Азова, если будет построена. Этот вариант: освобождение самого Азова от бремени поставки воды, также сброса в него — может быть, и хорош, но только как полумера. Что с того, что станция не будет нуждаться в Азове? Море ведь по-прежнему будет остро нуждаться в пресной воде.

А что, если хорошо подумать и сбалансировать потребление воды Северо-Крымского канала (сколько ее уходит в грунт, сбрасывается куда попало; вода подтопляет сады и жилища, засолоняет, выводит из строя плодородные земли...)? Полуостров вполне мог бы «помогать» и АЭС, и Азову. Значительное количество сбросовой воды сегодня отправляется в Сиваш — редчайшую кладовую минерального сырья. Из-за этого Сиваш рассаливается. Снизились показатели добычи поваренной соли. А что, если эту сбросовую воду подержать в отстойниках и дюкерами через Сиваш перекинуть если не в Азов, то в пруд-охладитель АЭС?

Совсем недавно в печати промелькнуло сообщение: мелиораторы пришли к выводу, что в условиях юга европейской части страны рис можно выращивать по новой технологии, суть которой в том, что воды на эту же культуру можно тратить в десятки раз меньше, нежели мы затрачиваем сегодня. Таким образом, появляется еще одна надежда. Со временем Кубань сможет давать Азову воду, сэкономленную на рисе.

А вот еще одна, комплексная, если так можно выразиться, помощь Азову. Она сочетает в себе как технические, так и экономические меры. И первым шагом на этом пути может наверняка стать закрытие в Керченском проливе Тузлинской промоины. Эта промоина образовалась в 1925 году в результате сильнейшего шторма. Он «отрубил» косу Тузла (Среднюю косу) от материка, расширив тем самым коридор пролива. Дал возможность большему количеству густосоленой воды проникать в Азовское море. Характер водообмена между морями изменился не в пользу Азова. В самом начале, сразу же после катаклизма отрицательных последствий не было слишком заметно, поскольку Азовское море обильно питалось водой двадцати рек, в том числе Дона и Кубани. «Заделка» промоины может положить начало восстановлению исконного режима обмена между Черным и Азовским морями. А при параллельном решении всех других составных комплексной помощи Азову наверняка станет возможным возрождение уникального водоема, каким был некогда Азов. Во-первых, с «заделкой» образовавшейся 60 лет назад промоины у рыбы по-прежнему останется «накатанный» путь из моря в море, чего ее может напрочь лишить плотина со всеми ее шлюзами... В то же время (это во-вторых) значительно ограничится с появлением перемычки между материком и Средней косой поступление через ставший поуже пролив густосоленых черноморских вод. Это плюс гарантированные весенние попуски в Азов из Цимлянского водохранилища...

Думается, что Цимлянское водохранилище станет щедрее, если

будет решена такая экономическая мера, как введение платы за пользование водой для орошения. Такая плата не позволит хозяйствам транжирить поливную воду, станет стимулировать повторное использование воды, повлечет за собой совершенствование ирригационных систем.

Большим подспорьем в деле реабилитации заболевшего моря могут стать и строжайшие меры по улучшению очистки сточных вод...

Весь этот комплекс мер и поможет Азову постепенно восстановить свое былое гидробиологическое равновесие. И для более полного осуществления такого крупномасштабного мероприятия можно использовать широкоизвестный организационный опыт по спасению Десны. Для организации спасения реки был создан координационный совет из представителей всех областей, находящихся в бассейне Десны. Бассейн Азовского моря тоже «поделен» — между Краснодарским краем, Ростовской, Донецкой, Запорожской, Херсонской областями и Крымом. Такой координационный совет позволит и здесь осуществить решение острейших проблем.

Итак, в этой повсеместной заботе человека о море, помимо строительства перемычки между косой и материком, очистки промышленных вод, равномерных — близких по объемам и протяженности во времени к естественным поступлениям воды из рек-попусков Цимлянского водохранилища, — дополнительными гарантами успеха могут и должны стать уже упоминавшиеся выше иные меры по облегчению участи, а в конечном счете по спасению Азова.

Время еще есть. Выход искать необходимо. И его надо найти! Искать, не забывая, что Азов — это народное бесценное достояние.

Иван СИНИЦЫН

ИНИЦИАТИВА

— Вы посмотрите, как не хватает им дела! — изумлялась пожилая сельская учительница, глядя на детей, игравших в городском дворе.

Мы стояли с ней на балконе и смотрели на широкий прямоугольник, окруженный высокими, многоэтажными домами. Там, среди газонов, расчерченных ровными дорожками, стояли крашеные скамеечки, турники, бумы, «вертушки», висели на цепях кресла-качалки, бегала детвора. И свежий воспитательский глаз легко подмечал сценки, вызывавшие беспокойство.

Вот одна: группа мальчишек била футбольным мячом в каменную стену пристройки. Мяч отскакивал от стены, его «выстреливали» обратно, и он с пушечным звуком снова ударялся о каменную преграду. Скоро хлопцам это надоело, и они разбрелись, не зная, что делать дальше. Четверо вскарабкались на забор соседнего детсада. Они не кричали, не дразнили маленьких, нет. Они сидели сонно, нахохлившись, как замерзшие зимой воробьи, и молча, со скукой глядели на дошколят, что они там делают.

А вот три девочки лет по двенадцати в домашних платьицах уселись, скучая, на

скамье-качалке. Вяло, без жестов, проговаривали они какие-то слова и тут же надолго умолкали, равнодушно глядя в разные стороны.

Мальчуган годов четырех, плотный, упитанный, выкатил на дорожку свою красивую игрушечную машину, толкнул ее, и она покатилась навстречу какому-то малышу лет трех. Очарованный игрушкой, простодушный мальчик радостно подбежал к ней, наклонился, но тут маленький хозяин машины отпихнул его обеими руками в сторону. Доверчивый малец упал на асфальт и смотрел растерянно: игра такая?

— Как же так! — снова с изумлением воскликнула моя сельская гостья. — Они не умеют играть, не умеют общаться!..

Она не заметила в этом дворе ни хулиганских ватаг, ни разбивания стекол, ни шумных ребячьих драк, но лицо ее становилось все более расстроенным.

— Внешне вроде бы ничего особенного, все благополучно, — сказала она, прощаясь. — Но мне почему-то кажется, что в этом благополучии зреют печальные неожиданности.

«Зреют... И созревают! — не отпускала меня потом эта мысль. — Сколько мы слышим о таком, сколько читаем, сколько «созревших» проходят через милицию, через руки судей и врачей!»

И я подумал о педагогах. Но на этот раз не о школьных, о других. О тех, кто первым вышел навстречу дворовым детям.

Начав знакомиться с ними, я удивился, как много пришло на этот сложный фронт истинных талантов и подвижников. Здесь расскажу об одном из них. Об одной. О том, какою доброй и мудрой силой вошла она в дворовый ребячий мир и как по-иному заиграла в нем детская жизнь.

Была она много лет школьной учительницей, любимой и любящей, завучем была, инспектором роно. И каждый день, возвращаясь с работы, шла, будто окруженная детскими бедами. Там заброшенность, там семейные драмы, а там — «подворотня». И как мало становится учителей, умеющих думать не только об уроке! Временами она готова была бросить все свои служебные заботы, собрать вокруг себя дворовых ребят, взять их за руки и сказать: «Пойдемте со мною...»

Потом пришел день, когда она услышала новое выражение: «педагог-организатор». Специальная должность при управлении домами.

«Как здорово, — подумала она. — Да это же мечта!..»

И — два заявления одно за другим: «прошу освободить» и «прошу назначить».

Знакомые учителя, как всегда, с радостью встречавшие ее на улицах, теперь спрашивали озабоченно:

— Алла Михайловна, что вас не видно? Где вы работаете?

— Я устроилась в ЖЭК, педагогом-организатором.

— Что случилось? — следовал вопрос, полный искреннего сочувствия: — Здоровье? Заболели?

— Спасибо, чувствую себя хорошо, — отвечала она. — Как говорят, по зову сердца.

— Да что вы! На сто двадцать рублей?

Рубли, рубли... И не надо болеть за детские судьбы?

Она приняла микрорайон в центре Калуги, у площади Победы.

57 многоэтажных домов, 11 тысяч населения, полторы тысячи школьников.

Знакомилась с каждой квартирой, с каждой семьей. Звонила, входила, в руках блокнот. «Здравствуйте, я педагог-организатор домоуправления. Давайте знакомиться». Записывала: папа, мама, дети, их склонности... С комиссией обходила дворы. Пересчитывали небогатые игровые и спортивные «объекты», определяли, где оборудовать футбольные, волейбольные, где хоккейные площадки, где какие поставить столы для игр. Записывали. Представитель ЖЭКа у каждой площадки с какой-то редкостной щедростью повторял:

— Это мы сделаем. Деньги у нас есть.

Алла Михайловна, полноватая, тихая, благодарно взглядывала на него и подсказывала уж совсем как заказчица:

— А здесь — ограждающую сетку придется... Чтобы уже все как следует!

Записывали и сетку.

Под «штаб» ей отдали трехкомнатную квартиру в доме номер 8 по улице Маршала Жукова, на первом этаже. Алла Михайловна была рада, кажется, так же, как бывает рад человек, получающий новую квартиру. У ребят появилось общее ребячье пристанище, а у нее — место для работы с ними. Конечно, три комнаты, пусть и четыре (потому что есть еще кухня), на полторы тысячи ребят — не раздолье. Но по тому, как замышляла она развернуться с делами, ей, наверно, и всего первого этажа было бы мало. Она все распланировала по-хозяйски, исходя, как говорится, из наличия. В кухне будет детская библиотека, в остальных комнатах — занятия кружков, сборы, маленькие репетиции (ЖЭК и пианино покупает). Здесь будут и витрины, и выставки, и можно хранить всякие материалы. А массовые занятия... На этот счет она кое-что придумала, еще когда ходила по квартирам. По соседству — Дом культуры «Строитель». Можно договориться, в какие-то кружки устроить ребят туда. Недалеко станция юных техников. Сколько там всевозможных технических кружков! Мальчики просятся. Очень многие! Неужели нельзя договориться? Ну а игры, спорт, тренировки — это, конечно, во дворах.

Там все дни стучали молотками плотники — оборудовали площадки. Ребята льнули к мастерам и вереницами тянулись в «штаб», которому Алла Михайловна дала сугубо мирное педагогическое название — «Комната школьника». Шли — кто с мячом, кто с фотоаппаратом, а кто «без ничего», но все с готовым решением:

— Я — в авиамодельный.

— Я хочу шить научиться.

— Я — в фото.

Море интересов: работа с растениями, вязание, хореография, изготовление игрушек, киносъемки, футбол, радиотехника, вокальное искусство...

Алла Михайловна составляла списки, шла с отрядами своих подопечных к директору станции юных техников Туманяну:

— Просятся, Михаил Арменакович! Только сказала им о техническом творчестве, у них и глазенки загорелись. Возьмите...

— Ну, если загорелись... — со всем южным радушием отвечал Туманян. — И еще есть? Приводите, присылайте. Будем работать!

Шла в Дом пионеров, в Дом культуры «Строитель». В спорткомитет. Подсчитала потом: 386 мальчиков и девочек, можно ска-

зать, за руку отвела в кружки, связала с делом. Организовывала дворовые футбольные, хоккейные, волейбольные команды, занятия теннисистов, шахматистов. Находила тренеров, руководителей кружков, организовывала первые спортивные соревнования между дворами.

И каждый день среди входивших в «штаб» искала она глазами тех, о ком помнила теперь особо. Они врезались ей в память еще при первом знакомстве, в квартирах. Первый — это Андрей К. Тогда он стоял лохматый, с надутыми губами, настороженно смотрел сметливыми глазами. Алла Михайловна заметила, что насторожило его слово «педагог», с которым она вошла в квартиру. Поняла: из неблагополучных. Бабушка подтвердила: да. И дальше — где слово, где мимика — объяснила тихонько, чтоб не разбирал Андрюшка слов: отца... то-то... и не знает, мать... горюшко горькое... лишили прав родительских... остался вот с маленькой сестренкой при бабушке. А он растет, девять лет, с ним... то-то... трудно становится. И школе с ним... тоже. Уличные мальчишки сбивают с пути.

Андрей успел уже привыкнуть к таким разговорам и пропускал их мимо уха. Он разглядывал гостью. Разглядывал ее лицо — мягкие, какие-то материнские добрые черты, глаза, ее благородную серебристую прическу, слушал ее тихий голос и заметно успокаивался. И когда она в конце заговорила с ним, он смотрел уже повеселее и охотно сказал, что любит играть в хоккей, в футбол, любит быть вратарем.

— Приходи, — сказала ему на прощание Алла Михайловна. — Я думаю, тебе там будет интересно. Запишу тебя в команду.

Он согласно кивнул.

В комнату школьника он пришел среди первых. Алле Михайловне было приятно, что он пришел, и Андрей это понял. Она посадила его рядом с собой, записала в команду, потом спросила, не сможет ли он помочь тут кое-что сделать.

Мальчики и девочки занялись уборкой комнат. Андрей подносил воду, помогал Алле Михайловне расставлять столы и стулья. В конце она сказала:

— Я хочу, чтобы у нас здесь было красиво и уютно.

Все закивали, звонко загалдели, Андрей тоже кивнул, только молча.

Скоро они начали делать игрушки. Все обрадовались, когда узнали, что Алла Михайловна была такой мастерицей: очень забавные у нее получались собачки, белки, ежики. Все у нее учились вырезать, сшивать и склеивать разные фигуры. Андрей обычно стоял рядом с нею. У него получалось быстрее всех. Алла Михайловна одними глазами улыбалась ему, тихо говорила:

— Молодец. — Тут же находила глазами какую-нибудь девочку, у которой что-то не получалось, подсказывала Андрею: — Помоги ей, Андрюша.

Он подходил спокойно, как Алла Михайловна, помогал. Потом уже сам направлялся к другим, у кого не ладилось. Он все проще находил себя в кругу ребят.

В другие дни они ходили на экскурсии, ездили на природу, Алла Михайловна держала его при себе. Он мог разжечь костер, накачать мяч, придумать игру, и Алла Михайловна благодарила

его без слов — одной лишь мягкой своей материнской улыбкой.

«Какое это счастье, — думала она, — что он не успел увязнуть в компании безнадзорных!»

Она, что называется, задыхалась. Ей не хватало дня. Сколько всего-всякого нужно было делать, чтобы охватить всех детей и дать хотя бы то самое главное, чего им не хватает. Налаживалась работа кружков, спортивных секций — приходила новая мысль: нужен клуб выходного дня, чтобы никто не слонялся, не ведая, куда себя деть, нужны интересные праздники, походы, концерты, смотры. А еще клуб интернациональной дружбы, клуб любителей книги...

Она становилась «жертвой» собственной инициативности, изобретательности, творческой фантазии. Замыслы — один другого интереснее — возникали у нее чуть ли не каждый день, и надо было иметь солидную группу исполнителей, чтобы все, что виделось необходимым, превращать в дела.

Так нужно, так должно. Но мыслимо ли? По плечу ли одному педагогу?

А рядом четыре школы. Четыре больших учительских коллектива работали на территории домоуправления. Объединиться бы както, вместе обдумать и вместе раскручивать дела... Признано ведь, что школа должна быть центром воспитательной работы в своем микрорайоне. Ходила Алла Михайловна в каждую из четырех. Выступала на педсоветах, на родительских собраниях, говорила убедительно, горячо, со знанием дела и обстановки. Немая глухота. Все заняты. Всем некогда. А если точнее — все так далеки от детей... Если бы кто-нибудь всерьез спрашивал со школ за работу в микрорайонах!

А к ней тянулись «педагогические резервы».

В своем домоуправлении оказалась солидная — и количественно и по составу — партийная организация: 126 человек. И в большинстве это старая партийная гвардия — вышедшие на пенсию ответственные работники, служащие государственных учреждений, отставные военные. Повезло инициативной воспитательнице или не повезло, но на ближайшем же отчетно-выборном партийном собрании они поставили Аллу Михайловну Горолевич своим секретарем.

Ну, конечно же, с этого дня вопросы воспитательной работы парторганизации заняли, как пишут в протоколах, центральное место. Во всех, в каждом доме «открылись» активисты, люди, которые всю жизнь прожили с идеей коммунистического воспитания в душе. Их и агитировать было не надо.

Чудесной находкой назвала тогда Алла Михайловна живущую через дом от «штаба» бабушку-сказочницу, представительницу боевой комсомолии 20-х годов, энтузиастку общественной работы Тамару Георгиевну Свищеву. Еще девчонкой в глухом сибирском селе повела она с друзьями бой против дикости и невежества. Написала сердитую обличительную пьесу про врагов новой жизни, поставила спектакль. Это было грому подобно. Даром что три класса образования. Научилась играть на гармошке, на балалайке, выступать на сцене, организовывать общественные дела. Ей так

много хотелось уметь и сделать, чтобы новая жизнь скорее утверждалась в таежной глуши.

Теперь она пенсионерка. Образованный, бесконечно активный и жизнерадостный человек, партгрупорг своего дома, душа его жизни. Праздник, юбилей в семье — все там будут от чистого сердца поздравлены. Беда, неприятности — идут в семью старые, мудрые люди, вместе думают, заботой горе отводят. Кто-то небрежен к нужде общественной — не смотрит, что кладет в пищевые отходы, которые идут на корм скоту, — письмецо опускается в почтовый ящик: «Пожалуйста, будьте внимательны»...

Забот у Тамары Георгиевны на исходе восьмого десятка стало не меньше, чем в юности. Она и сказочница, и самодеятельный режиссер, и лектор, она организует с ребятами концерты во дворе, массовые праздники... Приходит назначенный час, оставляют ребята телевизоры, бегут во двор. Садятся в круг. Из подъезда, по-старинному наряженная, улыбчивая, выходит седая сказочница. И начинается урок воспитания сказкой. Подходят и останавливаются взрослые, папы и мамы. Для них это тоже урок. Урок внимания к детям.

Можно было бурно радоваться, как вступали в дело коммунисты-военные, отставные офицеры. Алла Михайловна, пожалуй, и не ожидала, что окажутся они готовыми на такие педагогические операции.

Наверное, целый кружок заменил собою один только полковник в отставке Александр Федорович Плетнев. Вот уж душа большевистская! Нет проблем, которых бы он не замечал и к которым не хотел бы приложить все свои способности.

Как-то наведался в больницу и был поражен тем, что увидел. Перед ним предстала многоликая команда забинтованных подростков: кто на костылях, кто в гипсе... Что такое? Ему ответили: безнадзорность, новая беда времени.

«Слайды!..» Он схватился за фотоаппарат, стал расспрашивать этих загипсованных бедолаг, делать снимки.

И вот уже идет к Алле Михайловне, собирает родителей, в школах ребят. Серия лекций-бесед с цветным слайд-фильмом.

Сначала на экране идут кадры счастливого детства: ребята в кружках, на спортивных площадках. А дальше голос лектора становится тревожным. Папы и мамы, все ли вы помните о своих детях? Что происходит с ними — вы это знаете?

На экране мальчишка с забинтованными глазами. Ему нравились взрывы. Набил с ребятами бутылку негашеной известью, залил водой, закупорил — бутылка взорвалась в руках... Вот другой. Он на костылях. Дома и в школе его всегда одергивали: не скачи, не бегай, сиди смирно, а в нем разгоралась тоска по движениям, по ощущению свободы... Вырвался, залез на сарай, по неумелости не удержался, упал — перелом ноги! А вот другая история. Зимой мальчишки построили снежную крепость, взялись ее «штурмовать» со снежками. Крепость упорно оборонялась. Один из наступавших, фантазер, не ведая, что творит, зажег бутылку ацетона и бросил в крепость. Загорелся мальчик, едва спасли...

— Где ваши дети, папы и мамы? Как вы их к жизни готовите?

Александр Федорович служил на Сахалине, на Курильских островах, встречался с Чкаловым, с четверкой воинов, 49 дней проживших в открытом океане без пищи и питьевой воды. У него бо-

гатейшая фильмотека слайдов о тех краях, героях, и это стало основой других его лекций — о мужестве, о героизме, о дальних рубежах нашей Отчизны.

Алла Михайловна любовалась, когда на субботник вел колонну шестиклассников седоватый крепкий смугляк, настоящий морской волк, капитан второго ранга в отставке Михаил Сергеевич Драмшев. Или когда отправлялся с детворой в турпоход энтузиаст воспитательных дел, тоже страстный общественник и умелый лектор, подполковник в отставке Юрий Владимирович Титков. С Аллой Михайловной и без нее военные шли и в школы — на комсомольские собрания, вечера.

И еще одна боевая единица: на работу с трудными подростками вышла ветеран комсомола и партии Мария Анфиногеновна Сотникова. В войну она была секретарем Ошского обкома комсомола Киргизии, возглавляла оборонную работу среди молодежи. Человек принципиальный, открытый, с нею и папам, и мамам легко говорить на самые трудные темы. Она смело взяла под свой контроль все неблагополучные семьи и под свое личное влияние — всех неблагополучных ребят. Находка! Многим бы учителям было интересно приглядеться, как она разговаривает с такой категорией подростков. Ребятам нравятся ее собранность, четкость мысли, смелый подход ко всему и хорошие командирские манеры. Она им нравится, они задружили с нею и многому учатся у нее.

Актив, актив, славные помощники педагога! В большом доме на Тульской живут хорошие спортсмены: муж и жена Ситниковы — Галина Андреевна и Леонид Иванович. Зима, выходной день, у дома собираются ребята с лыжами. Выходят Галина Андреевна, Леонид Иванович, тоже с лыжами, и вскоре длинная цепочка мальчишек и девчонок, идущих за ними, оказывается в загородном бору, на лыжне.

Тут мы прервемся. Сколько на этом месте раздастся недовольных голосов? С таким-то, мол, активом всяк горы свернет, а вот попробовали бы, скажем, в сельских условиях!

На память приходит один пример.

Стоит как-то на машинном дворе в Попелёве, что под Козельском, механик Иван Дмитриевич Карасев — ребятня подбегает:

— Ван Митрич, а можно, мы тут помогать будем?

Дело было в первых числах июня, у школьников начинались каникулы.

Посмотрел на них Иван Дмитриевич, усмехнулся. Вот тебе и помощь, и смена. По КЗОТу таким работать вроде не разрешается, а если по делу глядеть — чего они будут скукой маяться. Тут им машины, настоящая работа — интересно! А колхозу рук не хватает. Вот сейчас нужны чистка, смазка плугов, сеялок, культиваторов. Трактористу в сезон когда этим заниматься? Он только сеялку отцепил — цепляй культиватор: сорняки пошли; кончил обработку посевов — косилку навешивай, грабли, стогометатель. Не до чистки. Пораскинул Карасев умом, похвалил ребят:

— Молодцы... Машины будете чистить, смазывать?

У ребят и дух перехватило:

— У-у, конечно!

Повел их Иван Дмитриевич к машинам. На колесах, на дисках

сеялок комья глины с соломой присохли, все грязью забрызгано. Расставил он юных гвардейцев по двое, по трое, назначил старшего, дал всем инструменты — пошло дело! Звон и стук и усердие такое — хоть кино снимай!

Наутро добровольцев еще больше привалило. Летом в Попелёво приезжают ребята из Москвы, Калуги, Тулы. Подростки с девичьими пальчиками, но тоже просятся:

— А нам можно?

Из третьих, из четвертых классов детвора увязалась, плечи расправляют:

— А нам, Ван Митрич? Мы — тоже!

Ну что тут скажешь? Никому без дела не интересно!

Работать у Карасева — это еще и авторитетно. Человек он в округе почитаемый, «бог техники», орденом Ленина награжден, работник хозяйственный, аккуратный, порядок любит. Стоит он с выгоревшими на солнце бровями, губы обветренны, в глазах лукавинки играют. Всем дело найдет — и городским, и сельским — пусть привыкают! Пусть привыкают, пока не подросли, — потом их приучать будет уже трудно.

Младшим дает дело попроще — мыть и смазывать. Тут ты ни ногу не отшибешь, ни руку не поранишь, а воспитательная «соль» дела хороша и тут. Отмоют, глянут — машины будто новенькие стали, глядеть весело. Вот уже и какой-то вкус, интерес к работе пробуждается. Через эту ступень у Ивана Дмитриевича все проходят. Даст он ребятишкам инструкцию, «инвентарь» вручит:

— Вот вам ведерочки, тряпочки — мойте.

Моют. Полосочки грязной не оставят. Доволен Карасев. Похвалит своих гвардейцев — полюбуются вместе: хорошо! Ходят хлопцы походкой хозяйской, рукава засучены, руки увесистые, что у заправских механизаторов. Высохнут машины, разведет наставник кусок битума в солярке, даст ребятам помазки — теперь смазывайте металлические поверхности, чтоб не ржавели. Глядь, машины теперь как с завода.

А дальше и ремонтом кой-каким нехитрым заняться можно. Группой с Карасевым обойдут подростки культиватор: ага, стойка погнута.

— Это снимите, — скажет механик, — в кузне поправят.

Берут ребята ключи, подбирают, какой нужен, снимают стойку. Потом поставят на место. Иван Дмитриевич закажет токарям наделать новых болтов, гаек, ребята привинчивают. Уехал механик в поле, вернулся, они с докладом к нему:

— Мы тут одну стойку сами сняли — кривая была. В кузню отнесли.

— Порядок, — серьезно отзывается Карасев.

Серьезно, с достоинством переглядываются и пацаны. Вошли во вкус, спросили:

— Можно, мы и в воскресенье придем? Взрослые-то работают.

Подумал механик, сказал по-отцовски:

— Нет, ребята, в воскресенье вы отдыхайте.

Дальше — больше, им уже хочется и посерьезнее дело залучить, поближе к нутру машинному подобраться. Пришел какой трактор на ремонт — это им что праздник. Что-то подать трактористу, что-то подержать, деталь промыть — тут каждое дело нарасхват. Все закоулки у машины глазами высверлят: «А это что? А это зачем?» И тут совсем станет день незабываемым, когда Иван

Дмитриевич откроет им чудо из немыслимого набора шестерен — коробку передач, да еще покажет, как скорости переключаются. С этого дня «шестеренки» технической страсти начинают вращаться у ребят в самых захватывающих комбинациях.

Понятно, что дела такого рода не могут долго держаться на одном лишь ребячьем интересе. А раз уж это работа, то тут должен быть и определенный распорядок, и какая-то оплата труда. Иван Дмитриевич это понимал. С самого начала он пошел с такими соображениями к председателю колхоза. И с тех пор было установлено, что ребята приходят на машинный двор утром, работают по 4—5 часов, и им начисляется зарплата — по 40 копеек в час. Мамам и папам, конечно, все это в радость. То малый баклуши бьет, а то к делу приучается, да еще деньги будет приносить. Четыре-пять часов в день по сорок копеек — за месяц прилично набежит. И вот уже много лет довольный ходит Иван Дмитриевич Карасев:

— Толковый, — говорит, — народ растет. Эти пустой жизнью жить не будут.

Вот трое из его воспитанников закончили СПТУ, в армию пошли — Сережа Авдеев, Саша Кузьмичев и Павел Дрыничев. По три лета отработали у Карасева на машинном дворе — закалка получилась подходящая. Потом по два лета за рулем отработали на механизаторской практике в колхозе. Все освоили. Что особенно отрадно Ивану Дмитриевичу — они так берегли технику!.. Не забудешь. А чуть какая новинка — мимо не пройдут. Показал механик Павлу Дрыничеву новый загрузчик сеялок местной конструкции — парень тут же освоил, стал работать.

Осталось Павлу два денечка побыть до ухода в армию, а тут нужда в колхозе приспела горячая. Шел ударный ремонт телятника, стройматериалы позарез нужны — возить их некому. С поля никого не отзовешь — там своя забота: сев озимых, картошки много убирать... Попросил Иван Дмитриевич:

— Не поможешь, Павел? Хоть денек.

Ни слова возражения, ни вздоха — только кивнул Павел, оделся и поехал.

Брат его, Володя, тот после школы в Боровский техникум пошел, решил стать механиком, как Иван Дмитриевич. Товарищи Володины по школе тоже без всяких раздумий в СПТУ двинулись: даешь технику!

Встречает иногда Карасев московских, тульских своих питомцев. Один подходит:

— Вы меня не узнаете? — Ладный, крепкий парень, в армии отслужил. — Я из Тулы, ученик ваш, на машинном дворе у вас работал. Так вот и прикипел к механизаторскому делу, СПТУ окончил. Продовольственную программу выполняю.

Вот такой пример из «сельских условий». Добрый, завидный пример! Но один момент тут есть печальный: не видно школьного учителя. Все совершалось без него, по воле ребячьей фантазии и хозяйской сообразительности колхозного механика. Отчего на разных дорогах оказался актив и педколлектив?

Да ведь та же беда и здесь, в городе. Школы живут своей просвещенческой жизнью, а их могучий актив в микрорайонах, взяв-

шийся развивать воспитательную работу, — своей. Дороги не сходятся. И не видно, чтобы это беспокоило просвещенческие умы. Школы оказываются словно на островах... Даже когда на эти острова переправляются активисты воспитания с «материка», сближения сил не получается.

— Вот проводим мы вечер старшеклассников в восемнадцатой школе, — сдерживая свой праведный гнев, рассказывает упомянутый выше полковник Ю. В. Титков. — Тема: «Есть у революции начало — нет у революции конца». Большой, нужный, многое решающий разговор! Но... Из семнадцати учителей-комсомольцев на этом вечере не было ни одного. И директор не пришел.

Вот как бывает!

Но удивительно ли? Сколько лет внушалось учителю, что его дело учить, что обучение — это и есть воспитание! Кто же спросит за какой-то там вечер!

— А есть кому спрашивать и в городе, — отозвался на это Титков. — Я на городских совещаниях не раз говорил: «Товарищи, много митингуем о воспитательной работе с детьми, а много ли делаем? Давайте пойдем в микрорайоны, посмотрим, что за дети, что за родители, какую линию ведут школы и какой есть опыт у педагогов-организаторов... Очень трудно раскачать!

Проходят годы.

Подрос, стал крепким парнем Андрей. Окончил восемь классов, поступил в ПТУ — будет сварщиком. А комната школьника и сейчас остается для него родным местом. Заходит, снимает пальто — всегда аккуратный, уравновешенный, с ходу готовый что-нибудь делать. Алла Михайловна встречает его как своего сына. Он вырос около нее. Это она сделала все, чтобы не попал он ни под какое дурное влияние.

— Ни одной сигареты не выкурил, глотка вина не попробовал.

Это — Алла Михайловна. В темных глазах ее, налитых теплом, тихая материнская радость.

Здесь он в заботах рос. Украшал новогодние елки, устраивал светомузыку, организовывал с ребятами дискотеки — полюбил все делать так, чтоб было всем интересно. Теперь тренирует ребят-хоккеистов. И по-прежнему Алла Михайловна обращается к нему тоном тихой просьбы:

— Ты не сможешь прийти вечером, маленьким помочь?

Маленькие соберутся что-то вырезать и клеить. И, как семь лет назад, Андрей молча кивает: «Приду».

Выходит, он теперь тоже «педагогический актив»!

Иногда задумается Алла Михайловна: вроде бы и есть на что оглянуться. Сотни ребят втянуты в интересную, деятельную жизнь. Каждый теперь уже ищет себя: поработал в одном кружке, научился чему-то — выбирает другой, третий. Хорошо. Пусть пробуют себя во всем. Сроднились со спортом, стали крепче, дружнее, учеба у многих лучше пошла. На городских спортивных соревнованиях у ее питомцев — лучшие места. Кубков, дипломов, грамот — целая витрина. А труд? Труд для многих стал радостью. Кружок мягкой игрушки вырос в настоящее производство красивых сувениров. Их посылали в Москву на фестиваль, приобретали профсоюзные организации, Валентина Михайловна Леонтьева показывала их по Центральному телевидению. Когда работали для

фестиваля, это было как большой праздник труда. Полны комнаты ребят — не пройдешь. Режут, клеят, красят. И отовсюду смотрят готовые Катюши, котята, мишки. Заработанные деньги перевели в фонд помощи сиротам Никарагуа. И все ходили счастливые своей солидарностью с Никарагуа, своей хоть маленькой причастностью к борьбе никарагуанского народа за свободу.

Во всем этом — и твой труд, твои заботы. Тоже можно ходить счастливой. Сотни ребят! И сделать так, чтобы всем было интересно, чтобы все пошли за тобой, чтобы всем хотелось сюда, в эти четыре комнаты, — это не просто.

Вроде бы можно быть довольной. Хотя и огорчений, порою очень обидных, — вдосталь. Одни комиссии... Финансовые, депутатские, из гороно, из горсовета... Сколько проверяющих! И что слышишь? «Интересно, зачем вам столько кружков? Надо закрыть половину. Надо беречь государственные средства!» Не по себе становится от таких «рачительных» рекомендаций: на ком беречь, на детях?!

Все скрашивает детвора. Ее здоровая, наполненная смыслом жизнь.

Но если бы охватить всех! Вот о чем давно уже ее беспокойные думы. Еще многие, многие ребята болтаются скучающими группами по дворам. Тут нужна какая-то более совершенная организационная структура. Перед тобою масса. Масса, а не коллектив и не система коллективов. Кружки, секции? Слишком слабы и эпизодичны в них внутренние связи, зависимости. Оттого и не велико чувство ответственности подростка перед таким коллективом. Не раз было: надо выставить на соревнование дворовую команду, но... Кто захотел, пришел, кто не захотел...

Серьезные споры вокруг этой проблемы разгораются. Как построить дело, какая организационная структура нужна, чтобы полноценное воспитание осуществлялось непрерывно на каждом, как говорил Макаренко, квадратном сантиметре? Педагогическая наука десятилетиями твердит, что надо соединить усилия школы, родителей и общественности. Но где? Как? В классе? В семье? На улице? Как соединиться всем усилиям? Ответа пока нет.

Она мало слышала о макаренковских разновозрастных отрядах, но тут задумалась о них. Макаренко называл их основным инструментом воспитания личности. Основным инструментом! Сам детский коллектив. Что представляет он собою в жизни? Обратилась к книгам. Все просто. Дом, подъезд, часть улицы, где живут 12—16 школьников, — вот и отряд. Командир, комиссар, физорг... Над отрядом — шефы: педагог, кто-то от родительского комитета, от парторганизации, от депутатов. Здесь-то и сливаются воедино воспитательные усилия школы, семьи и общественности. Через отрядных командиров и комиссаров педагоги и родительский актив ладят всю работу с детьми — и учебную, и трудовую, и спортивную — какую угодно.

Отряды — вот что превратит рассыпчатую массу в организованные коллективы и даст возможность охватить всех. Будут общие дела, общие интересы — будут дружба и коллективизм. Дети ищут общения, ищут дела... Понятно: первый год будет трудным. Ничего. Потом все войдет в норму, появятся традиции...

Начались долгие дни хлопотной, канительной работы. Списки. Подбор командиров. Утверждение их в школах — на комитетах комсомола и советах пионерских дружин; первые сборы отрядов.

Алла Михайловна свозила командиров в Москву, устроила инструктивные занятия.

Какое дело должно быть первым? Конечно, перезнакомить и сдружить ребят в отрядах. Обычное явление: жили в одном подъезде, но друг друга не знали, особенно старшие младших. И вот организуются первые общеотрядные дела...

Поворотный момент. Переход на новые формы организации жизни детей, на новую систему организации воспитательной работы. А школы и знать о том не хотят. В упряжке она по-прежнему одна — жэковский педагог-организатор со своим активом. «Острова» упрямо безмолвствуют. И не видно, чтобы кто-нибудь силился сблизить их с материком жизни.

И снова мучили ее раздумья о том, как это близоруко и пагубно. Одно схоластическое урокодательство. По-человечески, сердцем многие учителя с детьми не связаны. «Как тебе живется? Что радует тебя и что тревожит?» — только бы это спросили — и уже другие отношения. Нет, спрашивают только уроки. И дети мучаются заброшенностью и одиночеством. Собрать бы учителей, работников народного образования, обсудить с ними фильм «Чучело» и спросить: «До каких пор будет такая заброшенность?»

Весна. Апрель 86-го. В стране скоро коммунистический субботник. Еду в Калугу к ребятам: в тот самый микрорайон. У них теперь традиция — выходить на коммунистический субботник как на праздник дружбы и труда. Написал Алле Михайловне, что приеду.

Как мне хотелось побывать на их первом субботнике! И как жаль, что не пришлось. Это был начальный шаг жизни разновозрастных отрядов, первый совместный труд. С этого начиналось преодоление разобщенности, сближение ребят, рождение коллективов. Я должен был это видеть: что у них пойдет легко и что — трудно, как станут складываться отношения старших и младших... Не удалось. Теперь предстояло увидеть лишь продолжение и услышать рассказы, как все начиналось.

На улицах и в скверах города шла генеральная уборка. К «штабу» и во дворы шагали колонны ребят с портфелями (прямо с уроков), разбирали грабли, лопаты, веники. И сразу — за дело. Без толкотни, без галдежа и без филонства. Один сгребает листву и мусор, другой начисто подметает за ним, и каждый уголок двора обновляется на глазах.

С Аллой Михайловной мы идем на Тульскую, там ждут нас разновозрастные отряды Тани Тищенко и Наташи Клюзовой. Ждут, чтобы мы вместе с ними сажали деревца.

У Аллы Михайловны, как всегда, ровное, просветленное настроение, мягкие интонации и такой же бархатно-мягкий взгляд. Все у нее идет своим разумным ходом. С отрядами, мальчишками и девчонками вышли и пенсионеры — весь ее партийно-политический актив.

Первые разновозрастные отряды родились у нее вот в этих пятиэтажных домах на Тульской. Два дома, два отряда, в одном 27, в другом 28 школьников. На два дома общий двор, вобравший в себя площадки, где можно поиграть, молодые деревца, тропинки, лавочки.

Обычный городской двор.

В душе какая-то смутная путаница чувств. Хочется увидеть ребят-хозяев, и мало верится, что сейчас, вот здесь, это произойдет.

По всему двору мальчики и девочки, большие и маленькие, хлопочут с лопатами, с железными граблями, и никто из взрослых не стоит у них над душой. Они уже вырыли ямки, приготовили саженцы и в свою артель принимают нас между делом.

Работаем. С нами резвые дошколята (за чем бы ни пошли — пулей!), прыткие девочки-подростки и командир отряда Таня Тищенко — спортивного вида восьмиклассница с симпатичным, умным лицом. Меня она «вводит в курс» — рассказывает, а все остальные — в роли подсказывающих и поправляющих.

Как они начинали? Начинали не очень хорошо. Это два года назад. Объявили первый субботник, а вышло мало — всего несколько девочек. Пошли по квартирам. Идут еще. Но неохотно, как сонные идут. Некоторые пришли и стоят, руки в карманы, кто-то плюхнулся на лавочку. Не хотели браться. Потом видят — все работают. Неудобно. Взялись тоже. Сначала нехотя, вяло. А рядом малыши — такие быстрые, дружные, сравни тех и этих — смешно. Даже самый ленивый понял. Тогда зашевелились. И — пошло. Уборка была. Убирали во дворе, в подвалах, мыли подъезды, окна. Ребячий хор добавил: «Деревца вот эти сажали! К сорокалетию Победы! Вон какие!» Деревца. Хотели Аллею ветеранов заложить, потом посмотрели — зелени во дворе уже и так много. Тогда — просто елочки, березы посадили. Потом поливали их летом. Дел сразу много нашлось. Концерт подготовили отрядом, к сорокалетию Победы. Штаб тимуровцев организовали. Штаб бережливых — следить, чтоб никто ничего не ломал, не портил, чтоб свет зря в подъездах не горел. Потом — группы здоровья, группы бега...

— Подружнели, подружнели ребятки! — походя подкинула сухонькая бабуся. — Хозяевами ходят!

Они рассказывали, как зимой по вечерам и в выходные стали большими группами ходить на лыжах, как по воскресеньям уходили далеко за Оку, а с Ларисой Карпенко из шестого «А» обязательно увязывался ее братишка, Коля, из пятого класса. Всю зиму ходил, ни разу не пропускал, только первый раз уморился очень, но не охал, не хныкал, а дома потом рассказывал, как они ходили, как отдыхать садились и сколько он интересного увидел за городом.

А скоро оказалось, что они хорошо научились чувствовать, где им нужно заботу свою приложить. Обратили внимание: в домах стало много малышей. Народ это подвижный, выбегут во двор — им и дальше, на тротуар, на улицу интересно выскочить. А улица шумная, движение большое, опасно. Собрались отряды и придумали: шефство над малышами. Даже ввести их в состав отрядов. И стало в этих отрядах уже не 55, а 89 человек. И нашлись хорошие шефы, «которые с малышами умеют» (Наташа Макарова из 9-го класса, Света Созинова из 8-го, другие подростки). А умеют они увлечь игрой — в пионербол, в классики, в популярную «резиночку», которой повсюду с великой пользой увлечены девочки и которая здесь мальчиков тоже захватила. А еще садятся на лавочки и вместе с малышами начинают шить куклам платья и фартучки.

...Мы возвращаемся в «штаб». Там накрыт длинный стол, на столе сияет самовар, идет дружное чаепитие с конфетами и печень-

ем. Наработавшись вместе, юные труженики не по домам разбрелись — вместе и чаевничать пошли. И тут у них тоже разговоров — не переговорить. Как за два дня в ударном порядке подготовили «коронный концерт» к празднику работников коммунального хозяйства. Как потом выступали («Что ни фраза — грохот аплодисментов... стены раскалывались!»), и как отблагодарили их потом взрослые — наняли «Икарус»: 40 человек поехали в Москву, в Останкино.

Этого не забыть им. Как поднимались на телебашню, «на седьмое небо».

— Триста тридцать семь метров!

— На лифте.

— Пятьдесят четыре секунды — и там!

— Это им праздник на всю жизнь! — счастливо заметила Алла Михайловна.

Кто отдохнул, насиделся — встает, уходит. Подходят новые, садятся за стол, как дома наливают чаю, и снова бежит звонкий ручей разговора — о делах и праздниках — больших и маленьких, о хорошей их дружной жизни.

На том бы можно и закончить наш рассказ. Но есть нужда и здесь подумать над проблемой.

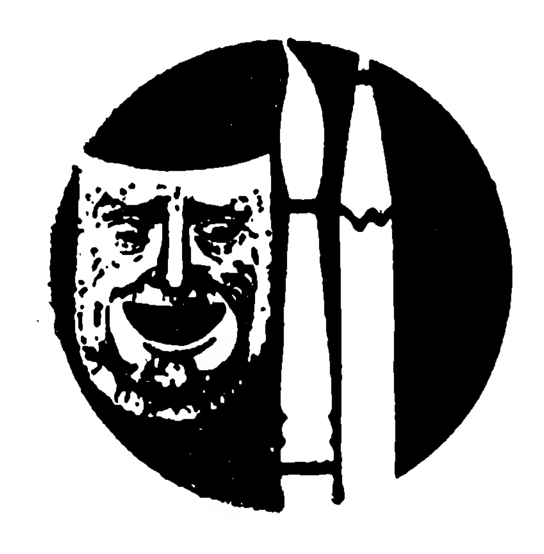
Легко понять Ю. В. Титкова — он прав: речей насчет необходимости улучшить воспитание сегодня слышно много, а надобно бы уже побольше хлопотать о том, что нужно для того. А нужна в первую очередь трудовая база.

Находит, изобретательно находит педагог-организатор, чем занять, к какому делу приставить ребят. Но сколько найдешь им подходящих дел в городском дворе? Труд нужен не эпизодический — постоянный. А такого и при школах нет. Время не терпит — требует подумать, как открыть школьные мастерские для постоянного ребячьего труда. Подростки мечтают и о мини-мастерских при домоуправлениях. Чтобы стояли там столярный верстак, слесарный с тисками и инструментами, парочка электро- и радиомонтажных столов и, может быть, две-три швейные машинки.

Кто-то из привыкших только говорить, прочтет это и разведет руками: где брать? где размещать? кому доверить? Люди инициативные на это отвечают: не так уж мы бедны, чтобы для большого дела не найти старого верстака и подходящего подвального помещения... А Свердловский МЖК, например, сделал для мастерских специальную пристройку.

Будет инициатива — будет все!

●

ИСКУССТВО

А. АЛЕХИН

НУЖНА ЛИ ГРАМОТА ТВОРЦУ?

ЗАПИСКИ ХУДОЖНИКА-ПЕДАГОГА

Когда я привез в Бамако рисунки советских детей, никто из нас не ожидал, что их произведения будут иметь такой успех. Каждый день зал выставки был переполнен. Многие ребята проводили здесь чуть ли не все дни.

Тогда самым живым и любознательным из них я дал бумагу, краски, карандаши. Как-то неожиданно сложился своеобразный кружок изобразительного искусства.

Было чему поразиться: некоторые из моих новых друзей, впервые взявшие в руки краски, карандаши, обнаружили большие способности, остроту мышления, наблюдательность. Вскоре у меня собралась солидная коллекция их работ, некоторые из которых потом отметили наградами на крупном международном конкурсе, проводимом в Советском Союзе.

Что за феномен! В стране, где никогда прежде не существовало искусство рисунка и живописи в привычном для нас понимании, где лишь недавно народ завоевал независимость, дети оказались восприимчивы к изобразительному твор-

честву в не меньшей степени, чем в странах с богатыми художественными традициями.

Никакого чуда здесь нет. Дети всего мира развиваются по одним и тем же законам. Если они не лишены возможности наблюдать окружающую жизнь, бегать и играть, общаться со сверстниками и взрослыми, то первые их рисунки будут во многом сходны.

Ученые давно установили для каждой возрастной группы свои определенные особенности. Так, ранний период в художественном развитии ребенка характеризуется творческой активностью, увлеченностью работой, большой продуктивностью и быстротой выполнения рисунков.

Дети восьми-одиннадцати лет относятся к изображаемому часто вне связи с окружающей его средой, положения относительно других предметов, падающего света, воздушной перспективы и т. д. Характерна для этого возраста необыкновенная устойчивость особенностей и приемов изображения, часто идущая вразрез с теми знаниями, которыми ребенок уже обладает.

В среднем возрасте у подростков на смену творческой свободе и уверенности часто приходят робость, нерешительность, порой неверие в свои возможности, стремление к подражанию, срисовыванию. Это трудный возрастной период для педагога, поскольку требует чрезвычайно умелого руководства — необходимо продуманное сочетание обучения грамоте рисунка и живописи с поддержанием и развитием интереса подростка к изобразительной деятельности.

Однажды в журнал «Юный художник» пришло письмо из Новгорода. Его автор В. Ф. Гребенников сетовал: «Дух академической выучки губит в самом корне все чистые и вольные проявления миросозерцания детей, а свободную, по самой сокровенной природе, суверенную Душу ребенка заковывает в ложные догмы «взрослого» искусства. Патриарший академический профессионализм сегодня уже полностью колонизировал детскую душу, не оставляя для нее ни малейшей возможности выражения своего чувствования жизни, правды и красоты такими, какими эта душа видит и понимает их. Искусство детей тем выше оценивается, чем более оно усваивает атрибутику форм и идеологическую словистику взрослых художников. Как художник я испытал все мертвящее давление академической догматики на своей собственной судьбе и, как наставник наших ребят в их занятиях изобразительным искусством, очень опасаюсь проникновения подобных ложных оценок и опасных влияний».

А совсем недавно в тот же журнал прислал письмо В. И. Гребенников из поселка Усть-Донецкий Ростовской области. Вот что говорится в этом письме. «Что же приводит ребят к мысли о бесполезности серьезной учебы и теоретических познаний? Причин здесь много. Немалая доля ответственности за это на совести некоторых наших критиков и искусствоведов. предавших забвению или вскользь освещающих те традиционные достоинства, которые составляют суть искусства. Их писания о современном искусстве буквально перегружены словами: «раскованность», «свобода письма», «новизна», «творческий почерк», «своеобразно», «оригинальное решение» и т. д. и т. п. Не правда ли, блестящий набор провоцирующих слов, способный толкнуть души в творчество сразу, без соответствующей подго-

товки? Зарождается мнение: «Зачем учиться и знать, когда необходимо выражать себя...»

Письма однофамильцев, но не единомышленников. И хотя большинство художников, педагогов, ученых убеждены, что изобразительная грамота необходима всем без исключения и что ее основы обязана давать средняя общеобразовательная школа, имеются и противники этого.

Ну зачем учить, возражают они, когда рисунки малышей пользуются таким успехом во всем мире! Когда всюду столь высок спрос на выставки детского изобразительного творчества, которые являются важным средством международного сотрудничества и взаимопонимания!

Если иной зритель скептически относится к картинам профессионалов, взрослых художников, то юным верит, справедливо полагая, что ребенок всегда искренен. Помню лица жителей Бамако: детей, стариков, служащих, крестьян, оживленные улыбками, нескрываемым изумлением. Малийцы впервые увидели рисунки советских детей и удивлялись разнообразию их тематики, тому, как счастливо живется в огромной стране, как красивы там природа, города, села.

Но не следует забывать, что работы на выставки берут не все подряд, а лучшие, выполненные способными детьми. Детьми, которых, может, еще специально и не учат, но которые могут впитать в себя на первых порах все необходимое для создания рисунков. Однако по мере взросления природных данных оказывается уже недостаточно.

Удивит ли вас, если поступивший в музыкальную школу ребенок начал изучать нотную грамоту, осваивать технику игры на пианино, скрипке или гитаре, заниматься сольфеджио? Если в хореографической студии ребенок упорно осваивает азы танцевального искусства?

Действительно, вроде бы странные вопросы. А нужно ли, чтобы создать произведение изобразительного искусства, учиться? В книгах, журналах, газетах время от времени, и не так уж редко, можно прочитать, что учить детей рисованию необязательно. Наоборот, у них якобы надо учиться, предоставлять «детскому искусству» лучшие музеи, галереи и выставочные залы.

Впрочем, некоторые подходят более осторожно, учить детей вроде бы и надо, говорят они, но лишь после того, как минует доподростковый возраст (то есть когда в средней общеобразовательной школе курс рисования уже завершается) и настанет пора критического отношения к самому себе. А самокритичность — враг юных художников, потому что мешает им работать спонтанно, «непосредственно».

И вот вокруг пяти-семилетнего ребенка, а порой и трехлетнего собираются дяди и тети и выискивают сделанные им открытия в области цвета, композиции, «находят» в рисунках отражение всего пути развития мирового изобразительного искусства и даже его далекого будущего.

Подобные идеи не новы. Они смыкаются с попытками распространить значение биогенетического закона на область психического развития личности, которые делались в буржуазной психологической и педагогической литературе. И были не чем иным, как несостоятельными механистическими попытками объяснить общественные явления действием биологических законов.

В начале века некоторые исследователи детского рисунка усмотрели аналогию в развитии изобразительного творчества ребенка с развитием мирового искусства. Эта теория оправдывала стихийность и бессознательность художественно-творческого процесса вообще и детского в особенности.

* * *

В 1914 году петербургский «Синий журнал» поместил детские рисунки и небольшой текст под общим названием «Душа ребенка — потемки». Там есть такие строки: «Интересно вникнуть в эти продукты детского творчества. Везде такая святая простота и невинность. Тот примитив, к которому рвутся нынче наши модные художники. Кстати: группа художников и педагогов с целью издать сборник, посвященный искусству детей, собирает соответствующий материал».

В том же году в Москве была издана книга немецкого педагога, теоретика буржуазной трудовой школы Г. Кершенштейнера «Развитие художественного творчества ребенка», который главной целью своего исследования ставил научное обоснование реорганизации художественного воспитания в Германии. Ученый, собравший огромный материал, анкетные данные и рисунки 300 тысяч детей, справедливо утверждал, что в школе нет другого предмета, который так легко можно было бы использовать для обогащения опытного знания, как рисование: с его помощью лучше всего обогащается и усовершенствуется самый существенный и обширный круг наших конкретных представлений.

Но далее Кершенштейнер пишет о своем изумлении и умилении «перед некоторыми детскими душами с их способностью восприятия и силою выразительности в передаче наблюдения, что мы обыкновенно привыкли считать результатом долголетней усердной учебы и что здесь без всякой посторонней помощи вытекает прямо из глубины природного таланта». Таким детям, по мнению автора, учитель рисования вообще уже ничего не может давать: они далеко превосходят его. Лучшее, что он сделает, — предоставит ребятам идти своим путем, которым они и без него шли с детства, и обратит внимание выдающихся художников на это сокровище. Не с тем, конечно, чтобы направлять их талант, но с тем, чтобы оберегать его и помогать советом.

Однако на поверку оказывалось, что все «таланты» в той или иной форме учились. Один ребенок рисует дома, несомненно, кем-то руководимый, другой «хотя никем не руководим, но часто наблюдает за работой соседа — живописца-декоратора»...

Недооценка обучения и воспитания всегда связана с переоценкой возможностей свободного развития. В начале столетия детское изобразительное творчество было объявлено подлинным искусством, а иногда «особым видом искусства». К примеру, известный искусствовед Н. И. Пунин, выступая на краткосрочных курсах для учителей от Народного комиссариата просвещения в 1919 году, утверждал: «В отношении детей будьте елико возможно осторожны, ибо никто даже из лучших художников, лучших техников, гениальных мастеров не знает, где лежит путь будущего искусства и в какой степени творчество ребенка — не есть вещее творчество».

Советский искусствовед и педагог А. В. Бакушинский в книге «Художественное творчество и воспитание», изданной в 1926 году, выдвинул положение о том, что «путь воспитания надо предпочесть пути образования и последний безвозвратно подчинить первому». Педагогическое руководство он сводил преимущественно к помощи детям в освоении различных материалов и разнообразных художественных процессов, одновременно подчеркивал значение прежде всего свободного творческого развития художественных возможностей детей без нарушения их стихийного биологически-возрастного течения.

Подобные высказывания были связаны в те годы и с формалистическими течениями и направлениями в профессиональном искусстве. Они, эти теории, оказали на советскую школу первых лет ее становления большое влияние. С одной стороны, пробуждали интерес общественности и специалистов к творческой личности ребенка, что можно было только приветствовать. С другой — культивирование детского свободного творчества за счет обучения вступило в противоречие, даже в конфликт с запросами самих детей, особенно подростков. По мере развития ребенка, расширения влияния на него внешних факторов, углубления способности наблюдать и обобщать увиденное у него возрастает критическое отношение к результатам собственного творчества. Юного художника уже не удовлетворяют прежние средства выражения. А трудность овладения новыми без посторонней систематической помощи приводит к неверию в собственные силы, к отказу от творческой деятельности. «Родовое оставляет его, — читаем мы у Бакушинского, — и он может рассчитывать на себя и на свою обособляющуюся и формирующуюся личность... источник его творчества мелеет».

В последующие годы подобные воззрения, особенно на Западе, активно пропагандируются. Высокая оценка художественного качества детских работ становится аналогичной отношению к искусству как якобы всегда интуитивному и бессознательному.

Идеолог и методист художественного воспитания в так называемых новых школах Франции Элиз Френэ — директор журнала «Детское искусство», организатор в 50—60-е годы международных выставок детского творчества, заявляет: «Образы, созданные ребенком в процессе бездумного, интуитивного творчества, подобны священным фрескам в древних пещерных храмах, доступным лишь посвященным». Детский рисунок она сравнивает с произведениями Пикассо и Матисса, в чем ее поддерживают такие художники, как Леже, Кокто, Шагал, Брак, то есть те, чье творчество тяготеет к декоративности. Кстати, заметим, что детские и юношеские рисунки Пикассо свидетельствуют о том, что будущий художник вполне владел карандашом и кистью.

Искусственно культивируемая инфантильность, пренебрежение будущим ребенка порождает проблему «угасания» творческой активности у подростков. К сожалению, в нашей художественной и педагогической среде приходится сталкиваться с аналогичными суждениями — неосознанными отголосками буржуазных эстетических воззрений.

Так, на страницах популярной молодежной газеты искусствовед С. Кушнерев восторгался искусством шестилетней девочки: «И небольшая пока история ее искусства, как капля воды, отразит историю искусства всего человечества: почти египетские

профили, почти импрессионистский дождь. фиолетовые ежи с зелеными иголками». И статья-то называется — «Как небо в капельке росы, отражается в детских рисунках история мирового искусства». Автор утверждает, что «специалисты — педагоги, психологи, художники — находят в них (то есть в рисунках этой девочки. — А. А.) аналогии с живописью Древнего Египта, средневековых Китая и Японии. Одна из ее работ поразительно напоминает пейзажи Матисса. То, что это рисовал ребенок, выдает только маленькая смешная фигурка в левом нижнем углу».

Сохранились детские и юношеские акварели, этюды маслом, карандашные и угольные зарисовки Василия Сурикова, Федора Бруни, Ильи Репина, Василия Верещагина, Валентина Серова, Николая Рериха. Так вот по нынешним меркам они вряд ли удостоились бы чести быть экспонированными даже на иной районной выставке детского изобразительного творчества. Потому что выглядят скучными, «академичными» по сравнению с раскованными декоративными работами необученных или специально натренированных для выставочной деятельности ребят. Но что было бы с ныне знаменитыми художниками, если бы их не учили, если бы они не были одержимы желанием овладеть изобразительной грамотой?! Если бы пытливо не изучали натуру, не вникали в правила перспективы, светотени, цвета, не осваивали сложные законы композиции?

Моцарт и Паганини, Пушкин и Лермонтов, Дюрер и А. Иванов... В детские годы они великолепно сочиняли, исполняли, писали. Ими восхищались, но не потому, что воспринимали их творчество как «детское искусство». Ими восхищались потому, что они уже не уступали взрослым профессионалам, но были еще такими юными. Иначе говоря, к их таланту подходили с критериями «взрослого искусства».

В одной из телепередач учитель юного скрипача Вадика Репина, поражающего мастерством и зрелостью исполнения сложнейших сочинений, сказал, что главной своей задачей ставит изживание у него инфантильности. Да, в музыке, литературе инфантильность обычно не приветствуется.

Искусство есть только одно. Настоящее, высокое, профессиональное. Иногда нам нравятся красивые примитивы, «безголосое» несложное пение не только своей искренностью. Создается иллюзия доступности искусства, дескать, и мы сами способны не хуже изобразить или спеть нечто подобное. Подлинный ценитель искусства восхищается высоким совершенством произведений литературы, музыки, живописи, гордясь тем, что человек может создавать столь поразительные шедевры.

Ребенок, как бы он ни был одарен, всегда находится лишь в самом начале пути к вершинам, а путь этот длится до конца жизни. Ведь ни Леонардо да Винчи, ни Рафаэль, ни Тициан не считали, что совершили все возможное. В «Поучениях Птахотепа», написанных древними египтянами сорок пять веков назад специально для тогдашних школьников, сказано: «Искусство не знает предела. Разве может художник достигнуть вершин мастерства?»

И потому нелепо говорить о «детском искусстве», создаваемом без особого труда, без жизненного опыта, а следовательно, без образного отражения действительности с позиций определенного эстетического идеала.

Каким образом восьмилетний ребенок может совершить образное открытие жизненной правды, если он еще не в состоянии понять сущности происходящих в мире событий, осознать жизненные ситуации, общественные отношения, характеры и переживания людей, будучи к тому же практически художественно неграмотным? Как может выразить свое отношение к миру, дать ему верную оценку?

Безусловно, основным критерием оценки детского рисунка является степень его приближения к полноценному реалистическому изображению. Только этот критерий отвечает запросам самих юных художников, у которых по мере их развития формируется стремление к познанию действительности, к более полному и точному отображению предметов и явлений.

* * *

Ученые, занимающиеся решением многих загадок памяти, не обошли вниманием присутствие у человека двух «я». Первое, сознательное, обращено к интересам внешнего мира. Второе, подсознательное, — убежище, куда устремляется мозг, спасаясь от перенапряжения, от невроза. У второго «я» интеллект слабее, а интересы скуднее, чем у первого, хотя память может быть и превосходной. Но это память механическая, непосредственная.

Человек, уставший от умственных занятий и приехавший отдохнуть куда-нибудь на море, в горы, на рыбалку, порой как бы преображается: он похож на взбалмошного ребенка, забывшего обо всем на свете. И прекрасно! Врачи поощряют такие превращения: первому «я», ожидающему возвращения второго, они лишь на пользу.

«У детей первое «я» как следует не сформировалось, у них господствует второе, которое не боится роковых впечатлений и нервных тягот, перенапряжения и эмоциональных встрясок, — пишет С. Иванов в своей книге «Лабиринт Мнемозины». — Им нет нужды искать расторможенности, поскольку обладают ею еще в полной мере. Их личность еще не обрела первого «я» как цельную личность, сформированную в законченный комплекс интеллектуальных и эмоциональных черт, окрашенных острым чувством социальной и нравственной ответственности. Лишенное настоящей индивидуальности, оно не личность, а только ее подобие. Вот почему оно легковерно и в руках гипнотизера податливо, как воск. И вот почему в борьбе с первым «я», ослабевшим не от серьезной мозговой травмы, а только от переутомления или шока, оно чаще всего оказывается побежденным. Психологи пришли к мысли о животном, досоциальном характере второго «я», о его близком родстве с теми влечениями, которые сложились у нас еще до появления сознательной памяти и интеллекта».

Взрослых забавляет «юмор» детей. «И покуда разум их еще не омрачили постылые докуки жизни, — писал Бальзак, — не найдется во всем свете ничего более святого, ни более забавного, чем детский лепет, являющий собой верх наивности». Детскому лепету посвятил свою книгу «От двух до пяти» К. Чуковский. Мы понимаем, что сам ребенок ничего смешного не находит в словах, которые для нас так уморительны. Их рождает наивность в сочетании с огромным интересом к новому. А новое — абсолютно все. Тот же юмор в устах подростка — сви-

детельство либо недоразвитости, либо умственного заболевания.

«...Я присела рядом с рисующими детьми. Мне бы сейчас взять кисть или карандаш и порисовать с ними, но разве душа моя не перегружена мыслями, мешающими мне быть сейчас такой же непосредственной, как они?» — писала в газете «Известия» педагог Н. Аллахвердова. И далее, анализируя экспонаты галереи детского рисунка в Ереване, заявляла: «Такие шедевры в музее — на каждом шагу».

В изобразительном искусстве «детский лепет» хорош, когда соответствует возрасту автора. Благо, что рука рано способна ухватить карандаш или цветной мелок, что бумага легко принимает мазки гуаши или акварели, что результата долго ждать не надо — он приходит быстро, как в сказке. Это легче, чем спеть песенку: там надо запомнить мелодию, слова, иметь приятный голос и хотя бы примитивно владеть им. Это проще, чем сложить небылицу или складно пересказать увиденное в зоопарке или на празднике. А тем более — изложить письменно: ведь писать ребенок еще не умеет!

Таким образом, рисунок условно можно назвать самой первой, относительно доступной человеку грамотой, которая позволяет в далеких от совершенства — но все-таки понятных — формах обмениваться несложной информацией, выражать свое отношение к различным явлениям окружающей жизни, к прошлому и будущему.

Вот перед нами детский рисунок. Забавный, яркий по краскам, непосредственный. Все ли оценят его одинаково?

Специалист, художник-педагог обратит внимание на возраст автора, учтет, сам ли он рисовал или под влиянием взрослого, занимается ли в кружке, изостудии; определит степень одаренности, наметит путь руководства его дальнейшими занятиями.

В то же время многие увидят в рисунке такие качества, каких на самом деле нет. Расценят случайное как намеренное, спонтанное как интуитивное, наивное как мудрое. Здесь действует тот же механизм, что и при разглядывании облаков, морозных узоров, нагромождения причудливых скал. То есть зритель дополняет увиденное своим воображением, фантазией.

У определенной категории поклонников детского творчества к искреннему увлечению добавляется налет эстетства. Обычно это случается с теми, кто считает себя знатоком изобразительного искусства и пришел к выводу, что такие художники, как И. Шишкин, И. Айвазовский, В. Верещагин, — лишь натуралисты, «враги» истинного творчества. В таком случае все, что отстоит дальше от натурализма, находится соответственно ближе к подлинному искусству. Следовательно, детские рисунки можно отнести к этой категории.

Только невежды могут называть вышеупомянутых мастеров живописи натуралистами. Какой труд стоит за каждой их картиной: размышления, переживания, наброски, зарисовки, этюды, поиски композиционной выразительности, мотива, настроения, самого характерного, существенного. И если зрителю приходится меньше «дорисовывать» в картине Шишкина «Дождь в дубовом лесу», чем в каком-либо произведении, носящем обобщенный характер, то любому любящему природу она навеет дорогие образы, сложную гамму переживаний, о многом напомнит, позовет в лес, в поле, в туманные дали.

К сожалению, многие судят о картинах смело и безапелляционно. Ну как же: вот она, картина, передо мной, я ее вижу. От того, что все «видят», и возникают огульные суждения, массовые порицания или восхваления тех или иных художников. Иногда называют мазней талантливую вещь, а перед пошло-салонной выстраиваются очереди.

Спекулируя на этом, появляются дельцы от искусства. Одни уповают на невоспитанность вкуса части зрителей, другие — на эстетов, считающих себя крупными знатоками, а потому делающих тем более умный вид, чем непонятней картина. Вы, наверное, замечали, что перед откровенно нефигуративной живописью редко услышишь слова порицания. Зритель помалкивает, боясь проявить неведение, показаться профаном. Сложилось мнение, что изображать «понятно» — проще, чем «непонятно».

В художественной критике не утихает дискуссия по поводу проблемы «правдивости формы», то есть вопроса сходства или несходства художественной формы с отображаемым явлением. «Например, если считать, что форма художественная как таковая не похожа на формы реальных предметов, то меняется почти вся система оценки искусства — и «права гражданства» в мире искусства получают не только кубизм, футуризм, сюрреализм, но и все новейшие течения современного модернизма. Ибо исчезают методологические основания для их критики. Если же обосновать, как это делают марксисты, что «форма» искусства не избирается произвольно, что она и есть отражение жизненных форм, то не только становится ясной ущербность модернизма, но и реалистические критерии оценки искусства приобретают прочную философскую базу», — пишет Б. Лукьянов в книге «В. И. Ленин и художественная критика».

Следовательно, и к детским рисункам приложим тот же единственно верный критерий «правды формы» — с поправкой на возраст автора, степень его обученности, уровень способностей. Очевидно, что перед нами не произведения «особого рода искусства», а результат творчества ребенка.

Упрощенческий подход к задачам художественного образования привел к серьезным разногласиям вокруг целей и методов преподавания изобразительного искусства в средней общеобразовательной школе. Никто не отрицает, что сам предмет «изобразительное искусство» необходим. Однако для чего — учить основам грамоты, одновременно эстетически воспитывая? Или задача общеобразовательной школы — не обучать искусству, а воспитывать через искусство, как декларирует Б. Неменский в своей книге «Мудрость красоты» (М,. «Просвещение», 1981). Б. Неменский призывает не столько учить ребят основам рисования, сколько вырабатывать к нему отношение. Развивать творческие способности, фантазию и интуицию, опираясь не на рисунок и живопись, а на прикладные виды изобразительного искусства. Главное, по его мнению, чтобы дети не унывали: резали, клеили, мяли, гнули проволоку, картон, дерево, бумагу, линолеум, глину...

Зоркость фантазии, зоркость души, нравственное и духовное развитие средствами изобразительного искусства — все это важно, конечно. Ссылаясь на то, что грамота изобразительного языка требует многих рабочих часов и опытных педагогов, Б. Неменский считает, что названные задачи решать гораздо про-

це — причем можно и силами наскоро подготовленных педагогов, даже если они не специалисты в данной области.

Восхвалению идей Б. Неменского посвящена статья В. Алексеевой «Программа искусства — программа труда», опубликованная во втором номере журнала «Творчество» за 1986 год. Статья эта — возвышенный гимн экспериментальной программе, разрабатываемой Союзом художников СССР совместно с НИИ художественного воспитания АПН СССР, которая именуется «Изобразительное искусство и художественный труд». Данная программа, оказывается, готовит детей к созданию «художественного образа», в то время как раньше главной задачей уроков рисования был «технический образ», который отвечал потребностям страны в технически грамотных кадрах советских инженеров. А теперь грамота как таковая не исчерпывает современных проблем ни в искусстве, ни в технике, ни в науке.

И вот новая программа дает, «например, возможность углубить работу с цветом на уровне элементарных требований современного цветоведения, а в совокупности совершенствует визуальное восприятие детей и подростков». Благодаря ей собственная художественная деятельность детей начинает соотноситься с «большим искусством». Короче говоря, программа — ни много ни мало — решает проблемы идейного, нравственного, творческого, культурного, эстетического воспитания. И трудового.

О каком же труде идет речь? Об изготовлении макетов городов, зданий, интерьеров, о поделках из дерева, керамики, росписи тканей, о других всевозможных художественных ремеслах. Таких, овладение которыми не представляет сложности и не требует много времени. Основной упор в программе делается на «художественный труд», на «союз живописи, графики, скульптуры, архитектуры и прикладных искусств». Причем, по словам В. Алексеевой, художественный труд, лишенный «паспорта искусства», превращается в нетворческое ремесло, то есть производственный труд, «отторгнутый» от искусства, лишается творческого начала, составляющего его главную воспитательную ценность. Выходит, по логике ее рассуждений, любой труд, не связанный с искусством, не является творческим!

Да, детей надо знакомить с разными видами изобразительного искусства, стремиться сделать уроки интересными, побуждающими к творчеству. Нельзя только превращать урок в развлечение, в своего рода аттракцион ради того, чтобы дети не скучали, а весело «играли» в красочки, кисточки, цветные бумажки. Надо дорожить тем временем, когда учащиеся могут рисовать карандашами, писать акварелью и гуашью, постигать основы художественной грамоты. Ведь сейчас случается, что ребятишкам внушают: «Люди вообще рисуют для того, чтобы было весело». Иногда педагоги добиваются эмоционального подъема класса, а для чего, сами не знают.

Любой урок должен быть содержательным. Ребят можно увлечь и самым скучным, «неаппетитным» натюрмортом. Все зависит от учителя. В то же время нельзя строить работу на основе «хочу» или «не хочу». Школа — это в какой-то мере принуждение. Хочешь не хочешь, но таблицу умножения надо знать, как и правила орфографии, и законы физики. Учеба — это труд, рисование — тоже труд. И незачем подменять его игрой в искусство.

Если ребенок, подросток занимается макетированием, аппликацией, поделками из дерева, он занимается творчеством в локальных, ограниченных масштабах. Развивает руку, глаз, приобретает навыки. Все это хорошо, полезно, но не решает главного.

В противовес мнению о том, что на уроках изобразительного искусства надо не рисовать предметы, а вырабатывать к ним отношение, уместно привести слова В. А. Фаворского: «Искусство — это особый метод познания действительности. Особенность его в том, что он (рисующий. — **А. А.**) пластически познает натуру. И, следовательно, если так, то, чтобы нарисовать, нужно понять, оценить натуру».

Когда рисуешь какой-либо предмет с натуры, то самым активным образом его изучаешь, осознаешь красоту формы, пропорций, фактуры. Изображая, открываешь для себя законы перспективы, светотени, цвета. Начинаешь иначе смотреть на мир — пытливей, заинтересованней, осмысленней. Каждая вещь становится полновесней, привлекательней.

Рисуя с натуры, не просто копируешь, а творчески осмысливаешь изображаемое, выражаешь к нему свое отношение. Познание и творчество в данном случае нераздельны.

* * *

Мой отец учился в ставропольской гимназии. Он и его соученики рассказывали, что пение у них преподавал Василий Дмитриевич Беневский. Благодаря ему все гимназисты умели и любили петь. Кстати, именно Беневский — преданный забвению автор песни, которая считается теперь народной. Я имею в виду «Плещут холодные волны» — песню о крейсере «Варяг». Учил он не рассказами о музыке (хотя и рассказывал тоже), а непосредственным приобщением к пению.

И учитель рисования учил их не «изобразительному искусству», а рисованию. Вот почему его воспитанники усвоили основы художественной грамоты, умели неплохо владеть карандашом и кистью, выражать свои мысли графическими средствами. И любили искусство.

Читатель может возразить: так это когда было! В таком случае познакомимся с учителем московской средней общеобразовательной школы № 40 Константином Матвеевичем Мухиным. Он преподает рисование с 1928 года, то есть почти 60 лет! Придите к нему в школу, и вы поразитесь его удивительной скромностью, беззаветной преданностью профессии, постоянным творческим поиском, любовью к детям. Отнюдь не молодой, он видит мир красивым, звонкокрасочным, динамичным. И своих воспитанников учит воспринимать его таким.

— Бытует мнение, — говорит Мухин, — что в средней общеобразовательной школе невозможно обучить детей изобразительной грамоте: слишком мало часов отведено урокам рисования. Часов, конечно, мало. Но все-таки школьники способны и должны овладевать необходимыми основами изобразительной грамоты, без которой не может быть полноценного эстетического воспитания. Рисовать — значит трудиться, овладевать навыками и знаниями. Я учу не только рисовать, стремлюсь привить ученикам любовь к труду. Ведь труд и любовь к работе — залог успеха в любом деле. И в рассказах о художниках стараюсь вы-

звать у ребят не только восхищение их картинами и рисунками, но и подчеркнуть роль огромного труда, который позволил им достичь высокого мастерства.

Как благодарны Мухину его бывшие ученики за то, что он вооружил их грамотой изобразительного искусства, столь необходимой решительно каждому из них в работе, в жизни!

В статье «Внимание изобразительному искусству в школе», опубликованной в 1931 году, Н. К. Крупская писала: «Подростки сосредоточивают внимание на деталях, на вырисовывании их — вопреки футуристам, которые считают, что вредно и не нужно учить точности отображения, не хотят давать ребятам теорию перспективы. Пусть ребята рисуют вкривь и вкось, что за беда. Косой рисунок еще лучше может передать настроение. Но техника требует именно точности. Нельзя учить точности на кривых рисунках. Борьба за технику диктует серьезную работу, в частности, с футуристическими уклонами в преподавании рисования. От ремесленнического копирования лучше всего будет страховать правильное обучение изоискусству с первой ступени, умение понимать художественные произведения... Футуристы говорят: «Точности изображения пусть учит черчение, задачи искусства другие». Это неверно. Это просто желание отмахнуться от требования, выдвигаемого жизнью».

Высказывания Крупской для нас особенно важны, потому что она развивала идеи В. И. Ленина. Много докладов и статей Надежда Константиновна посвятила политехническому образованию, отводя изобразительному искусству очень важную роль: «Рисование — такая же необходимая часть изучения техники, как и экскурсии, изучение физики и т. д. Это — чрезвычайно важная вещь».

Но Крупская не сводила роль рисования лишь к утилитарной, к вспомогательной в политехническом образовании. Ребятам нужно учиться «схватывать основное, характерное», учила она. «Чтобы избежать ремесленнического копирования», нужно уметь «понимать художественные произведения» и обладать привычкой «брать вещи в их реальных связях и опосредствованиях, в их развитии». Крупская подчеркивала, что это необходимо делать, так как «рисунок теснейшим образом связан с глубиной понимания, с представлением человека о предмете».

Не упускала из виду Н. К. Крупская и образовательное значение искусства, которое играет такую важную роль в учебно-воспитательном процессе: при помощи изобразительного искусства будут «понятнее, ближе, яснее те или иные явления, те или иные идеи».

Напомним, что в вышеупомянутой статье Алексеевой утверждается: учить грамотному рисунку было делом 20—30-х годов, что отвечало потребностям страны в технически грамотных кадрах советских инженеров. Теперь якобы надо штурмовать «цитадель просвещения в надежде ввести Искусство в школу, сохранив художественный образ как главный критерий художественной деятельности в богатстве видов пространственных искусств».

Следовательно, то, за что ратовала Н. К. Крупская, устарело?

Отчего же в таком случае в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» говорится: «...усилить политехническую, практическую направленность пре-

подавания; значительно расширить подготовку квалифицированных рабочих кадров в системе профессионально-технического обучения; осуществить переход ко всеобщему профессиональному образованию молодежи»? Далее подчеркивается необходимость коренного улучшения постановки трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации в общеобразовательной школе.

Авторы экспериментальной программы предлагают обучение рисованию заменить «учением творчеству», духовным развитием. Сама эта программа якобы «действительно способна осуществить нравственное воспитание».

Выходит, элементарно научить рисовать невозможно, а всесторонне воспитать детей на уроках изобразительного искусства вполне реально. Тогда, по-видимому, все остальные школьные дисциплины призваны лишь для того, чтобы учить, а не воспитывать?

Но в «Основных направлениях реформы» ясно сказано: «...повысить качество образования и воспитания; обеспечить более высокий научный уровень преподавания каждого предмета, прочное овладение основами наук, улучшение идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, эстетического и физического развития». Как видим, образование не подменяется воспитанием, а эстетическое развитие не отождествляется с нравственным.

О том, что все на свете, в том числе красота, познается в действии, в труде, в работе, знают сами дети. В многочисленных письмах журналу «Юный художник» читатели просят еще больше внимания уделять «урокам изобразительного искусства», практическим советам, консультациям. Все хотят учиться.

Невозможно не согласиться с мнением президента Академии художеств СССР Б. С. Угарова, высказанным в журнале «Искусство» (№ 9, 1984): «От уровня постановки художественного воспитания в общеобразовательной школе, от уровня обучения элементарной изобразительной грамоте, и прежде всего рисунка, во многом зависит состояние художественного образования в стране, повышение художественной культуры советского народа, а значит, и дальнейшее развитие советского изобразительного искусства, архитектуры, искусствоведения».

Раньше в средней общеобразовательной школе была дисциплина «пение». Потом ее заменили на «музыку». Постепенно в школе почти перестали петь. А ведь хоровое пение, по мнению художественного руководителя Большого детского хора Гостелерадио СССР В. Попова, «воспитывает столь важные качества характера человека, как коллективизм, трудолюбие, закладывает основы музыкальной культуры, развивает творческие способности. Вот почему необходимо привлекать к хоровому пению прежде всего детей» («Правда», 2.12.85).

Раньше были уроки рисования — теперь они переименованы в «уроки изобразительного искусства». И это, к сожалению, дало отдельным художникам, педагогам, психологам, искусствоведам повод к размыванию роли начального художественного образования.

Есть в школе уроки русского языка и отдельно уроки литературы. Всем ясно, что, не усвоив грамоты, не научившись читать и писать, не познав тонкостей орфографии и пунктуации,

не сможешь наслаждаться произведениями литературы и вообще — читать.

А вот в изобразительном искусстве, оказывается, нечто подобное можно. И приходится лишь пожалеть, что нет ныне «уроков рисования».

Итак, с одной стороны, мы сталкиваемся с преувеличением роли изобразительного искусства в нравственном и других видах воспитания. С другой — с недооценкой его значения как предмета общеобразовательной школы, который учит изобразительной грамоте, что дает возможность самым действенным образом воспринимать прекрасное, активно формировать личность.

Потенциальные возможности школы далеко не исчерпаны. Так, до сих пор не уделяется должного внимания межпредметным связям. Если, например, проанализировать все десять учебников по истории, предназначенных для средней общеобразовательной школы, то легко можно убедиться: в них заключен целый курс истории мировой культуры и зарубежного, русского и советского изобразительного искусства. Этот курс нуждается в упорядочении, изменении акцентов, координации с уроками изобразительного искусства.

От уроков изобразительного искусства прослеживаются очевидные связи к урокам литературы. И не только через книжную иллюстрацию, где оба искусства как бы сливаются. Словесное и изобразительные искусства имеют много общих художественных средств, о чем, например, писал К. Пигарев в книге «Русская литература и изобразительное искусство» (М., 1972).

Живая связь литературы и изобразительного искусства, их общность подтверждается творчеством выдающихся писателей. Очень любили рисовать Еврипид и Петрарка. Эдгар По создал замечательные портреты. Поль Валери, ученик Дега, до конца жизни сохранил глубокую страсть к живописи и архитектуре. Проспер Мериме был автором острых карикатур и поэтических акварелей. Гофман иллюстрировал собственные произведения. Андерсен оставил несколько альбомов набросков. Стивенсон, прежде чем перейти к описанию персонажей, делал их беглые зарисовки.

Поражают мастерством исполнения рисунки Теккерея для его «Ярмарки тщеславия». Дошли до нас три тысячи рисунков Гёте, который говорил, что привык «смотреть на все глазами живописца». Бодлер признавался: «Картины — моя стихия, моя первейшая страсть!» Рабиндранат Тагор последние двадцать лет жизни посвятил живописи и графике. Его интерес к искусству был так велик, что в 1920 году он основал в Сантиникитане художественную школу.

Виктор Гюго писал Шарлю Бодлеру: «Я счастлив, что Вы так хорошо отзываетесь о моих рисунках тушью. Правда, я уже использую карандаш, уголь, сепию, сажу и самые невероятные смеси, с помощью которых мне удается передать то, что я зрительно, или скорее мысленно, ощущаю. Я с удовольствием занимаюсь этим в перерывах между работой над стихами».

Наконец, рисунки русских писателей и поэтов: Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Короленко...

К изобразительному искусству тяготели выдающиеся представители других видов творчества. Прекрасными художниками были, например, Ш. Гуно и Р. Вагнер.

Удивительно «зрительны» произведения Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, Э. Грига, К. Дебюсси, М. К. Чюрлёниса и многих других композиторов.

Художников, в свою очередь, влекут к себе родственные искусства. Энгр, профессионально игравший на скрипке, говорил ученикам: «Если бы я смог вас всех сделать музыкантами — вы выиграли бы как живописцы».

Рафаэль и Микеланджело писали сонеты. Почти все выдающиеся живописцы и скульпторы оставили трактаты, очерки, воспоминания, письма, свидетельствующие об их литературной одаренности. Советский художник А. Д. Гончаров утверждал, что литература и изобразительное искусство составляют вместе тесное двуединство, в котором каждое из этих искусств по-своему прекрасно и необходимо.

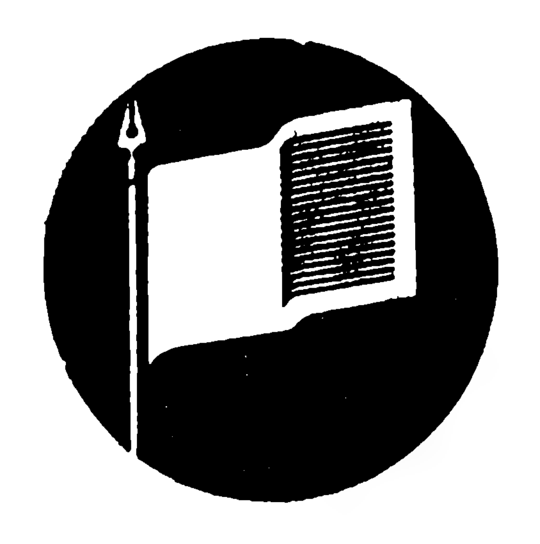
Можно было бы привести бесконечное множество других примеров благотворного взаимодействия различных искусств и связи их со многими науками и профессиями. Эти примеры лишь подтверждают необходимость максимального использования в средней общеобразовательной школе возможностей межпредметных связей.

Пока же они явно недооцениваются, хотя могли бы дать огромный эффект. Решить эту проблему могут только сообща все «предметники», все подразделения министерств просвещения, НИИ школ, АПН СССР, Академии художеств СССР и других учреждений.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза сказано: «Осуществляемая в стране реформа общеобразовательной и профессиональной школы основывается на творческом развитии ленинских принципов единой трудовой политехнической школы и направлена на то, чтобы выше поднять уровень образования и воспитания молодежи, улучшить ее подготовку к самостоятельной трудовой жизни, осуществить постепенный переход ко всеобщему профессиональному образованию».

В связи с этим возрастает роль предмета «изобразительное искусство» не только в приобщении школьников к духовной и материальной культуре. Владение изобразительной грамотой, в первую очередь основами рисунка, и побуждает к творчеству, и делает его более плодотворным, в какой бы области человек ни трудился.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор БУГАНОВ,
доктор исторических наук

«ОН ВСЕ ИСПЫТАЛ И ВСЕ ПРОНИК»

К 275-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Слова, вынесенные в заголовок, сказаны Пушкиным, которого по праву называют основоположником русской литературы, реформатором и создателем русского литературного языка нового времени. Великий поэт, как и многие другие деятели русской культуры, с воодушевлением и почитанием относился к личности и деятельности своего предшественника: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей».

Радищев, первый русский революционер из дворян, «вослед» которому Пушкин «восславил свободу», назвал Ломоносова «великим мужем, вышедшим из среды народной». Ученый и поэт, слава и гордость России, мира, начал свой жизненный путь из поморской деревни под Холмогорами, что в устье Северной Двины, в 80 километрах от Архангельска. Здесь 8(19) ноября 1711 года в семье кре-

стьянина-рыбака Василия Дорофеевича и Елены Ивановны родился сын Михаил. Как и большинство жителей европейского Поморья, Ломоносовы были государственными (черносошными) крестьянами, не знавшими, по словам Плеханова, «крепостного ошейника». Издревле сюда, в суровые северные края, перебирались с юга русские люди крепкой породы, предприимчивые и выносливые, храбрые и свободолюбивые. К тому же поморцы не испытали горечи и унижения ордынского ига. Такая обстановка, несмотря на тяготы государственных налогов и служб, выковала характеры мужественные и суровые.

В конце 1730 года, 19 лет от роду, Ломоносов наперекор отцу испрашивает отпускную и, присоединившись к обозу, идет в Москву. Через три недели он уже в Москве, а в январе 1731 года его зачисляют в Славяно-греко-латинскую академию, что на Никольской улице (ныне ул. 25-го Октября). Ломоносов с пылом и упорством учится латыни и греческому, читает русские летописи, книги по физике и математике, философии и другим наукам; изучает все, что положено в этом учебном заведении. Его не смущают ни полуголодное житье и плохая одежда («несказанная бедность», по его собственному отзыву), ни возраст и насмешки 8—10-летних соучеников, зубривших с ним рядом латинские глаголы...

Его выдающиеся способности (в один год закончил три класса, латынь изучил так, что его позднее считали одним из лучших в Европе латинистов), прекрасная память, жадный интерес к знаниям не могли не обратить внимания, и его направляют для дальнейшего обучения в университет при Академии наук в Петербурге, затем, через год, в Германию.

В начале июня 1741 года Ломоносов возвращается в российскую столицу. Учеба в Петербурге и Германии, встречи с учеными и работа в лабораториях дали ему очень многое; полной чашей черпал он знания везде, где только можно, и его наставники отдают ему должное: по словам профессора Вольфа, «Михайло Ломоносов... часто математические и философические, а особливо физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то не сомневаюсь, что, возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю».

Помимо изучения естественных наук, Ломоносов занимался гуманитарными. Еще из Фрайбурга направил в Петербург вместе с отчетом о занятиях «Письмо о правилах российского стихотворства» и оду «На взятие Хотина» — по случаю победы русской армии над турками.

К началу 1740-х годов, когда Ломоносов вернулся домой, Россия пережила еще один дворцовый переворот. На престол волей дворянской гвардии вступила «дщерь Петрова» Елизавета. Началось ее двадцатилетнее царствование.

Эпоха «ничтожных наследников северного исполина», как Пушкин назвал время от Петра I до Екатерины II, нанесла, без сомнения, большой урон развитию России, но остановить его ни в коей мере не могла. При Елизавете провозгласили (хотя не во всем проводили) курс на возвращение к делам и замыслам Петра, прекращение немецкого засилья, печально-знаменитой бироновщины, в высших эшелонах власти и политике, внутренней и

внешней. И это способствовало дальнейшим успехам в развитии хозяйства и культуры.

Ученые и писатели, до Октября и в советское время, не раз отмечали переломный характер XVIII столетия. Россия, ее народ в первую очередь, сделала очень много в смысле ликвидации отсталости от передовых стран Европы. На подъеме (возможном для того времени) были промышленность (до 600 мануфактур в середине века), кораблестроение и градостроительство. В области сельского хозяйства следует отметить освоение больших земельных массивов в Новороссии и на Дону, в Поволжье и Сибири.

В то же время указанный прогресс происходил в феодально-абсолютистском государстве. Господство консервативного дворянства и чиновничества, ужесточение крепостничества, удушающее влияние духовного гнета церкви, политические неурядицы в правящих верхах и засилье, то открытое, то скрытое, иностранцев и разного рода временщиков, фаворитов не могли не тормозить развитие экономики, науки, духовной жизни.

Но, несмотря на все препятствия и зигзаги, Россия шла вперед.

Русская культура XVIII века находилась в непрерывном движении, на подъеме и сыграла огромную роль в развитии научной мысли, духовной жизни, национального самосознания народа. Одним из величайших ее представителей и творцов стал сын поморского крестьянина Михаил Ломоносов.

Академия наук, куда вернулся Ломоносов, была основана в 1724 году. Во второй четверти века она стала крупным центром, научным и учебным — помимо разработки естественнонаучных и гуманитарных проблем, в ней обучали молодых людей в университете и гимназии, которые давали высшее и среднее образование. В Академии трудилось немало крупных ученых из иностранцев — астроном и географ Ж. Н. Делиль, физик Г. В. Рихман, историк Г. Ф. Миллер, натуралисты Г. Стеллер, И. Г. Гмелин и другие, наконец всемирно известный математик Л. Эйлер, который, по словам С. И. Вавилова, «вместе с Петром I и Ломоносовым... стал добрым гением нашей Академии, определившим ее славу, ее крепость, ее продуктивность».

Но имелись среди академистов, служащих академии, и авантюристы, искатели легкой наживы, попросту проходимцы и карьеристы. Среди них — И. Д. Шумахер, заведующий канцелярией, фактически вершивший дела в академии, немало попортивший крови Ломоносову и другим ученым, русским и нерусским, искренне служившим науке, России. Ломоносов, человек честный и справедливый, незамедлительно выступил против бюрократических методов руководства наукой, против антирусской, по существу, позиции Шумахера и его присных, тормозивших рост ученых из числа русских, препятствовавших изданию их трудов. К этому следует добавить надзор и вмешательство чиновников и церковников.

Несмотря на происки, Ломоносов остался в Академии наук и всю жизнь активно боролся за развитие русской науки, просвещения, за интересы Отечества.

Главная его страсть — наука, служение России в науке: «Я положил твердое и непоколебимое намерение, чтобы за благополучие наук в России, ежели обстоятельства потребуют, не пожалеть всего моего временного благополучия.... Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук росссийских

бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину». Так говорил он позднее, и его слова не расходились с делами.

Уже в 1745 году, когда Ломоносову не исполнилось и 34 лет, его избирают профессором или академиком по кафедре химии. В связи с принятием в 1747 году устава Академии наук выступает против закрепленных в нем принципов всесилия бюрократической канцелярщины. Его особо беспокоит вопрос о подготовке ученых из числа соотечественников: «...наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не только в военной храбрости и других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний».

Вокруг Ломоносова складывается кружок молодых талантливых ученых — учеников и сподвижников. Среди них — химик В. Клементьев, астроном С. Я. Румовский, математик С. К. Котельников, биолог А. П. Протасов, писатель Н. Н. Поповский и многие другие. Он дружит с рядом иностранных ученых, особенно с Эйлером и Рихманом. Добивается приема в университет и академию русских, и не только дворян, но и разночинцев: «...студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды».

Н. И. Новиков, известный русский просветитель, в биографии Ломоносова рисует облик ученого: «Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и одобрял их; в обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр; но при всем том был горяч и вспыльчив».

За неполных два с половиной десятилетия научной деятельности Ломоносов много успел сделать для разработки широчайшего круга проблем физики и химии, горного дела и минералогии, мореходного дела и географии, истории и краеведения, филологии, риторики и прикладного искусства. Решал многие практические задачи, читал лекции студентам, причем на русском языке; на нем же печатал свои научные труды. По его проекту в 1755 году открыли Московский университет, ставший вскоре сосредоточением передовой научной и общественно-политической мысли.

Нет возможности перечислить все научные открытия и изобретения Ломоносова. Это открытие атмосферы на Венере, теория атмосферного электричества, разработка научных основ оптики, цветоведения, астрофизики. Он — основатель отечественной физической химии и минералогии, убежденный сторонник и проводник внедрения точных, математических методов в химии, геологии и других науках. Его постоянное стремление — «испытывать все, что только можно измерять, взвешивать, определять вычислением». Он изобрел многие новые инструменты для астрономических наблюдений, химических и прочих опытов. Возродил древнерусское искусство мозаики, разработав рецептуру и технологию изготовления смальты всех цветов и оттенков; одна из его мозаичных работ — знаменитая «Полтавская баталия» — украшает Главное здание Академии наук в Ленинграде.

Столь же велики и впечатляющи его разработки в металлургии и геологии, горном деле и почвоведении. Многое он предви-

дел и предвосхитил, в том числе в области изучения полезных ископаемых, освоения Северного морского пути.

Занятия гуманитарными науками стали с самого начала его деятельности ее органичной частью. Они не были, как пытались иногда доказать, помехой его основным заботам и делам по части естественных наук, каким-то второстепенным делом, исполнением заказов «сверху». Изучением русского языка и исторического прошлого, экономической географии и краеведения, созданием од и филологических трактатов он занимался столь же заинтересованно и страстно, как патриот Отечества. Он страстно выступал против «норманнской теории», принижавшей уровень государственности и культуры русского народа эпохи Киевской Руси.

В своих литературных сочинениях Ломоносов выступил убежденным сторонником народной речи. Он одинаково не принимал и «салонный жаргон» русских вельмож с его изобилием иностранных слов, и тяжеловесный церковнославянский язык. Русский народ, по его словам, «говорит повсюду вразумительным друг другу языком», а ведь его страна весьма обширна... «Природное изобилие, красота, сила, великолепие и богатство русского языка, его глубокая древность» объясняют то, говорил Ломоносов, что «тончайшие философские соображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи».

Уже вскоре после возвращения из-за границы Ломоносов написал труд по риторике, изданный в 1748 году. В нем наставляет широкие круги читателей, как четко, ясно, последовательно выражать свои мысли на русском языке; как строить речь, чтобы она воспринималась красивой и правильной. В этой и других работах обосновывает теорию трех стилей — высокого, среднего и низкого; ее задача — оградить русский язык от архаических церковнославянских «речений» и ненужных иностранных слов, сблизить письменную и разговорную речь народа. Собственно говоря, Ломоносов в области русской стилистики начал дело, которое с таким блеском провел Пушкин. Его «Риторику» в течение полустолетия издавали семь раз, она служила пособием по теории русского литературного языка и ораторского искусства.

Столь же огромное значение имела его «Российская грамматика», которая публиковалась пятнадцать раз. По ней учились многие поколения русских людей. Давно стали хрестоматийными прекрасные слова Ломоносова, знатока древних и новых языков, во славу языка российского, в котором есть «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языков».

Переломное значение имеет деятельность Ломоносова и в области литературы, стихосложения. Недаром Радищев свое «Путешествие из Петербурга в Москву» заканчивает гимном Ломоносову: «В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно». Ему вторит Белинский: «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном». То же говорили многие другие представители русской демократической культуры.

Выходец из крестьянской среды, Ломоносов отразил не только

сильные, но и слабые черты ее взглядов, психологии. Он был «царистом» по убеждению, искренне верил, что доброе правление монарха принесет пользу России, народу, облегчит его бремя. А интересы народа, простых русских людей стояли у него на первом плане. Он воспевал героическое прошлое Отечества, подвиги героев Куликовской битвы, воинов Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

Патриотическая позиция Лономосова отразилась и на его деятельности историка.

Труды Ломоносова уже при его жизни получили широкую известность, их переводили на многие иностранные языки. О нем писали журналы и газеты Западной Европы. Л. Эйлер был убежден, что русский ученый «своими познаниями делает честь не только императорской Академии, но и всему народу». Его деятельность высоко оценивают Ф. Вольтер, Б. Франклин и другие великие ученые, мыслители. Русского ученого избирают своим почетным членом академии Швеции и итальянской Болоньи.

Без малого два с половиной столетия отделяют нас от того времени, когда великий помор начал свой путь в науке, такой стремительный, до предела насыщенный трудом и борьбой, достижениями и прозрениями.

«На берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов, — патетически восклицал Белинский. — Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца».

Имя Ломоносова история поставила в один ряд с именами других мировых гениев.

●

Николай ЯНОВСКИЙ

ВО ИМЯ ТРУДА

Наиболее значительное произведение Анатолия Зябрева — «Енисейские тетради», — первоначально названное «лирическими записками», автобиографично. Читая их, мы сравнительно легко восстанавливаем биографию писателя-очеркиста, непосредственно работавшего на строительстве Красноярской ГЭС, в соответствии с потребностями строительства менявшего профессию. Так родились основные разделы повествования: записки разнорабочего, бетонщика, монтажника, эксплуатационника... Доверительность и искренность — первая особенность лирических записок, сделавшая их и правдивыми и художественными.

Анатолий Ефимович Зябрев родился в поселке Никольском Колыванского района Новосибирской области. Когда началась Великая Отечественная война, он в пятнадцать лет поступает на завод слесарем-сборщиком полевых радиостанций. В 1944 году призывается в армию, служит в Омске, затем в Молдавии в соста-

ве войск МВД. По окончании войны живет в Новосибирске, работает шлифовщиком на заводе имени В. П. Чкалова, оканчивает при заводе вечерний машиностроительный техникум, выступает в заводской многотиражке. А вскоре работает в штате газеты «Советский воин». Поездка на строительство дороги Тайшет — Братск в качестве нормировщика в значительной мере определила творческий путь А. Зябрева. Именно с этого времени, где бы он ни был, он тщательно ведет дневники своих дел и своих встреч-бесед с разными людьми, те самые «записки», которые станут основой его многочисленных очерков, публикуемых в местной и центральной печати.

Выхваченные из жизни, очерки А. Зябрева новизной материала, своеобразной манерой изложения, активным отношением к изображаемым героям всегда оказывались и интересными и своеобразными. Суть в том, что рассказывает он о своих героях не как наблюдатель, а как их товарищ и соратник. В этом отличительная и привлекательная особенность его творчества.

В годы, когда начинал А. Зябрев, были уже написаны прославленные очерки В. Овечкина «Районные будни». В советской литературе стремительно начало определяться «овечкинское» направление, в котором весь аромат достоверности заключался именно в отображении непосредственно пережитых событий со всеми их сложностями и противоречиями, без «наивного» подчеркивания только положительного и без приукрашивания жизни. Направленность такого метода вытекала из решений XX съезда партии. В то время и появилась целая плеяда блестящих очеркистов, таких талантливых писателей с большим общественным темпераментом, как А. Калинин, С. Залыгин, Л. Иванов, Е. Дорош, Ф. Абрамов, Г. Радов. А. Зябрев творчески осваивал их опыт. Заметив, что некоторые публицисты прибегают к впечатляющим цифрам и разительным фактам, он так определит свой подход к познанию действительности: «Никогда не понимал и не понимаю, зачем публицисту показывать в первую очередь эту самую высоту. Ничего путного от такого мелькания в глазах картин, фактов, цифр, лиц у меня в голове не остается. Мой писательский метод в показе героя и жизни как раз обратный: я должен сначала изучить профессию своего героя, потрудиться рядом с ним в поле, в мастерской, на стройке, а между делом потихоньку разговаривать...»

Разумеется, писатель не настаивает на универсальности такого метода, но очевидно, что для него «изучить профессию своего героя», потрудиться рядом с ним, поговорить о повседневном, не употребляя громких слов, не задавая шаблонных журналистских вопросов, означает не что иное, как сознательное и глубокое исследование предмета изображения. Это наиболее трудоемкий писательский метод, предоставивший ему возможность добиться заметного художественного результата.

Именно художественного, так как еще случается, что документальной литературе отказывают в этом качестве на том основании, что она якобы без «вымысла», фотографична и т. п. Но определения эти, как известно, относятся к очеркам информативным или к так называемым адресным, в которых каждая деталь должна быть безукоризненно точной. Между тем очерк как неотъемлемая часть литературы органично связан с целенаправленным отбором явлений жизни, с обобщениями и типизацией, а

это немыслимо без творческой фантазии. Для доказательства достаточно вспомнить очерки Глеба Успенского или Михаила Пришвина.

А. Зябрев, рассказывая о людях, которые строят то дорогу, то электростанцию, то целый город, неприметно для нас создает еще и волнующий «образ автора», человека зоркого и наблюдательного, одновременно деловитого, объективного и восторженного, влюбленного в то, что он вместе со всеми возводит в родном краю.

Так, в одной из глав книги говорится о первом дне труда лирического героя в роли разнорабочего: «И-а, и-а! Я бью землю острием лома, чувствую силу в руках, под ногами завихривается снег, и мне радостно. Я поднимаю голову и смотрю далеко вокруг. По одну сторону высокая гора, по другую сторону то же, а мы в долине. У подножия правой горы — Енисей. Здесь он совсем узок — не более семисот метров. В забое рычит, скребет, дымит экскаватор».

Герою очерка «ужасно жарко», хотя мороз в 34 градуса, он «пытается снять телогрейку», но слышит строгое предупреждение бригадира: «Не выдумывай! Захворать захотел?» И далее следует обобщение, понятное в устах новичка: «Я никогда не предполагал, что лом такая тяжелая и крайне неудобная штука. Целишь в середину — угадываешь в край, целишься в край — попадаешь в середку. Сколько норма? Кажется, восемь лунок. У меня сейчас будут две, вот только чуть подчищу...» А рабочий день уже наполовину прошел.

По-разному рисует Зябрев тех, с кем он работает и живет. Иных на первый взгляд обозначает бегло — имя, внешний вид, любимые словечки, других изображает подробней — биография, семья, мотивы, побудившие приехать на далекую для него сибирскую стройку. Но лирический герой раскрывается едва ли не во всех его человеческих гранях. Потому-то с неослабевающим интересом следим мы за ним и с удовлетворением читаем заключительные строки книги:

«Того праздника, которого ждешь, о котором мечтаешь, не было у меня. Но успокоение и уверенность ложились на мою душу: да, наши дети продолжат нас другими электростанциями... Продолжат они нас любовью к земле, друг к другу...

Тысячи дней. Столько я отработал на Енисее. Тысячи дней! Что они дали мне?

Я здесь научился долбить мерзлую землю, бросать землю лопатой, тесать бревна, вбивать гвозди, пилить лес, укладывать бетон, монтировать турбины и генераторы...

Я научился не корчиться и не втягивать голову в плечи при пятидесятиградусном морозе, не отворачиваться, когда в лицо бьет пурга, не прятаться под навес от студеного дождя, дышать угарным газом, купаться в конце апреля и загорать в начале мая...»

И затем идут заключительные, главные для него слова:

«Я научился узнавать людей. Во всяком случае, я учусь узнавать людей».

Так раскрывается духовный мир лирического героя и выражается пафос всей книги — познать человека труда, показать, как он преобразует огромный сибирский край.

В таком же ключе и с той же целью созданы и другие его

книги — «Отзовись, мое завтра. Путешествие по сегодняшней Сибири» (1976 г.) или обширное повествование о строительстве Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) «Как живешь, Алеша?» (1983 г.).

В центре внимания писателя молодой рабочий. Алеша недавно на стройке и возмущен тем, что его бригада нередко простаивает без работы, потому что со склада вовремя не подвозятся нужные материалы; хуже того, строительные материалы, оборудование, завезенное сюда, свалены в степи под открытым небом. Рабочие по его инициативе проводят комсомольский рейд и выявляют непорядки, порожденные безалаберностью в складском хозяйстве, халатностью некоторых руководителей. Автор задается вопросом: откуда у парня взялось такое понимание? И своим рассказом отвечает: оно воспитано всем ходом нашей жизни и находит свое выражение в осознанных поступках героя.

Молодой рабочий Алеша и его товарищи хотят работать с полной отдачей, эффективно, творчески. И приехали они в Сибирь отнюдь не ради «длинного рубля», хотя и не намерены отказываться от хорошего заработка в северных условиях. Они действуют на стройке как истинные хозяева, ибо хотят, чтобы на таком огромном строительстве был твердый порядок: сберегалось и рабочее время, и материалы и повышалась производительность труда. Они думают при этом о своей личной ответственности за все, что совершается на стройке, об ответственности перед людьми. В очерках А. Зябрева чисто производственные проблемы перерастают в проблемы нравственные, часто они у писателя нерасторжимы и даже спустя много лет придают им современное актуальное звучание.

Нередко в своих книгах А. Зябрев обращается к прошлому, к своим давним наблюдениям и делает это с единственной целью — чтобы глубже понять конкретного человека, живущего и работающего рядом. И удивительное дело: ему, что называется, «везет» на встречи с хорошими людьми, начиная от звеньевой штукатуров Виктории Викторовны, матери Алеши, до прославленного легендарного А. Е. Бочкина. Андрей Ефимович Бочкин вел в Сибири «инженерные сооружения, равных по мощности и сложности которым никто до него не делал», — отмечает писатель.

«Андрея Ефимовича я в последний раз видел накануне его семидесятилетия. Ба-атюшки, сколько в его глазах было света и доброты! Глянешь в его глаза, по-детски простодушные, улыбчивые, и от неожиданности зажмуришься — настолько теплым и ласковым светом окатит тебя с ног до головы!»

Образ же Виктории Викторовны показан автором с разных сторон: в труде, в любви, в семье. Ее единственный сын Алеша (отец Алеши утонул молодым) задумал и осуществил первый самостоятельный шаг — уехал на строительство КАТЭКа, потому что здесь самые крупные электростанции на планете, самые крупные угольные разрезы, химические производства... А тут еще инженер-наставник убеждал их в школе выбрать правильную профессию:

— Понимаете, ребята, свет нашей с вами души, он не сам по себе, он от того дела, которое делаешь. От того, как делаешь это дело. От сознания, что не мельчишь, не суетишься. Пони-

маете? А ведь так легко пропустить в жизни этот свой свет, пройти мимо, не заметить в суете, в погоне за чем-то малюсеньким, необязательным...

И вот подросток сделал выбор, и жизнь Виктории Викторовны наполнилась новыми заботами и тревогами: как он там один, здоров ли, сыт ли, не случилось чего? И когда Алеша прислал автору телеграмму с просьбой приехать, это так встревожило Викторию Викторовну, что она, прочитав телеграмму, сразу же решила лететь к своему Алеше:

— Когда самолет? Я больше не могу. Я с тобой. Там что-то не так. Нет, нет, там что-то случилось! С чего бы телеграммой?!

Вообще вся сцена поездки к сыну, с ее хлопотами, беспокойствами и суетливостью, трогательна и слегка юмористична, особенно когда выяснилось, что телеграмма вызвана вполне деловыми соображениями.

Образ Виктории Викторовны дан в развитии, объемно. К такой объемности автор стремится всюду, достигая при этом изобразительной точности.

В книге «Отзовись, мое завтра» бесспорно выделяется рассказ о лесоводе Родионе Семеновиче Атаманове.

О том, кем был Атаманов до того, как стать лесоводом-специалистом, сообщается сухо: бывший колхозный кузнец, тракторист, председатель сельсовета. Лесоводством занимался как любитель, размышлял по шаблону: раз по ту сторону Саян, в соседней Хакасии, с посадками деревьев получается, то, естественно, должно получиться и в Туве. Заручился, конечно, авторитетными рекомендациями, высадил деревья, а приживаемость оказалась равной нулю.

Атаманов начал искать причину. И о том, как он ее искал и стал в конце концов получать обнадеживающие результаты, рассказано и увлеченно и поэтично. Герой очерка расстается с любительством. Заочно оканчивает институт, поступает в аспирантуру и делает, по существу, открытие на основе своих многолетних наблюдений жизни леса в Туве, разрабатывает новые способы посадки и ухода за саженцами.

«Атаманов, — рассказывает писатель, — обратил внимание на самое простое: тысячи лет с гор слетали вниз семена деревьев, и ни одно семечко не проросло. Значит, ясно: для этой низины ищи другое дерево. Исследуй тип почвы, влагу — и ищи».

И лесовод ищет, учитывая все особенности климата в этой низине. Долго подбирал необходимый материал, искал и находил оптимальные сроки высадки. Наконец появились, к радости лесовода, «крохотные веселые деревца рядками по всему прихолмику». А писатель, увидев их, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Сколько горячей увлеченности надо нести в сердце, чтобы вот так радоваться листочкам, брызнувшим среди голого места!» Видно, что автор влюблен в этого творчески, напористо работающего лесовода, он охотно с ним встречается, воодушевленно и как-то слегка возвышенно о нем пишет, а заканчивает свой рассказ весьма показательным письмом Атаманова, полученным через полгода после последней встречи:

«Понимание моей работы населением растет. Это радостно. Но бывает и туго, я тогда начинаю терять перспективу... В том смысле, что я не могу убедить кое-кого из начальства в важно-

сти изучения способов подготовки почвы, посадки и выращивания леса в полупустынной, сухостепной и степной зонах... Дескать, что такое выращивать лес — сажай, и будет расти, ведь вон в горах растет без чьей-либо помощи. Есть чиновники, от которых многое зависит в нашем деле, они слышали о лесе, но что он такое есть, не знают толком и знать не хотят. Лес — это хлеб, кислород, влажность степей, это жизнь для людей, зверей, растений; для этого стоит работать и драться».

Мысль важная, а главное — общественно значимая. Очерк написан в 1964 году, но звучит злободневно и в наше время, время, когда народ предпринимает усилия по охране и сбережению природы, в свете стратегии ускорения, провозглашенной XXVII съездом партии, и обострившейся борьбы с различными проявлениями бюрократизма. Потому так трогают нас заключительные строки очерка:

«Так и остался в моей памяти этот человек сидящим на корточках на склоне прихолмика над деревцем с дюжиной тугих листьев. Напористый человек, мечтающий пока не о многом, нет, лишь о том, чтобы каждый степной гектар в Засаянье давал хотя бы пять центнеров трав — пока дает два...»

Пожалуй, наиболее полно лучшие качества документальной прозы А. Зябрева отразились в очерке «Возвращение», опубликованном в журнале «Сибирские огни» (1985, № 2). В этом очерке сосредоточен большой фактический материал по истории хозяйства в Сибири, поставлены актуальные проблемы развития края. Автор хорошо знает то, о чем пишет, умеет распорядиться накопленными сведениями.

И писатель достигает своих целей через рассказ о таких людях, как Владимир Сергеевич Сидолин или Аркадий Филимонович Вепрев. Владимир Сидолин — красноярский рабочий, он по призыву комсомола переехал в Сальские степи, чтобы создать первый в стране крупный совхоз. Аркадий Вепрев — руководитель образцового хозяйства, вдумчивый воспитатель целого поколения сельских тружеников, в том числе и своего сына. Их жизнь, прослеженная автором в разных аспектах, — яркий пример служения людям. Они следовали своему призванию, отдавались делу целиком, не жалея сил.

Вепрев — сын потомственного крестьянина, подростком освоил едва ли не все сельские специальности, был и счетоводом и бригадиром, а в войну заменил отца на председательской должности. После войны окончил Тимирязевскую академию, а практику проходил у Терентия Мальцева. Школу прошел отличную, поэтому, когда стал директором совхоза «Назаревский», не пошел на поводу у районного начальства, потребовавшего от него сверхраннего сева зерновых, разумеется, ради галочки в районном отчете; не согласился он и с разработками агрономов из крайсельхозуправления, которые, не зная земли хозяйства, диктовали, когда и какими сортами засевать поля совхоза. Разгорелась дискуссия. Поступки Вепрева расценены были как вызов районному начальству. И конфликт разрешился результатами урожая. Оказывается, «сроду такого хлеба в районе не было».

Сельхозуправление, учтя успех совхоза, настойчиво советовало перейти на специализацию по зерну. «Без специализации — топтание на месте», — обосновывали они. И хотя Вепрев формально согласился, но на практике снова все сделал по-своему.

А почему, задумался он, специализация не может быть внутри одного хозяйства? Прежде в каждом дворе разводилась разная живность и поля засевались разными культурами. И дирекция вместе с парткомом совхоза решила: «Не только не урезать ничего из своего хозяйства, а, наоборот, увеличить поголовье скота... даже прибавить ко всему еще и коневодство и пчеловодство...»

Специализация потребовала создания новых ферм. Заказали проекты их в институте. Но они оказались фантастически дорогими, а главное, не привязанными к местности, словом, негодными. Создали самостоятельный проект и построили фермы хозяйственным способом. Фермы оказались и более удобными, и дешевыми. Опыт совхоза начали осваивать и другие хозяйства, а назаревцы стали производить самое дешевое в стране мясо и молоко.

Совхоз «Назаревский» находится в зоне крупного строительства (КАТЭКа), естественно, из него начался отток рабочей силы. И когда Вепрева спрашивают, какие меры он предпринимает, чтобы затормозить его, он отвечает: «Умением организовать работу. Только и всего». А потом разъясняет всем: «Нам внутрихозяйственная специализация помогла. Продуманная технология. Где было трое рабочих, там остался один, где было двадцать, там при автоматизированной технологии управляются пятеро. Повторяю: при автоматизированной, а не с лопатами и вилами».

Увлеченно рассказывая о директоре совхоза Вепреве, автор тут же сообщает: «Удивительно интересно слушать Аркадия Филимоновича и думать о его характере: что главное в нем? Требовательная любовь к людям? Талант глядеть в завтра? Жесткая самодисциплина? Без сомнения, он счастливейший человек, способный трудиться всегда весело и азартно». И мы, читатели, убеждаемся, что Вепрев — реальная личность, он живет где-то рядом с нами, и думаем о нем как о крупном, незаурядном руководителе, как о человеке, мыслящем и действующем на современном уровне, в духе необходимого сегодня ускорения.

Лиризм — одна из особенностей очерков А. Зябрева. Именно это их свойство превращает очерки в свободно льющиеся повествования, где переходы от одного эпизода к другому словно бы не требуют мотивировки, автор свободно «путешествует» от давней, а иногда от древней истории к современности, к текущим событиям. Вот, например, история коммунаров, приехавших из Америки по призыву В. И. Ленина в начале двадцатых годов и достигших ощутимых успехов, вот история совхоза «Гигант», который поставил задачу сдавать государству не менее 55 тысяч тонн зерна и значительно снизить его себестоимость путем программирования урожаев, именно программирования за счет строго научного дозирования удобрений! То и дело звучат в очерке сообщения: «Очень просили меня колхозники напомнить читателю, что в Сальской степи было имение князей Трубецких...» Или: «Не каждый приезжий знает, что в долине Чулыма и Енисея зерно возделывалось еще две тысячи лет назад...»; «В начале семнадцатого века на берегах Чулыма и его притоках появился русский человек с сохой и торбой ярицы...» Эти экскурсы в прошлое, передаваемые чаще всего через лирического героя, есть то, что мы называем историзмом повествования.

Лиричен и центральный образ очерка «Возвращение» — молодой специалист Иван Сидолин, который чтит своего деда и желает идти по его стопам. Образ Ивана неоднозначен, он показан в самом начале своего пути, в самом начале своего становления и примечателен пока не сам по себе, а своим будущим, которое в нем угадывается. Отсюда авторские вопросы: «Приживется ли он на родине деда? Не растеряется ли он перед зимними холодами и первыми трудностями, не только климатическими?» И далее идет ответ на эти вопросы. Ответ не категорический, скорее поэтический, позволяющий нам проникнуть в самое сокровенное в душе молодого Сидолина, с которым в самом деле связаны наши тревоги и наши надежды. Дед умер, не дождавшись возвращения внука на родную землю. Теперь Иван приехал туда, где похоронен дед.

«Уже сумерки, — рассказывает очеркист, — проходя тропой мимо кладбища, Иван оглянулся на меня, шедшего сзади, хотел что-то сказать и не сказал, молча свернул к березам, где светилась белая тумбочка на могиле Владимира Сергеевича. Я полагал, что он остановится и постоит, примечая лунный колеблющийся мягкий блеск на белизне тумбочки, а он прошел в сизом мороке деревьев на склон холма и так остановился на краю овсяного, шелестящего метелками поля. Внизу слева мерцала перекатывающаяся река, а в правой стороне проступали на фоне тускнеющего неба деревенские темные крыши. Какие чувства владели парнем, какие думы колотились в голове его?»

Эта проза позволяет нам увидеть Ивана в конкретных живых обстоятельствах. Для Ивана образ деда связан с полем, где ему теперь трудиться, думать, жить. Примечательна здесь позиция автора — ничего читателю не навязывать, но вместе с ним волноваться за судьбу Ивана.

Тема показа народов Сибири — традиционная для писателей-сибиряков, начиная с таких патриотов Сибири, как Ядринцев и Потанин. Она органично вошла и в творчество А. Зябрева. В своих книгах он пишет о Бурятии, Хакасии, Туве...

Конечно, из таких очерков мы немало узнаем о быте и своеобразных характерах людей, живущих в национальных областях, но писатель ставит своей задачей показать богатства «необъятного края». В Бурятии, например, он отмечает первейшее богатство — целебные источники. Очерк «Дорога в легенду» точен, пластичен. У А. Зябрева своя манера мягкого неторопливого повествования. И мы видим, как проявляется зоркость художника, когда он изображает горы, тайгу, таежную живность и на этом фоне — человека. Горы не только величественны, но и таят в себе нечто необыкновенное, врачующее; тайга не только лес, в ней бесчисленное количество разнообразных живых существ, по-своему прекрасных, если не относиться к ним потребительски. Законы человечности, по глубокому убеждению автора, должны господствовать и здесь. Но писатель останавливается в очерке еще на одной проблеме, на проблеме максимального использования целебных источников.

«В Сибири сотни мест, где земля выдает на поверхность чудодейственные минеральные источники. А народ не всегда знает, что у него под боком те же Ессентуки, Трускавец, Пятигорск, тот же Байрам-Али. И толкутся сибиряки в месткомах, чтобы

выклянчить путевку на воды за тысячи километров — туда, за Урал».

Обобщение носит деловой характер: и сегодня в той же Бурятии источники не используются в полной мере.

Характерно признание автора: «Бурятия, страна, почти незнакомая мне, неведомая, все больше волнует и манит меня своими черно-синими далями...» И, вспомнив, что так же волновали и манили его к себе дали Красноярского края, где он теперь живет, и Новосибирской области, где он родился и делал первые шаги, восклицает: «Такая уж она, наша Сибирь, сколько ни живи в ней, сколько ни путешествуй, а все равно не изведаешь и малой доли из ее пространств. А как хочется изведать!»

И писатель не только восторгается богатствами отдельной области или края, он еще и действует. В очерке «Горячие ключи» он во всеоружии фактов нацеливает на интенсивное использование сибирских целебных источников, непосредственно обращается в медицинские и другие организации за содействием, так как не может равнодушно смотреть, как «реки целебной воды текут у нас без пользы». Следует подчеркнуть: привлекательная особенность очерков А. Зябрева еще и в их действенности. Это не означает, что во всех случаях писатель добивается решения поставленных им задач, но постоянно его стремление активно вмешаться в ход дел, нужных людям и не терпящих отлагательства.

Хакасия богата железной рудой — об этом подробно рассказано А. Зябревым. Да и только ли одна Хакасия! Но вот беда: сырья у нас в Сибири на единицу продукции уходит втрое больше меры. «Подсчитано: тратим лишнего металла столько, сколько выплавляют два таких завода-гиганта, как Западно-Сибирский металлургический завод». Факт печальный. Так и говорится, что иной рабочий не может научиться сделать из одного куска железа три болта, скорее из трех кусков сладит один... От чего бы это? Неужели от того, что мы так богаты самым разным сырьем? Мы опередили все страны мира по заготовке леса, но отстаем по экономности его расходования. Три бревна употребляем там, где и одного хватило бы. Писатель убедительно доказывает, что интенсивность всего производства в стране немыслима без строжайшей экономии.

Сибирь действительно сказочно богата. Академик М. Лаврентьев в книге «...Прирастать будет Сибирью» пишет: «Каждая статья о Сибири начинается с перечисления ее богатств: алмазы, золото, железо, медь, уголь, лес, вода, нефть, земли, способные давать богатейшие урожаи. Все это так. Но самое удивительное то, что каждый год приносит все новые и новые данные, которые говорят, что наши представления о богатствах Сибири быстро устаревают».

Ярким подтверждением этому являются очерки А. Зябрева. Он «открывает» еще одно богатство Сибири — ее красоту. Так и заявляет: «Недра хоть как-то разведаны... Но совсем не разведаны богатства другого плана — эстетического. Об этом у нас не говорят и не пишут. Белое пятно... Красота не открыта...» О природе Зябрев умеет говорить проникновенно, по-своему, часто высказывая при этом интересные мысли: «Есть чудаки, которые рассуждают о смысле жизни, не подозревая, что само их это рассуждение уже нежизненно. Вот он, смысл-то! В цветении трав, в полете птиц, в журчании рек — чтобы это никогда не конча-

лось. Вот дерево на скале, оно будто специально для этого на камне выросло, чтобы украшать собой этот камень. А какой расчет дереву украшать камень? В том-то и оно: без корысти, без вознаграждения». Нет необходимости приводить в доказательство примеры, достаточно открыть любую страницу его «Путешествия по сегодняшней Сибири».

Всем ясно, что при загрязнении рек и речушек мы рыбную живность губим! А. Зябрев не желает повторять прописные истины и резонно добавляет: наберитесь мужества крикнуть — себя губим! Еще задолго до дискуссии о переброске полноводных рек в южные районы страны А. Зябрев, рисуя красоту могучего Енисея и высказывая свое беспокойство, писал в 1976 году: «Пресной воды на территории Сибири, говорят, четыре пятых из того, что имеет страна. И только поэтому торопливые проекты рытья каналов и перекачки енисейской воды... в пустыни Средней Азии требуют неторопливых пересчетов: как бы в песках не утерять голубовато-холодный енисейский хрусталь и не оставить Сибирь без основного ее ресурса».

Не хочу обойти молчанием и еще одну проблему, отчетливо сформулированную А. Зябревым:

«На Сибирь глядели издалека по-разному в разные века. Сперва как на собольи шкурки, затем как на дешевое золото, на лакомое сливочное масло, самое вкусное в мире. Потом как на энергетическое сырье. Потом... как на бесконечный поток алюминия...»

Короче говоря, сказано точно: Сибирь — поставщик сырья. Такая участь края еще сто лет назад вызвала энергичные возражения проницательного сибирского патриота Г. Н. Потанина. У него были свои основания требовать равноправия с центральными регионами страны. А. Зябрев в новых условиях все обосновывает экономической целесообразностью, выгодной всем.

«Сибиряки, известно, составляют незначительный процент от общесоюзного населения, — пишет А. Зябрев, — а планы на сибиряков возложены громадные: он, сибиряк, должен выдать половину всей электроэнергии страны и больше трех четвертей (трех четвертей!) цветных металлов, мрамора, леса, химической продукции, нефти... Задача такая перед сибиряком.

А принял эту задачу сибиряк!»

И не только принял, но и действенно эту задачу осуществляет.

Между тем, констатирует писатель, «из-за того, что Сибирь сегодня дает больше первичного сырья и меньше конечного продукта, страна теряет миллиарды. А наладить глубокую переработку сибирского сырья в машины, в вещи мы, сибиряки, пока не в силах: рук свободных не хватает. А население уезжает, так как не устраивают жизненные условия. А условий нет оттого, что кто-то где-то не умеет считать государственную выгоду и блюсти обычный человеческий резон».

Таков подлинно государственный подход к злободневной проблеме. И очеркист не просто ее заостряет, но и предлагает конкретные меры для ее разрешения, меры, кстати, подсказанные самими сибирскими рабочими. А. Зябрев их только выслушал и записал:

«Проблему решать испытанным путем: автоматику пускать в производство, чтобы меньше нуждаться в приезжем нашем брате». И еще: «...Тем, кто приехал в Сибирь, давать жизненный уро-

вень на порядок выше...» Иначе сказать, «выработать линию наибольшей общественной выгоды». В этом пафос его очерков о Сибири.

Сравнительно недавно вышли две примечательные книги академика А. Агангебяна и журналистки З. Ибрагимовой «Сибирь не понаслышке» и «Сибирь на рубеже двух веков». В них говорится о насущных нуждах современной Сибири и особенно увлекательно о ее будущем. Говорится внешне спокойно, но, по существу, полемично и с точными, научно обоснованными выводами: Сибирь требует нового к ней отношения, поскольку решительно изменился уровень стоящих перед нами хозяйственных задач. А. Зябрев — вдумчивый художник, то восхищающийся родной Сибирью, то негодующий, когда замечает на ее земле несообразности вкупе с нерадивостью и формализмом. И теперь, когда в многочисленных очерках Анатолий Зябрев раскрылся со всей полнотой, у нас есть основание сказать, что он по праву стоит в первых рядах наших активных писателей-очеркистов.

●

НАШ КАЛЕНДАРЬ

В. ШОШИН

ШКОЛА ПОЭТА

Жизнь людей, богатая духовным содержанием, нередко дополняется легендами. В одной статье, посвященной юбилею Николая Тихонова, я прочитал, что поэт в гражданскую войну был военным моряком на Балтийском флоте. Однако случайна ли эта ошибка? В «Балладе о гвоздях» поэт передал черты характера, психологию революционных моряков с таким знанием дела и глубиной сопереживания, что его самого сочли биографически причастным к флоту.

Первые военные стихи М. Дудина подписаны: «краснофлотец М. Дудин». Но в те же годы по фронтовым газетам под стихами читаем: «красноармеец М. Дудин». Имя Дудина находим и на мраморной стеле в Ленинграде, запечатлевшей имена героев-пограничников. Так кем же был молодой поэт, встречающий ныне свое семидесятилетие? В дни героической обороны полуострова Гангут в 1941 году оборонявшему границу солдату приходилось участвовать и в морских десантах.

Корни легенды уходят в жизнь, в реальную действительность. Среди героев первой книги М. Дудина «Ливень», изданной в Иванове в 1940 году, — герой гражданской войны, строители первых пятилеток. И сам поэт не только наблюдатель и летописец, он активный участник событий. Вспоминая свое участие в строительстве ГЭС в 1933 году, Дудин писал:

Рыжий конь ушами прядал.
Тур над пропастью трубил.
Водопад гудел и падал
Прямо в лопасти турбин.

Каждый миг в огонь и воду
Был любой из нас готов.
Было нам тогда от роду
По семнадцати годов...

Ливни, острые, как сабли,
Припускались наутек.
Четверть века светит в сакле
Мной зажженный огонек.

Гарнизон полуострова Гангут, где служил Дудин, прикрывавший Финский залив с севера, в течение почти полугода не давал врагу переступить пограничную линию. А в это время в газетах гарнизона «Защитник Родины» и «Красный Гангут» едва ли не ежедневно печатались стихи М. Дудина, изображающие героизм советских воинов, высмеивающие врагов.

Гангут стал легендарным примером для бойцов не только Ленинградского фронта. Защитники Москвы писали гангутцам: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступив перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма». Тема воинской отваги навсегда становится основной темой поэзии Дудина.

Багряный отсвет фронтового неба отразился в послевоенных поэмах Дудина «Вчера была война», «Семья», «Четверть века спустя». Однако рядом с ними в боевой строй уже мирного времени встают стихи, поэмы, рассказы, очерки о послевоенном строительстве, о дружбе наших народов и красоте этой дружбы, о детях, которые не знали и не должны узнать войны...

Интернациональная широта и отзывчивость органически присущи поэту. И что особенно важно — корни мировоззрения поэта уходят в его реальную практику, в его биографию. Еще на Первом всесоюзном совещании молодых писателей после войны Дудин познакомился с Мустаем Каримом — ныне широко известным стало переведенное русским поэтом стихотворение башкирского собрата «Не русский я, но россиянин», ставшее образной формулой братского интернационализма:

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
«Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен...»

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете выше! —
С моей судьбу свою соединил.

Мы всегда восхищаемся самоотверженной переводческой работой Николая Тихонова, это действенная школа интернационализма, приятие, освоение и пропаганда культур других народов. Однако прав Давид Кугультинов, говоря, что ныне именно Михаил Дудин является наиболее деятельным продолжателем своего учи-

теля. Аветик Исаакян, Сильва Капутикян, Геворг Эмин, Сайфи Кудаш, Михаил Квливидзе, Адам Шогенцуков, Савва Голованивский, Иван Нехода, Дмитро Павлычко, Тобиас Гуттари — широк и многоязычен круг переводимых Дудиным поэтов.

И важно, что он не просто переводит их стихи, он вживается в их творчество. И Кайсын Кулиев, не раз встречавший поэта на берегах своей Жилги, с полным знанием дела напоминал: «Чистейший русский поэт по характеру им написанного, верный ученик великих русских мастеров, вскормленный ивановской крестьянкой, Дудин лишен даже тени чувства превосходства, национальной ограниченности. Таким и должен быть крупный и мудрый художник».

Таким и является М. Дудин — поэт и переводчик.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВОСПИТАНИЕ ЧЕСТЬЮ

Все мы задумываемся над тем, как важно воспитать всесторонне развитую личность, подготовить нравственно чистую, физически полноценную смену. В этой связи большой интерес представляет книга Карема Раша о жизни новосибирского клуба юных мушкетеров «Виктория», в создании и работе которого автор принимал живое, непосредственное участие. Цели клуба были сугубо нравственного порядка, выражавшиеся в очень емкой фразе: воспитать у ребят кодекс чести. Отсюда и девиз клуба: «Отвага. Отчизна. Честь».

Книга представляет собой искренний и страстный монолог во имя благородного дела воспитания юношества, которому посвятил себя автор. Он часто задает себе вопросы: «Какого мужчину я вижу перед собой? Каким я хочу воспитать мальчика? Если на его плечи со временем ляжет забота о семье, значит, и забота о стране». Ответ дан в конце книги, и он в высшей степени современен: «Когда-то в старину на Руси говорили, что самое большое богатство, какое родители могут оставить своим детям в наследство, — это привычка к труду. Не следует ли нам, педагогам, сделать главным принципом нашей программы эту освященную веками мудрость».

При организации клуба его создатели взяли на вооружение такие испытанные воспитательные средства, как интерес, доверие и самостоятельность. «Все были единодушны в том, что программа должна быть увлекательной, не в ущерб глубине и не дублировать школу, что наша задача не столько учить, сколько увлечь, что «Виктория» не клуб для детей, а клуб детей, где они должны чувствовать себя полными хозяевами». Как известно, педагог А. С. Макаренко, работая на такой же основе, до-

---

К. Раш. Приглашение к бою. М., «Советская Россия», 1984.
К. Раш. Лето на перешейке. М., «Молодая гвардия», 1985.

стиг поразительных успехов. Его воспитанники сумели всего за полгода наладить производство знаменитого фотоаппарата; триста деталей изготавливались с точностью до микрона, причем завод был построен на заработанные коммунарами деньги. Конечно, сейчас другое время, другие условия, но разве устарели эти педагогические методы?..

Общим же девизом деятельности К. Раша могут стать слова «любовь и память». Стараясь понять, как же лучше всего сформировать нового человека, он зорко всматривается в прошлое и тщательно ищет в нем истоки той духовной силы, которую он хотел бы видеть в своих учениках, чтобы уверенно смотреть в будущее. К. Раш обращается к нашей славной истории, к подвигам ее лучших сынов, начиная с походов Святослава и кончая сражениями Великой Отечественной войны. Его герои разыскивают пластинки со старинными русскими маршами, собирают портреты участников знаменитых битв и морских кампаний, наносят на карту места, где покоится прах замечательных граждан Сибири — военных моряков, врачей, ученых, революционеров, — ставят спектакли, устраивают балы, изучают гербы Суворова, Аксаковых...

Работая с клубом, К. Раш вновь и вновь повторял: «Мы строим семью, большую семью и попробуем слить в первоначальное единство физическое, нравственное и эстетическое начала, говоря проще — здоровье и красоту соединим под одной крышей. Мы хотим наполнить наш дом книгами, картинами, музыкой, старинной мебелью, зажечь огонь». Он неутомим в стремлении к достижению извечной гармонии между душой и телом.

Особые надежды автор связывает с фехтованием, поскольку, по его мнению, ни один вид спорта сегодня не располагает такими военно-художественными традициями и воспитательным арсеналом. Его точка зрения категорична: «Только с моральных позиций перед спортом открываются безграничные возможности в формировании личности». Поэтому больше всего он боялся, как бы им не завладело искушение делить детей на «перспективных» и «бесперспективных». Но боялся напрасно. В клуб охотно брали всех, в том числе и так называемых «педагогически запущенных», так как была уверенность в том, что деликатность, мягкость, чуткость в союзе с множеством увлекательных дел и духом истинного рыцарства обладают магическими притягательными свойствами и способны переделать любого «трудного» ребенка.

Безусловно, фехтование обладает исключительным воспитательным потенциалом: открытый бой, честный, бескомпромиссный поединок, мужественное противоборство, имеющие вековые традиции, способны выковать стойкость, благородство, великодушие, все те качества, которые так хочется замечать в своих детях и которые, увы, нередко в них отсутствуют. Ученики К. Раша выработали «Свод правил чести», и провинившийся отчислялся из клуба. Ребята дорожили своими рыцарскими правилами и нарушать их не позволяли никому.

О благотворной работе и

высоком авторитете новосибирского клуба «Виктория» можно судить не только по тому, что он просуществовал длительное время и что его Почетным президентом был академик М. А. Лаврентьев. Главное видится в другом: подавляющее большинство его выпускников, получивших столь крепкую духовную и физическую закалку, во всех жизненных ситуациях неизменно оставались на той нравственной высоте, которая во все времена отличала наших лучших соотечественников. И это самая высокая награда для их наставников.

Если в книге «Приглашение к бою» события происходят в Новосибирске в конце 60-х годов, то в книге «Лето на перешейке» автор переносит читателя на десять лет раньше, в другой конец страны, на Кольский перешеек, куда он, студент-востоковед Ленинградского университета, попал волею случая в лагерь детдомовцев на три летних месяца и где «стал отцом семейства из восьмидесяти чад, которых четырежды на дню кормить, купать, мирить, ругать, учить, оберегать, укладывать спать и делать еще тысячу других дел, и все впервые в жизни».

К. Раша потрясла их горькая участь. «Судьбе было угодно, чтобы я постиг семью от противного, узрел бездну отчаяния детей, безвинно оставленных один на один с целым светом. Половина моих ребят — дети войны, осиротевшие после блокады». И дальше с безмерной тоской и грустью пишет: «Некому прижать их к сердцу, подоткнуть перед сном одеяло, шепнуть ласковое слово и вытереть слезы».

Однако, кроме сострадания, автор испытывал и другое светлое чувство — восхищение. И еще: главной чертой всех обитателей Дома, первой добродетелью, на которой зиждилась эта своеобразная семья, была «неустрашимая честность».

Может быть, соприкосновение с чистыми детьми, не знавшими запаха домашнего очага и теплоты родительских рук, и послужило причиной того, что автор так много и мудро рассуждает о таком извечном понятии, как семья. «Сменялись тысячелетние религии, рушились царства, горели земли, а семья живет, как живет в сердце каждого из нас освежающий огонь семьи. Он с нами до последнего часа».

Герои повести-были написаны живо и выразительно. Запоминаются образы поварихи Марьи Ивановны и егеря Петровича, отдающих себя без остатка детям. Автор изумляется их неиссякаемому душевному теплу. «Марья Ивановна у нас не просто стряпуха, она без педагогических книг, просто, по-народному, отдает себя без остатка детям, не задумываясь, не ожидая наград, с такой естественностью, что подражать ей просто невозможно, — или это дано тебе, или не дано», — отмечает автор. Ежедневное с ней общение, видимо, и послужило причиной обстоятельных писательских размышлений о месте, которое женщина должна занимать в семье и обществе.

Эта повесть — о верности и долге, о призвании, и, видно, недаром книга кончается символическими словами: «Дети — это и есть жизнь».

За книгу «Лето на перешейке» К. Раш был удостоен звания лауреата Всесоюзного

литературного конкурса имени Николая Островского. О чем бы ни размышлял писатель, какие бы нравственные вопросы ни затрагивал, за каждой его строкой чувствуется личность ищущая и беспокойная, а главное — глубоко причастная к судьбе своей Родины, народа.

Анатолий ЕРМАКОВ

ОСТРОТА ПАМЯТИ

Поэтический сборник «Шел отец...» включает стихи поэтов, рожденных в войну и послевоенные годы. Война и ее ближайшие последствия: сиротство, трудности послевоенного периода — сказались на формировании мировоззрения этих поэтов. Обостренное патриотическое чувство, гражданственность поэтического мышления — вот что объединяет их. «Дети войны», «безотцовщина» — эти слова были привычными в народной лексике полтора десятка лет. Страна жила в кругу страшных реалий войны и близких ее отголосков. Кровоточили раны земли и памяти. Но и в это время, как пишет Владимир Евсеичев:

Рождалась Россия. Рожала
Хозяев для нив и дубрав...

Рождала она и поэтов, чьи лучшие сегодняшние стихи посвящены подвигу, памяти, борьбе за мир.

«Солдатский сын, что вырос без отца и раньше срока возмужал заметно... Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын», — призывал Александр Твардовский. Этим стихотворением открывается сборник. Готовность отстоять мир на долгие годы, верность идеалам живет в наследниках воинов-освободителей. Поэты — наследники уникальной и трагической Памяти, входя в зрелость, понимают избранность своей судьбы в мире: «Вот моя неконченная повесть, крови с долей яростная помесь», — пишет лауреат премии Ленинского комсомола белорус Владимир Некляев. Острота этой памяти характерна для многих стихотворений сборника:

Склонись в раздумье над
любым пригорком, —
Не ошибешься: — здесь
солдат зарыт, —

размышляет Александр Бобров. И как бы продолжает его мысль в стихотворении «Пискаревское кладбище» Анатолий Богданович:

Тут нет из родных у меня
никого.
Из близких — четыреста
тысяч.

Отвечая на тревожащие их вопросы, поэты стремятся быть достойными подвига народа:

...Поэтому должен хотя бы
наш разум
Дорогой страданья пройти.
И мы разобраться обязаны
сами
В той боли, что мир
перенес... —

утверждает Юрий Поляков.

«Шел отец...». Сборник стихов советских поэтов. М., «Современник», 1985.

Сборник выявляет тенденцию движения современной лирической мысли: от репортажности, повествовательности, фиксации непосредственных впечатлений авторы идут к конкретному и одновременно обобщенному представлению о времени и о себе.

Молодые поэты вглядываются в глубины памяти, истории, всматриваются в жизнь с непреходящим изумлением, остро ощущая ее хрупкость, зная, что она бесценный дар. Ребенок и отец... Молодой Владимир Хохлов решает тему преемственности, поднимая ее до символа:

...с детства русская земля
Моим трудом растила
И стены древнего Кремля,
И мышцы ратной силы.
«Всему свой срок, — сказал отец. —
Апрель развяжет почки». —
Но грудь ему прожег свинец...
Я был в его сорочке...

Высока и трагична судьба женщины в Великой Отечественной войне. Поколение, оставшееся в большинстве без отцов, познало высоту и жертвенность материнского сердца. Велики масштабы народного горя. Темы вдовства, разлуки, одиночества развиваются слитно с темой матери. «И тесно от солдаток и невест, и беспризорны спеющие губы», — как бы вновь увидел Игорь Бехтерев приметы времени в стихотворении «Танцплощадки 1946 года». Понимание этой боли, этих судеб близких, родных — великий стимул активного, кровно заинтересованного отношения к проблемам времени, залог гражданской состоятельности поколения «детей». Требовательность к себе, широта исторических воззрений — вот с чем вошли в поэзию поэты послевоенного поколения:

Будь суров ко всякой нечисти,
Сам душою не криви,
Чтобы смог хранить для вечности
Мир, рожденный на крови, —

говорится в стихотворении Петра Прибылова. Ему созвучны стихи И. Ляпина: «И на мои на первые седины глядят белоголовые мужчины, друзья отца внимательно глядят». Под этим взглядом молодые мужают. Гордость за народ, ответственность за судьбу планеты звучат и в стихах поэтов В. Яковлева, В. Топорова.

Ища опоры в героическом прошлом, мысль поэтов направлена в будущее. Вот исторические аналогии Александра Боброва:

И кто б продолжить
Карамзинский труд не брался.
Он должен помнить — всякая глава,
Пусть горькая, таит в конце слова:
«Враг наступал.
Орешек не сдавался...»

Это со сдержанной силой высказанное убеждение в крепости духа народного перекликается с лаконичным, звучным, емким стихотворением Георгия Зайцева. Поэт как бы подытоживает думы, тревоги, надежды поколения. Его художественные выводы определенны, характер ясен, идеалы подтверждены жизнью:

Но молот голодного года
В нас выковал волю и дух.
И гордость большого народа
Пришла к поколенью не вдруг.

Такую похожесть приемлю —
В нас качества пращуров
есть:
Мы любим Отечества землю,
Храним ее славу и честь.

Наследники трудовой и ратной славы — сыновья во всем достойны отцов.

В основном зрелые, художественно зоркие, гражданственные стихи собраны в этом сборнике. Они дают интересную картину мира, панораму мыслей и чувств современника.

Раиса РОМАНОВА

МЕХАНИЗМ ЛЖИ

Книга публициста Г. Оганова «Паутина. Очерки империалистической индустрии лжи» раскрывает приемы и методы деятельности средств массовой информации капиталистических стран, при помощи которых они влияют на политическую атмосферу, на формирование взглядов миллионов людей.

«За последние годы и десятилетия, — пишет автор книги, — пресса, телевидение, радио Запада поднакопили богатый опыт обработки сознания масс, немало усовершенствовали хитроумную технологию дезинформации и клеветы. Умело препарированные, а вернее, поставленные с ног на голову факты, сервированная под необычайную откровенность полуправда, запрограммированные умолчания, а если потребуется, то и хорошо организованные «утечки» информации, прямой вымысел, положенный в основу долговременных клеветнических кампаний, — все пускается в ход для обмана миллионов людей».

Для средств массовой информации Запада характерен уход от серьезных, насущных проблем современности. Вместо этого «прямо», «открыто» разоблачаются отдельные «локальные» безобразия в общественно - политической жизни капиталистического общества и тем самым камуфлируются и затушевываются кардинальные, внутренне присущие системе противоречия. Этому же служит и еще одна особенность западной прессы, радио, телевидения. Все они по возможности избегают обобщения, анализа, выводов и более склонны к изложению динамичных сюжетов в их первозданном виде.

Значительное место на страницах газет, в радио- и телепрограммах занимают материалы, построенные согласно теории пяти «с» («сенсация», «скандал», «страх», «секс», «смерть»). Широкое распространение бульварщины связано не только с коммерческими соображениями, как пишет Г. Оганов, этот «круг тем признан хозяевами средств массовой информации самым действенным наркотиком, способным при употреблении в больших дозах

Григорий Оганов. Паутина. Очерки империалистической индустрии лжи. М., Политиздат, 1985.

превратить духовно неразвитые, политически незрелые массы в послушное человеческое стадо, пережевывающее еженедельную жвачку буржуазной идеологии, потребительских «идеалов». Ведь в этом состоянии им легче всего скармливать вместе с массой «обычных» сенсаций и сплетен прямую, ничем не прикрытую клевету на Советский Союз, другие социалистические страны».

Пропаганда всегда непосредственно связана с политикой. И цели политики определяют собой цели и средства пропаганды. Именно об этом еще в апреле 1917 года писал В. И. Ленин: «Шумят капиталисты и пресса капиталистов, вот кто «шумит вовсю», стараясь *перекричать,* не дать выслушать правды, залить все потоком брани и выкриков, *помешать* деловому *разъяснению»*.

Огромное количество всякого рода фактов, сведений, выплескиваемых на рядового гражданина Запада, создает иллюзию информированности, осведомленности о событиях, происходящих в мире. Но подобная осведомленность, как правильно показывает автор книги, иллюзорна. На самом деле обилие информации призвано полностью лишить ориентации воспринимающего ее, загнать его в информационную ловушку, о которой писал западногерманский публицист Г. К. Реглин: «Мы верим, что знаем все, все, что только возможно знать, однако, в сущности, едва ли знаем что-либо, потому что мы вовсе не способны включить в свою жизнь этот бессвязный поток информации». Это приводит к тому, что массы не в силах разобраться в значении потока событий, установить их внутренние связи и поэтому практически без сопротивления следуют за толкованием этих событий, которое им услужливо предоставляют.

Классовый характер подобного толкования тщательно замалчивается, как и его цель — увод от резких противоречий действительности, отвлечение от существенных проблем, лишение человека способности критически оценивать окружающий мир.

В свое время автор политики «на грани войны» Д. Ф. Даллес заявлял: «Чтобы заставить страну взять на себя бремя, которого требует содержание мощных вооруженных сил, надо создать эмоциональную атмосферу, близкую к военной истерии. Надо вызвать страх перед опасностью «извне». Именно отсюда сегодняшняя пропаганда СОИ как некой инициативы в области так называемой «стратегической обороны», резко негативная реакция на новую советскую мирную инициативу — одностороннее прекращение любых ядерных испытаний, любых ядерных взрывов и призыв к Соединенным Штатам последовать этому примеру. Анализируя деятельность средств массовой информации США последнего времени, Г. Оганов пишет: «Возрожденный с новой силой старый клеветнический стереотип «советской военной угрозы» стал выполнять двоякую «организационную» роль: с одной стороны, он работал как типичный антикоммунистический стереотип, помогая нагнетанию антисоветской истерии и протаскиванию в интересах военно-промышленного комплекса новых агрессивных планов «довооружения», создания особо опасных систем новейшего вооружения

массового уничтожения, а с другой стороны, помогал восстанавливать некоторые поистрепавшиеся идеологические имиджи Соединенных Штатов, являющихся будто бы «защитником свободного мира», «стражем демократии», осуществляющим миссию «мирового лидерства».

«Свобода» буржуазных средств массовой информации представляет собой, как отмечал В. И. Ленин, «не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.».

Пресса, радио, телевидение Запада интегрированы в системе власти капиталистических стран. Об этом исчерпывающе откровенно высказался Джон Конелли, бывший министр финансов США, заявивший на одной из встреч с руководителями средств массовой информации страны: «На печать... возлагается определенная ответственность за то, чтобы сохранить навсегда общество, в котором она процветает, сохранить существующую политическую систему». В этом определении с достаточной полнотой выражена крайне реакционная роль буржуазных средств массовой информации, роль, отведенная им хозяевами — правящим классом, империалистической верхушкой.

Касаясь проблемы связи между средствами массовой информации и органами власти США, как и большинства других западных стран, профессор Парижского университета Ж.-А. Астр в большой статье, опубликованной в «Нью перспективс» (Хельсинки), писал: «...Влиятельные круги, которые держат в руках реальную власть и в соответствии с данной ситуацией формируют информационную «диету» для жителей Запада, — по сути, те же самые силы, которые в течение многих десятилетий пытаются утвердить гегемонию американского капитализма».

За последние десятилетия на Западе, как отмечает автор «Паутины», резко усилился процесс концентрации издательского капитала. Одна за другой газеты, телевизионные центры и радиостанции скупаются крупными, чаще всего транснациональными монополиями. Так, в США из полутора тысяч ежедневных газет две трети принадлежат мощным газетным синдикатам, среди которых главенствуют издательства империи Ньюхауза, Мэрдока, Херста, корпорации «Скриппс — Говард ньюспейперс», «Нью-Йорк таймс компани», «Тайм инкорпорейтед», «Найт ньюспейперс».

В условиях США, где телезрителей гораздо больше, чем читателей газет, особое значение имеет тот факт, что представители определенных семей крупной буржуазии играют главную роль в трех основных телевизионных монополиях — «Коламбия бродкастинг систем», «Американ бродкастинг корпорейшн» и «Нэшнл бродкастинг корпорейшн». Именно эти компании во многом формируют общественное мнение в стране, так как через них американцы получают девяносто процентов всех телевизионных новостей. Они главный источник информации американцев о событиях в мире.

Г. Оганов приводит мнение видного американского специалиста в сфере пропаганды

Д. Макгинниса, что манипуляция средствами массовой информации давно превратилась в тончайшее искусство. Сегодня Белым домом ставится задача полностью контролировать информационную обстановку в стране.

«Для заведующих отделами новостей тех изданий, — пишет автор «Паутины», — которые призваны стать рупором Вашингтона, устраиваются специальные брифинги, на которые не приглашают журналистов из менее сговорчивых изданий; с самыми доверенными главными редакторами регулярно встречаются высшие чины администрации, включая президента; изданиям-рупорам предоставляется наиболее ценная информация, через них же организуются нужные «утечки» информации, координируется взаимодействие отдельных изданий, радио- и телекомпаний с Центральным разведывательным управлением и другими спецслужбами США».

Все это приносит свои плоды. Так, многие миллионы американцев верят в миролюбие вашингтонской администрации и считают, что «с Советами следует разговаривать лишь языком силы». «Заслуга» буржуазной пропаганды в подобной позиции своих граждан несомненна. Разоблачению ее приемов и методов, сеющих ложь и клевету, и посвящена книга Г. Оганова.

Ю. ЛУБЧЕНКОВ

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Мать семейства, любящая жена, одержимая заботами по дому, и она же профессиональный детектив — капитан милиции Кузьмичева... Не так-то уж часто можно встретить в нашей литературе такой женский образ.

В девятнадцатом веке проза, где действовал герой следователь-криминалист, только заявляла о себе в жанре детективной литературы. Правда, именно тогда она достигла своих, может быть, наивысших вершин. Вспомним Шерлока Холмса, вспомним рассказы Эдгара По, которыми до сих пор зачитываются молодые и немолодые читатели.

Но в наше время детективная литература приобрела особую популярность как литература не столь чтимая, сколь читаемая.

В чем секрет популярности этой литературы? Ответ весьма простой. Читателя влечет увлекательный сюжет, тайна, которую ему вместе с автором удается в конце концов раскрыть. Читателя влечет к себе необыкновенное.

Мне кажется, что мы порой в наших дискуссиях о детективной литературе умышленно или неумышленно снижаем планку требовательности. Мол, сегодня не нужен в криминалистике интеллект Шерлока Холмса. Не то время! Сегодня прогресс в науке и технике дал следователю невиданные до этого возможности

Л. Юнина. Женщина в однокомнатной квартире. Повести, рассказы. М., «Современник», 1985.

для раскрытия преступления. Да к тому же у нас само общество помогает следователю. В ответ на всесоюзный розыск преступника или сообщение о нем по телевидению, а чаще всего по своей доброй инициативе часто найдется добровольный свидетель, который придет на выручку к следователю.

Убежден, в наш век наука и техника не должны подменять интеллект человека, в данном случае — следователя. Пользуясь нынешними достижениями прогресса, он должен заявить о себе при раскрытии преступления как яркая личность. Он должен первым догадаться о том, о чем мы не можем догадаться, увлечь нас игрой своего воображения, прозорливостью ума, а не жить на иждивении достижений нынешней науки и техники, на иждивении социальной сознательности наших людей. Может быть, из-за отсутствия таких ярких, неповторимых личностей, со своим проникновенно изобретательным мышлением герои многих наших детективных романов не умеют мыслить.

Неповторимой может быть только личность, а коль такой неповторимой личности нет, многие наши детективные романы неизбежно становятся похожими друг на друга.

Конечно же, Л. Юнина — автор повести «Из жизни капитана Кузьмичевой», вошедшей в книгу ее прозаических произведений, не создала образ женщины-детектива, равный персонажу английского писателя Конан Дойла.

Ее Ефросинья Викентьевна Кузьмичева — рядовой работник нашей милиции. Однако работник пытливый, зоркий, проницательный, умеющий сделать, когда это надо, верные выводы, пойти по правильному пути.

Звезд с неба она не хватает, но умно и добросовестно исполняет свой служебный долг.

Кроме служебного долга, как жена и мать, она ощущает в себе извечную женскую потребность каждодневно выполнять свой семейный долг. Эти будничные заботы приносят ей и радости и огорчения.

В повести не менее, чем детективный сюжет, нас увлекает повествование о семейной жизни капитана Кузьмичевой, написанное с житейской достоверной убедительностью, порой остроумно, с веселым обаянием. Подкупает доверительность авторской интонации О Кузьмичевой нам рассказывает другая женщина. Женщина умная, наблюдательная, умеющая понять и эту свою героиню, и других героинь повестей и рассказов, включенных в книгу. В ее рассказе отразились и тревоги преждевременной старости, и ревность счастливой жены, и женская дружба, не менее самоотверженная, чем мужское товарищество.

Во многом Л. Юниной удается смотреть на своих героинь несколько со стороны, не впадая в слащавую, умиленную сентиментальность. Во многом, но не всегда.

Героиня одной из первых повестей Л. Юниной, «Женщина в однокомнатной квартире», Дарья Павловна — профессор, заместитель директора института — сорокапятилетняя одинокая женщина. «Как всякий нормальный человек, она страдала от одиночества, не очень, правда, потому что на настоящие страдания у нее не было времени. Фраза «зачем мне нужен муж» была бравадой. Теоретически иметь хорошего лю-

бящего и любимого мужа и быть кем-то защищенной она бы желала...»

У этой деловой, независимой женщины внезапно вспыхивает любовь к своему сослуживцу, талантливому ученому, человеку значительно моложе, ибо возраст женщина, как известно, воспринимает трагичнее мужчины. Ситуация очень жизненная. И может быть, потому не раз встречавшаяся в литературе. Читается это с сочувствием и интересом. Но мешает умиленность автора своей героиней. Уж больно она красива и элегантна, что не раз подчеркивает автор. Уж больно влюблен в нее молодой ученый — ее сослуживец.

«Ее близость, запах ее духов пьянили Максима, голова кружилась. И он опустил ресницы, пушистые, как у девочки. Дарья Павловна гибко склонилась к нему и поцеловала в закрытый глаз.

Максим протянул ее ладонь к губам и зашептал в эту ладонь:

— Дарья Павловна, бросьте все. Выходите за меня замуж!»

Описывать такие счастливые мгновения в жизни человека не так-то легко. Счастье трудно поддается описанию. Может быть, потому, что и в самой жизни в такие мгновения счастье бывает нам трудно высказать. Оно разрывает дыхание, оно не вмещается в слова. И все-таки писатель должен быть строже к себе, к своему языку.

Справедливости ради должен сказать, что эта повесть написана ранее других, что с годами у Л. Юниной выработался более твердый почерк, во многих случаях застрахованный надежным вкусом.

Меня привлекает в повестях и рассказах Л. Юниной умение остро чувствовать время с его нравственными проблемами, волнующими многих людей. Отрадно, что ей присуще чувство читателя, умение откликнуться на его душевные состояния, нащупать болевые точки его сердечных дум. Правда, порою это сопряжено с несколько поверхностным скольжением, а хочется вспашки поглубже.

В этом смысле знаменателен рассказ «Директор». Героиня его умная, волевая, красивая женщина, самоотверженно занятая любимым делом так, что у нее всегда не хватает времени на воспитание своих детей. Директор завода Зоя Васильевна решительно борется с приписками, очковтирательством, штурмовщиной, не боится оставить коллектив без премии. Рассказ написан сравнительно давно, но женщина эта думает мыслями сегодняшнего дня, говорит сегодняшними нашими словами: «...от создания проекта до пуска линий проходят иногда годы, и завод, еще не начав выпускать продукцию, морально стареет. После реконструкции завод прожил всего два года, срок невелик, но, чтобы быть на современном уровне, он должен совершенствоваться ежемесячно, ежедневно, ежечасно. Ничего этого здесь не делалось. Производительность труда повышалась медленно, увеличение плана шло в основном за счет упрощения изделий. Нужны были крупные перемены. Напряженная работа потребуется от всего коллектива, от директора до уборщицы!» «...План увеличивался за счет ухудшения качества».

Казалось бы, можно радоваться такой дальнозоркости

автора, такому дару предвидения. Но когда читаешь рассказ, тебя не покидает чувство, что сегодня эта смелость в постановке вопроса уже не смелость. Она как бы плетется в хвосте событий. Сегодня надо нечто другое, не просто обозначающее проблему, а глубинно, философски проникновенно ее раскрывающее.

Если литература не схема, не конструкция, пусть даже искусно возведенная, она отображает не одну и не две даже самые важные, волнующие на сегодня проблемы, она отображает нечто более широкое, то, что способен отобразить только художественный образ, — она отображает жизнь со всеми ее противоречиями. Да и к тому же нельзя забывать о том, что самые острые, волнующие нас проблемы неразрывно связаны со временем, их породившим. Как раз в этом их острота. Завтра придет новое время — придут новые проблемы. А человеческий характер в литературе вечен. Он волнует новые поколения людей. Вспомним нашу бессмертную классику.

Л. Юнина сумела предугадать проблемы, которые с особой остротой волнуют нас сегодня. Но придет завтрашний день, придут новые проблемы. Не стареют только живые человеческие характеры, выписанные с подлинной художественной силой, а значит, и неповторимостью.

Повесть «Человек на пенсии» ставит перед нами проблему, заявленную в самом названии. Пенсионер Анна Ивановна прожила большую, насыщенную событиями жизнь, всегда требовавшую от нее социально активных действий. Пришло время уходить на пенсию, неожиданно получить этот бессрочный больничный лист старости, вполне ее обеспечивающий.

Она никогда не считала себя старой. Работа, волнения, заботы мешали ей стареть. Как жить дальше? Куда приложить свои силы? Эта нравственная проблема исполнена социальной значимости. Сколько в нашей стране таких, еще полных сил пенсионеров.

Л. Юнина справедливо говорит о том, что подлинная забота государства об этих людях должна заключаться не только в материальном обеспечении их, но и в той помощи, которая помогла бы им занять посильное место в рабочем строю. Будучи на пенсии, такие люди могли бы работать в аптеках, загсах, в архивах.

Один из героев повести, Метельников, говорит: «...В древности на Востоке стариков именно за их старость уважали, потому что, как правило, старость мудра. Вот мы с вами в Москве живем... А тут ведь, наверное, каждый пятый житель — пенсионер. Это же невероятно много! А работников не везде хватает. Глядите, кто работает секретаршами? Молоденькие девчонки, женщины в расцвете сил. А в секретарши надо брать пенсионеров. Люди серьезные, опытные, они замечательными помощниками станут. И работать могут за полставки. Не прав ли я?»

Думаю, Метельников прав в том, что старость достойна уважения. Природа мудра: у каждого возраста свое счастье, наиболее ему, этому возрасту, свойственное. Счастье юности — новизна первой любви, новизна встреч с людьми, новизна дорог. Счастье старости — уважение людей, тебя окружающих. Беда, если

ты не заслужишь такое уважение. В старости ничего страшнее быть не может.

Итак, проблема поставлена. Об этом можно было бы написать очень злободневную публицистическую статью.

Но, допустим, завтра мы бы решили в масштабах страны проблему занятости пенсионеров. И уже проблемы нет. И статья эта осталась во вчерашнем дне. А если повесть похожа на статью, то нет и повести. Смею утверждать, что повесть «Человек на пенсии» есть. Думаю, что она будет с интересом читаться и сегодня и завтра, потому что в повести есть живые человеческие характеры, есть ситуация, заставляющая задуматься.

Дочка Анны Ивановны Мая — очень любящая, трогательно заботливая дочка. Она не то что хочет превратить пенсионерку мать в няньку и домработницу, она оберегает ее буквально на каждом шагу от любых услуг по дому.

Но как жестока эта ее забота о матери! Ведь, лишая мать возможности помогать внучке и ей, лишая ее этих каждодневных хлопот и забот, она лишает мать единственной радости ее существования на свете, лишает ее смысла жизни.

Нет, она, эта безукоризненно любящая дочка, не любит мать, потому что не живет ее желаниями и думами. Она любит себя, свою любовь к матери, свою доброту и порядочность. Как ни парадоксально, но в ее заботе о матери больше эгоизма и бездушия, чем любви.

Здесь не только поставлена проблема, но и художественно воплощена в живые образы. Здесь чувствуется зоркая наблюдательность автора.

Первая книга повестей и рассказов Л. Юниной «Женщина в однокомнатной квартире» не только начало, но и обещание новых хороших книг.

Николай ДОРИЗО

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 29.08.86. Подп. в печ. 13.10.86. А07856.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 201.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

«СОКОЛ-308»

переносный транзисторный радиоприемник третьего класса обеспечивает прием передач в диапазонах СВ, КВ и УКВ.

Радиоприемник имеет внутреннюю магнитную антенну для приема в диапазонах СВ и КВ и штыревую телескопическую для приема в диапазоне УКВ, автоподстройку частоты в диапазоне УКВ.

Предусмотрена возможность подключения внешней антенны, головного телефона и внешнего источника питания.

Масса — 1,5 кг.

Спрашивайте «Сокол-308» в магазинах, торгующих радиоприемниками.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251